

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

курс лекций

МАХАЧКАЛА 2020

СОСТАВИТЕЛЬ: ТАИЛОВА А.Г.

Курс лекций составлен в соответствии с требованиями ФГОС ВПО с учетом положения по разработке рабочей программы по направлению подготовки 40.04.01 – «Юриспруденция».

Таилова Айша Габировна

Учебное издание

**Научные основы квалификации преступлений
(курс лекций)**

Содержание

Введение

Содержание курса

Понятие, виды и значение квалификации преступлений. (ОК-5, ПК-12)

Методологические основы квалификации преступлений (ПК-11, ПК-12)

Принципы квалификации преступлений (ПК-11)

Процесс квалификации преступлений, его этапы. Правила квалификации преступлений (ПК-11)

Состав преступления – юридическая основа квалификации (ПК-5)

Квалификация неоконченной преступной деятельности (ПК-5)

Квалификация преступлений, совершенных в соучастии (ПК-5)

Квалификация преступлений при множественности и конкуренции уголовно-правовых норм (ПК-5)

Квалификация преступления на различных стадиях уголовного процесса и пределы ее изменения (ПК-5)

Перечень основной и дополнительной учебной литературы, необходимой для освоения дисциплины

Введение

Изучения учебной дисциплины «Научные основы квалификации преступлений» имеет большое практическое значение, так как способствует получению обучающимися отдельных навыков деятельности сфере уголовного судопроизводства.

Цель изучения учебной дисциплины: формирование у студентов глубоких теоретических знаний по вопросам правильной квалификации преступных деяний, регламентированных Особенной частью УК РФ 1996 г., их отягчающих правоприменительной деятельности.

Цель изучения учебной дисциплины: формирование у студентов глубоких теоретических знаний по вопросам правильной квалификации преступных деяний, регламентированных Особенной частью УК РФ 1996 г., их отягчающих правоприменительной деятельности.

Дать возможность студентам овладеть теоретическими знаниями основных концепций и ключевых проблем квалификации преступлений; сформировать у обучающихся глубокие знания о содержании соответствующих проблем права, задач перед данным видом деятельности, правовой регламентации соответствующей практике; о методах, используемых при квалификации преступлений.

Задачами преподавания дисциплины являются:

формирование профессионально-необходимых в профессиональной деятельности инструментальных, межличностных, системных и специальных компетенций;

удовлетворение потребности учащихся в научных знаниях о наиболее актуальных современных проблемах квалификации преступлений;

формирование современных теоретических представлений о квалификации преступлений, основных тенденциях их развития;

формирование навыков практического применения норм уголовного права с учётом практики правоприменения;

формирование навыков исследовательской и педагогической деятельности.

В результате освоения дисциплины обучающийся должен: знать: основные проблемы квалификации преступлений на современном этапе; наиболее распространенные и типичные недостатки судебной практики; влияние назначения и принципов основ квалификации преступлений на механизм правового регулирования; обусловленность решений Конституционного и Верховного судов РФ европейскими стандартами в области прав человека; правовое и нравственное содержание принципов научной квалификации преступлений; причины теоретических разногласий в вопросах совершенствования квалификации преступлений;

уметь: самостоятельно изучать и критически анализировать научную литературу; применять полученные теоретические и правовые знания в ходе

выполнения норм права; обобщать, анализировать и объяснять нормы уголовно-исполнительного права с учетом принципов международного права, решений ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ; логически и теоретически обосновывать, и отстаивать свою правовую позицию, аргументировано опровергать доводы оппонентов по актуальным проблемам квалификации преступлений; на основе полученных знаний находить способы разрешения проблемных ситуаций; дополнительные аргументы для обоснования решения; нормативные акты и опубликованные решения Верховного и Конституционного Судов РФ, ЕСПЧ;

владеть: системного, структурного, исторического, социологического анализа основ квалификации преступлений; анализа и оценки обоснованности обсуждаемых в теории концепций развития научных основ квалификации преступлений; анализа и оценки состояния правоприменительной практики; поиска путей разрешения сложных ситуаций, обусловленных недостатками правового регулирования; разработки предложений, направленных на совершенствование норм уголовного права и практики их применения; аргументированного объяснения спорных вопросов квалификации преступлений, приемами убеждения оппонента и активного слушания.

Курс «Научные основы квалификации преступлений» рассчитан на один семестр.

Дисциплина «Научные основы квалификации преступлений» (М2.В.ДВ.1) относится к дисциплинам по выбору вариативной части профессионального цикла. В методическом плане дисциплина опирается на знания, умения и компетенции, сформулированные при изучении дисциплин «Тактика и методика расследования преступлений», «Современные проблемы уголовного права».

Тема 1. Понятие, виды и значение квалификации преступлений. (ОК-5, ПК-12)

Важное место в практическом применении уголовного закона занимает квалификация преступлений. Квалифицировать (от лат. qualis - качество) – относить некоторое явление по его качественным признакам, свойствам к какому-либо разряду, виду, категории. Понятие “квалификация преступлений” тесно связано с вопросами применения нормы права, оценки общественно опасного деяния, привлечением к уголовной ответственности, освобождением от уголовной ответственности и наказания, решением вопросов избрания конкретного вида и размера наказания и т.д. Как показывает следственная и судебная практика, в среднем около 50% ошибок непосредственно связано с неправильной квалификацией, то есть с ошибочным применением норм материального права (уголовного закона). Неправильная оценка дознавателем, следователем, прокурором или судьей факта жизненной реальности может вызвать применение к невиновному лицу мер уголовного наказания или уголовно-процессуального принуждения, характеризующихся существенным ограничением свободы личности.

Квалификация преступления – это установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой.

Отмеченное определение является общепризнанным в теории отечественного уголовного права и представляет собой основу для развернутого раскрытия содержания понятия квалификации преступления.

Словосочетания «квалификация преступления» и «квалификация преступлений», различающиеся по написанию слова «преступление» в единственном и множественном числе, употребляются в настоящее время в юридической литературе как синонимы.

Квалификация преступления – это понятие, слагаемое из совокупности четырех компонентов.

Первый состоит в том, что квалификация преступления представляет собой правовую оценку именно преступного деяния, то есть деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, хотя бы одного.

Второй компонент квалификации преступления – признаки совершенного деяния.

Третий компонент квалификации преступления – признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом.

Четвертый компонент квалификации преступления – это установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками, составляющими ее второй и третий компоненты.

Квалификация преступления представляет собой, с одной стороны, процесс и, с другой – результат.

В качестве процесса выступают, во-первых, выявление фактических признаков совершенного деяния, во-вторых, выбор уголовно-правовых норм, в первую очередь нормы Особенной части УК РФ, и при бланкетной последней – других (не уголовных) законов и (иных) нормативных правовых актов, на которые в ней сделаны ссылки, и в которых содержатся признаки состава преступления, и, в-третьих, мыслительные операции субъекта квалификации преступлений по сопоставлению того и другого. Данный процесс расчленяется на указанные составные части лишь теоретически. В действительности же в сознании субъекта квалификации преступлений все эти части переплетаются друг с другом, органически взаимосвязаны между собой и весь процесс протекает слитно, как единый.

Квалификация преступления, как результат, следует учитывать, что фактические признаки совершенного деяния соответствуют признакам состава преступления, предусмотренного уголовным законом, а также, если диспозиция статьи особенной части этого закона является бланкетной, еще и другими законами и (или) иными нормативными правовыми актами, ссылки на которые содержатся в указанной диспозиции, и юридическое закрепление данного вывода.

Принято в юридической литературе различать такие виды квалификации преступлений: официальная (легальная) и неофициальная (доктринальная).

Неофициальная (доктринальная) квалификация – соответствующая правовая оценка преступного деяния, даваемая отдельными гражданами: научными работниками, авторами журнальных статей, монографий, учебников, учебных пособий, студентами, изучающими те или иные конкретные уголовные дела и т.д.

Официальная квалификация преступления рассматривается по конкретному уголовному делу и выполняется лицами, специально уполномоченными на это государством. Представляется необходимым указать еще и на такой ее признак, как закреплённость ее в документе, предусмотренном уголовно-процессуальном законодательстве: постановлении о возбуждении уголовного дела, постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительном заключении, приговоре и т.д.

Представляется возможным указать, что такими учеными как Гаухманом Л.Д., Корнеевой А.В., Куриновым Б.А., Рарогом А.И. в своих трудах не указывается, что первоначальная квалификация указывается уже при приеме и регистрации преступления, по результатам которого принимается решение в порядке статей 140-145 УПК РФ. Вместе с тем, именно на этапе уполномоченным должностным лицом – органом дознания, дознавателем, следователем, заместителем руководителя следственного отдела, руководителем следственного отдела принимается решение о

квалификации деяния, указанного в процессуальном повODE (статья 140 УПК РФ). Эта «первоначальная квалификация» указывается в соответствующем документе строгой отчетности (КРСР-книга регистрации сообщений о преступлении, предусмотрена приказом Председателя СК РФ № 75 от 14.03.2012 года, КУСР-книга учета сообщений о преступлениях, предусмотрена приказом МВД РФ № 333 от 2010 года), а затем учитывается в статистической отчетности.

Всякая иная квалификация преступления, которая не характеризуемая совокупностью трех названных признаков, является неофициальной квалификацией преступления.

Только официальная квалификация имеет юридическую силу и влечет конкретные юридические последствия. Доктринальная квалификация лишь выражает мнение ученых и других лиц по вопросам квалификации преступлений, она не имеет процессуального оформления и не влечет юридических последствий.

Уголовная политика может изменяться и без определенного законодательного закрепления. В сфере уголовной политики правоприменение имеет самостоятельное значение. Как и при текущем уголовно-правовом регулировании посредством правоприменения, осуществляется динамическое корректирование с учетом сложившейся криминальной ситуации и открывшихся новых социальных и организационных обстоятельств.

Учитывая значение праворазъяснительной практики названных судов, в научной литературе компонентами уголовной политики, и как следствие квалификации стали признаваться правовые позиции этих судов.

Важное значение имеет легальная квалификация преступлений, которая дается высшим судебным органом РФ - Верховным Судом РФ в лице его Президиума, Судебной коллегии по уголовным делам и Военной коллегии в решениях по уголовным делам, рассмотренным в кассационном и надзорном порядке, с опубликованием своей позиции в официальном издании - Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации. Не будучи источником прецедентного права, которого в России нет, и не имея характера обязательного предписания нижестоящим судам, такие публикации имеют огромное значение для правильного и единообразного применения уголовного закона в наиболее сложных случаях.

Положениями ст. 19 Федерального конституционного закона «О Судебной системе» от 31.12.1996 № 1 – ФКЗ определено, что Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции и осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции, дает разъяснения по вопросам судебной практики. Судебные органы, рассматриваемые разъяснения применяют на практике исходя из

статуса Верховного Суда РФ как вышестоящей инстанции, практически не допуская отклонений.

Изложенное свидетельствует, что эти разъяснения являются ничем иным как руководством к действию при квалификации преступлений (во множественном числе), эта своеобразные формулы, правила квалификации конкретных преступлений, которые применяются на этапе процесса квалификации конкретного рассматриваемого преступления.

В зависимости от результата, полученного при квалификации, ее можно подразделить на позитивную и негативную. Под позитивной понимается квалификация, в результате которой установлено, деяние лица содержит состав преступления. Квалификация является негативной, если не установлено тождество фактических признаков совершенного деяния и признаков состава преступления.

Квалификация, понимаемая как оценка качества деяния, может завершиться выводом как о том, что содеянное подпадает под одну из статей уголовного закона, так и о том, что содеянное не является преступлением в силу различных обстоятельств: малозначительности (части 2 статьи 14 УК РФ); в связи с наличием обстоятельств, исключающих преступность деяния (статьи 37-42 УК РФ). Вывод может состоять в том, что в содеянном содержатся признаки приготовления к преступлению небольшой или средней тяжести, которые в силу части 2 статьи 30 УК РФ не влекут уголовной ответственности, или же о том, что содеянное представляет собой покушение на преступление, от которого лицо добровольно отказалось и в связи с этим не подлежит уголовной ответственности (статья 31 УК РФ).

В практической деятельности имеет значение такие виды квалификации как «первичная квалификация» при приеме, регистрации и разрешении сообщения о преступлении, «квалификация на досудебной стадии» применяемая при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, при предъявлении обвинения, при разрешении уголовного дела по существу (вынесения постановления о прекращении уголовного дела, либо о направлении уголовного дела с обвинительным заключением (актом) или о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера, принятие прокурором решений в соответствии с положениями статей 221, 226, 439 УПК РФ, «квалификация в суде» с учетом принятых решений органами правосудия по первой инстанции, апелляционной, кассационной, надзорными инстанциями.

В зависимости от точности соотнесения признаков преступления и признаков состава преступления возможны два вида квалификации – правильная и неправильная.

Правильная квалификация – такая, при которой признаки преступления, имеющие значения для квалификации, полностью совпадают с признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой. Определение понятия квалификации, ранее приведенное и принадлежащее В.Н. Кудрявцеву, таким образом, является определением

правильной квалификации. Неправильной же является такая, при которой признаки преступления, имеющие значение для квалификации, не полностью совпадают с признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой.

По происхождению квалификация преступлений бывает ошибочной и объективно-неправильной. Ошибочной квалификация преступления будет тогда, когда она зависит от самого субъекта квалификации, т.е. допущенное им установление и закрепление в соответствующем уголовно-процессуальном документе предусмотренности выявленного деяния составу преступления, которым на самом деле, данное деяние не охватывается. Объективно неправильной называется квалификация, которая является неправильной из-за изменений уголовного законодательства, которые происходят уже после уголовно-правовой оценки деяния.

Цель квалификации состоит в правовой оценке факта жизненной реальности, установлении при этом нормы права, ему соответствующей. Такой вывод обусловлен тем, что правовая норма отыскивается только лишь для того, что бы в последствии на ее основе дать оценку факту жизненной реальности, так как он является главенствующим, его оценка и является окончательным этапом, целью квалификации.

Нам видится, что для практического применения понятия квалификации преступления, последнее следует определить как деятельность по установлению признаков состава преступления в совершенном деянии и отражению в процессуальных документах с учетом норм уголовного закона.

Рекомендуемая литература

1.Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования [Электронный ресурс]/ Кадников Н.Г.— Электрон. текстовые данные.— М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Юриспруденция, 2013.— 297 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/23015>.— ЭБС «IPRbooks»;

2.Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья. Закон и правоприменительная практика [Электронный ресурс]: учебно-практическое пособие/ Борзенков Г.Н.— Электрон. текстовые данные.— М.: Зерцало-М, 2013.— 256 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/4532>.— ЭБС «IPRbooks»

3.Кузьмин В.А. Уголовное право России [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Кузьмин В.А.— Электрон. текстовые данные.— Саратов: Корпорация «Диполь», Ай Пи Эр Медиа, 2013.— 336 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/16479>.— ЭБС «IPRbooks»

Тема 2 Методологические основы квалификации преступлений (ПК-11, ПК-12)

Процесс деятельности связанный с проблемой квалификации будет продолжаться для того, чтобы общие правила квалификации преступления стали нормами закона, они должны быть сформулированы точно, лаконично, отчетливо. Для этого, прежде всего, должны быть развиты исходные теоретические предпосылки.

Выделяют философскую, логическую, психологическую и правовую основы квалификации преступлений.

Философской (методологической) основой является отношение единичного и общего. Единичное (преступление) выражает качественную определенность

цениваемого явления, его индивидуальность, своеобразие. Общее (уголовно-правовая норма) есть абстракция, которая отражает лишь типичные признаки явления. Ввиду того что общее (норма) существует в отдельном преступлении, наличествует теоретическая база для установления совпадения признаков деяния и состава преступления: сопоставляются конкретное, единичное (преступление) и общее (норма).

Всякое конкретное преступление может быть отражено массой признаков: 1) отношение к лицу совершившему преступление, так и конкретному деянию; 2) признаки конкретного деяния - вся бесчисленная совокупность признаков.

Можно выделить 4 категории признаков: 1) все деяния, которые практически неисчерпаемы; 2) признаки, которые имеют значение для расследования и разрешения уголовного дела; 3) только те признаки, которые имеют уголовно-правовые значения; 4) признаки, имеющие значение для квалификации преступления.

Уголовно-правовая норма предусматривает определенные признаки по своей норме. Уголовно-правовая норма может содержать понятие разных степеней абстракции (ст. 158). Между общим и единичным есть всегда обособленное. (Рис.1)

1 - глава УК

2 - статья

3 - часть статьи

4 - пункт части

Рисунок 1 Отношения общего и единичного

Общее содержание процесса квалификации состоит в сопоставлении конкретного и абстрактного, единичного и общего.

Таким образом, подводя совершенное деяние под правовую норму мы устанавливаем, что государственно-правовая оценка относится и к данному случаю, следовательно, имеются все основания для наступления тех правовых последствий, которые установлены в законе.

Логическая основа видится в том, что квалификация преступления - это продукт мыслительной деятельности, в основе которой лежит дедуктивное умозаключение: большой посылкой (суждением) при этом выступает уголовно-правовое предписание, а малой (вторым суждением) - признаки содеянного, на основе чего делается вывод о совпадении фактических признаков содеянного и признаков состава, предусмотренного уголовно-правовой нормой.

Например,

A>B Формальная логика - формальное мышление.

суждение

A - тайное хищение имущества.

B - кража.

Действие может попадать под различные статьи УК (с причинением побоев - ст. 116, причинение побоев должностному лицу - ст. 283).

Психологический аспект квалификации предопределен тем, что квалификация - это мыслительный процесс, осуществляемый конкретным лицом в связи с решением конкретной задачи. Естественно, на формы и итоги решения влияют множество привходящих обстоятельств интеллектуального и эмоционального характера (уровень знаний, жизненный и профессиональный опыт, психофизиологическое состояние, наличие времени, сложность задачи, настрой на объективность или обвинительный уклон, умение и желание противостоять "телефонному праву" и т. д.).

Правовую основу квалификации преступлений составляет уголовный закон, конкретнее - состав преступления как необходимое и достаточное основание уголовной ответственности. Большинство его признаков описаны в соответствующих статьях Особенной части УК.

Ключевой момент, подлежащий уяснению при изучении следующего вопроса, - устанавливается ли при квалификации преступлений объективная истина. Многие представители науки уголовного процесса (М. С. Строгович, М. А. Чельцов и др.) полагают, что понятие материальной истины относится к установлению фактов, обстоятельств уголовного дела и не распространяется на юридическую оценку факта. Они мотивируют это тем, что деяние и характеризующие его обстоятельства - это объективный факт, закон же меняется, неадекватно и представление судей о содержании закона. Данное мнение было оспорено В.Н. Кудрявцевым, Я.О. Мотовиловкером, П.Е. Недбайло, А.С. Трусовым и другими учеными, считающими, что установление истины по делу распространяется не только на анализ фактических обстоятельств, но и на квалификацию преступления. Оценка преступления всегда должна производиться в соответствии с законом, действовавшим во время совершения преступления (ст. 9).

Конечно, эти доводы несостоятельны, ибо уголовный закон - это объективная реальность, а представление судей об этой реальности имеет то же значение, что и относительно такой реальности, как фактические

обстоятельства дела, деяние. Истина как результат деятельности человеческого мышления по форме всегда субъективна. Но если это мышление адекватно отражает предметы и явления действительности, воспроизводит их так, как они существуют вне сознания и независимо от него, есть все основания говорить о достижении объективной истины.

Элементы истинности: 1) представление об фактических обстоятельствах дела; 2) представление о содержании уголовно-правовой нормы; 3) представление о отношении между фактическими признаками дела и признаками деяния предусмотренного в уголовно-правовой норме (Рис. 2).

Вывод юриста о фактических обстоятельствах дела является истинным, если он точно отражает фактические обстоятельства дела. Он отражается в дескриптивном (описательном) описании дела.

Сложность в том, что в процессе квалификации преступлений органы правоприменения последовательно устанавливают: а) истину относительно фактической стороны дела; б) истину относительно уголовного закона.

В результате этого должно возникнуть два адекватных представления: об обстоятельствах дела и об уголовно-правовых нормах. Затем по времени следует третий этап - соотнесение этих двух представлений. Сопоставляются, таким образом, две мысли, два представления, а не представление с объективной реальностью, что характерно для установления истины. На этом этапе возможно искажение отношения между самими мыслями, почему точнее, на наш взгляд, вести речь о правильности или неправильности квалификации, а не об истинности (либо неистинности) ее. В этой связи заметим, что в науке логики различают неистинность мысли и ее неправильность. Первая имеет место тогда, когда в мысли искажены отношения реального мира, вторая - когда искажены отношения между самими мыслями

Итак, квалификация преступления представляет собой деятельность по соотнесению (сопоставлению) признаков содеянного и признаков состава преступления, итогом которой является констатация совпадения или несовпадения по основным параметрам сопоставляемых признаков.

Рекомендуемая литература

1.Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования [Электронный ресурс]/ Кадников Н.Г.— Электрон. текстовые данные.— М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Юриспруденция, 2013.— 297 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/23015>.— ЭБС «IPRbooks»;

2.Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья. Закон и правоприменительная практика [Электронный ресурс]: учебно-практическое пособие/ Борзенков Г.Н.— Электрон. текстовые данные.— М.: Зерцало-М, 2013.— 256 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/4532>.— ЭБС «IPRbooks»

З.Кузьмин В.А. Уголовное право России [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Кузьмин В.А.— Электрон. текстовые данные.— Саратов: Корпорация «Диполь», Ай Пи Эр Медиа, 2013.— 336 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/16479>.— ЭБС «IPRbooks»

Тема 3 Принципы квалификации преступлений (ПК-11)

Принципы квалификации преступлений имеют важное теоретическое и практическое значение, поскольку являются основополагающими положениями для правоприменителя в вопросах квалификации преступлений. Тем не менее, отечественной наукой уголовного права этот вопрос практически не рассматривается, и лишь немногие авторы в своих работах, посвященных квалификации преступлений, затрагивают эту тему. Но и среди ученых, которые говорят о специальных принципах квалификации преступлений, нет единства мнений относительно их содержания и количества Сабитов Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний. - М.: Изд-во МГУ, 2003. - С. 48, хотя все они отмечают, что квалификация уголовно-правовых деяний основывается на закрепленных в УК РФ принципах уголовной ответственности: законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма.

Правовой принцип - это определяемая закономерностями общества и закрепленная в праве руководящая идея, обуславливающая направленность, характер и объем правового регулирования общественных отношений. Кригер Г.А. Место принципов советского уголовного права в системе принципов права // Советское государство и право. - 1981. - № 2. - С. 102.

Принципы квалификации уголовно - правовых деяний можно определить как основные, самые общие положения, которыми руководствуется правоприменитель при установлении точного соответствия фактических признаков совершенного деяния и признаков состава преступления, в результате чего определяется, какое преступление совершено и какой статьей УК оно предусмотрено. Эти принципы или закреплены в уголовном законе, или прямо не сформулированы в нем, но вытекают из содержания норм Конституции РФ, уголовного и уголовно-процессуального права. Р. Г. Мубаракшин, Вестник ТИСБИ. - 2006. - № 1

Принципы, сформулированные в ст. 3-7 УК РФ применительно к задачам уголовно-правового регулирования, можно рассматривать как основание для построения принципов квалификации уголовно-правовых деяний. Квалификация преступлений является реализацией всех указанных в ст. 3-7 УК РФ принципов, но особое значение для квалификации преступлений имеют принцип законности и принцип равенства граждан перед законом.

1. Принцип законности обеспечивает соблюдение правоохранительными органами и судом законности как конституционного принципа и основанных на нем принципов уголовного права. Этот принцип обязывает квалифицировать деяние в точном соответствии с уголовным законом. Деяние не может быть квалифицировано как преступление, если оно прямо не предусмотрено статьей Особенной части УК. Деяние считается не предусмотренным уголовным законом и в том случае, когда у него отсутствует хотя бы один признак из всех, названных в Кодексе и которые характеризуют его как определенное преступление. *Принцип законности запрещает при квалификации преступлений применять закон по аналогии.* Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, ч. 2 ст. 3

2. Принцип равенства граждан перед законом применительно к квалификации преступлений означает, что их уголовно-правовая оценка не зависит от пола, национальности, имущественного и должностного положения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств, которые характеризуют лиц, совершивших общественно опасные деяния. Можно утверждать, что именно в квалификации преступлений этот принцип воплощается наиболее полно, поскольку в качестве принципа уголовной ответственности он имеет определенные ограничения и изъятия (например, институт депутатской неприкосновенности и т.д.). Общественная опасность личности также не может служить основанием уголовной ответственности.

Что касается специальных принципов квалификации преступлений, то можно выделять следующие:

3. Принцип точности - основанный на принципе законности, устанавливает, что при определении любого отдельного конкретного состава преступления и квалификации преступлений в следственной и судебной практике обязателен учет всех признаков состава преступления, предусмотренных в статьях Особенной и Общей частей УК РФ, а также иных законах и нормативно-правовых актах, на которые сделаны ссылки в бланкетных диспозициях статей Особенной части УК.

Обязательным условием реализации принципа точности квалификации преступлений является соблюдение уголовно-правовых норм, закрепленных в ст. 9, 10, 11, 12 УК РФ, о действии уголовного закона во времени и пространстве и обратной силе уголовного закона. Преступление должно квалифицироваться в соответствии с уголовным законом, действовавшим во время его совершения.

Временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного деяния независимо от времени наступления последствий. Уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, т.е. распространяется также на деяния, совершенные до вступления его в силу. Уголовный закон,

устанавливающий преступность деяния или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Принцип точности квалификации преступления также предполагает, что официальная квалификация преступления, осуществляемая лицами, специально уполномоченными на это государством, и лежащая в основе обвинения, должна базироваться на точно установленных фактических данных, доказанных в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства.

4. Принцип полноты квалификации определяет, во-первых, то, что уголовно-правовой оценке подлежат все совершенные лицом деяния; во-вторых, эти деяния должны быть квалифицированы по всем статьям УК, которыми они предусмотрены; в-третьих, квалификации подлежат действия всех лиц, причастных к совершению преступления исполнителем (организатора, подстрекателя, пособника).

В соответствии с уголовно-процессуальным законом, неполнота квалификации содеянного служит основанием возвращения дела следователю, дознавателю или прокурору. Так, в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» подчеркивается, что убийство, совершенное при квалифицирующих признаках, предусмотренных двумя и более пунктами ч. 2 ст. 105 УК РФ, должно квалифицироваться по всем этим пунктам. Бюллетень Верховного Суда РФ. - 1999. - № 3. - С. 5.

Принцип полноты квалификации также требует полного и всестороннего исследования и оценки обстоятельств, имеющих значение для квалификации общественно опасного деяния. При применении правовой нормы компетентным органом каждый из признаков состава преступления должен быть исчерпывающе исследован, чтобы юридическая характеристика конкретного правонарушения полностью совпадала с законодательным его описанием.

Это требование имеет особую важность для уголовного закона, поскольку малейшее отступление от принципа законности может повлечь тяжкий, а подчас и неустранимый вред, серьезно подорвать престиж права и породить недоверие к нему.

5. Принцип субъективного вменения обусловлен и тесно взаимосвязан с принципом вины. Принцип вины означает, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина (ч. 1 ст. 5 УК РФ). Квалификация общественно опасных деяний зависит от формы вины. Однако при квалификации содеянного учитывается вся субъективная сторона преступления, которая, помимо вины, включает также мотив, цель и эмоциональное состояние субъекта. Кроме вины, при квалификации деяния следует устанавливать, осознавал ли субъект все объективные признаки состава преступления. Принцип субъективного вменения, как справедливо

указывает В.А. Якушин, представляет собой основополагающее начало, согласно которому квалификация деяния и применение правовых мер воздействия основываются на том, что имеющие уголовно-правовое значение обстоятельства охватывались сознанием лица, его совершившего. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. - Тольятти, 1998. - С. 13.

Субъективное вменение означает, что при квалификации деяния необходимо устанавливать психическое отношение субъекта не только к действию (бездействию) и его последствиям, но и к объекту и предмету преступления, потерпевшему от него, квалифицирующим обстоятельствам и другим объективным признакам преступления. Если лицо не осознает какой-либо из объективных признаков умышленного преступления, то содеянное подпадает под статью об умышленном преступлении без указанного признака. Однако практические работники иногда не устанавливают и не доказывают психическое отношение виновного к указанным объективным признакам, необоснованно вменяют квалифицирующие признаки при отсутствии или недоказанности умысла на их причинение и, следовательно, прибегают к объективному вменению, что является нарушением ч. 2 ст. 5 УК РФ о недопустимости объективного вменения. Так, Тверской областной суд признал Б., Ф. и Р. виновными в убийстве Д. с особой жестокостью, указав в приговоре, что перед смертью Д. испытал особые физические и моральные страдания, однако в чем это конкретно выразилось, не уточнил. Не доказано и наличие умысла осужденных на причинение потерпевшему особых мучений и страданий, а показания виновных, что они в процессе избияния Д. решили его задушить, чтобы «он не мучился», не опровергнуты. На основании этого кассационная инстанция исключила из приговора указание об осуждении виновных по признаку «с особой жестокостью». Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2002

6. Принцип недопустимости двойного вменения запрещает дважды (и более) вменять в вину совершение одного преступления, иначе говоря, двойную квалификацию установленных по делу фактических обстоятельств дела. Из этого принципа исходят следующие правила квалификации преступлений:

- при конкуренции норм по объекту посягательства применяется та статья уголовного закона, которая более полно охватывает объект преступления;

- если в результате совершения деяния наступили последствия, предусмотренные различными частями одной и той же статьи, то это деяние квалифицируется только по той части статьи УК, которая устанавливает ответственность за причинение более тяжкого последствия.

7. Принцип толкования всех сомнений в пользу лица, деяние которого квалифицируется.

При квалификации преступлений следует также руководствоваться положением, определяющим, что при недостаточности, спорности фактических данных, лежащих в основе обвинения, все сомнения в процессе уголовно-правовой оценки деяния должны толковаться в пользу лица, его совершившего. Этот принцип базируется на конституционной норме, согласно которой неустранимые сомнения в виновности подсудимого толкуются в его пользу. Конституция РФ ст. 49 Рассматривая этот принцип, следует вспомнить не потерявшее актуальности высказывание по этому поводу А.Ф. Кони: «Но какое это сомнение? Конечно, не мимолетное, непроверенное и соблазнительное по легкодостижаемому при посредстве его решению..., а остающееся после долгой, внимательной и всесторонней оценки каждого доказательства в отдельности и всех их в совокупности...». Кони А.Ф. Собр. соч. в 8 т. - М.: Юридическая литература, 1967. - Т. 4. - С. 40.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 4 Постановления от 29 апреля 1996 г. «О судебном приговоре» разъяснил, что «по смыслу закона, в пользу подсудимого толкуются не только неустранимые сомнения в его виновности в целом, но и неустранимые сомнения, касающиеся отдельных эпизодов предъявленного обвинения, формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств и т.д.». Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам с комментариями и описаниями. - М.: БЕК, 2000. - С. 574.

Например, если при уголовно-правовой оценке причинения смерти другому человеку возникли неустранимые сомнения относительно умысла виновного на лишение потерпевшего жизни, то это деяние может быть квалифицировано по ч. 4 ст. 111 или ст. 109 УК РФ. Так, К., обманным путем проникнув в квартиру потерпевшей, стал избивать ее, требуя выдать деньги и ценности, а двое соучастников преступления в это время обыскивали дом. К. стал сдавливать шею потерпевшей матерчатой удавкой, в процессе удушения у потерпевшей произошел сердечный приступ, от которого она скончалась на месте происшествия. После этого нападавшие завладели ее имуществом. Суд первой инстанции квалифицировал действия К. по ч. 1 ст. 109 и п.п. «б», «в» ч. 2 ст. 162 УК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ приговор оставила без изменения. Заместитель Генерального прокурора РФ в протесте поставил вопрос об отмене судебных решений и направлении дела на новое судебное рассмотрение. По его мнению, суд ошибочно расценил действия виновного как причинение смерти по неосторожности. Осужденные, как видно из их показаний, считали, что смерть потерпевшей наступила от удушения.

Президиум Верховного Суда РФ оставил протест без удовлетворения, указав следующее. К. при допросе утверждал, что он душил потерпевшую и требовал деньги, но убивать ее не хотел. Как видно из заключения судебно-медицинских экспертов, смерть потерпевшей могла наступить как от острой

сердечной недостаточности, так и от механической асфиксии. При таких обстоятельствах суд обоснованно исходил из конституционного положения, согласно которому неустранимые сомнения в виновности подсудимого толкуются в его пользу, и правильно квалифицировал действия К. по п.п. «б», «в» ч. 2 ст. 162 и ч. 1 ст. 109 УК РФ.

Названные принципы квалификации преступлений определяют общие требования, предъявляемые к правоприменителю в целях обеспечения правильной квалификации преступлений. Соблюдение этих принципов позволит точно квалифицировать общественно опасные деяния и таким образом обеспечить реализацию уголовной политики Российского государства, выраженной и закреплённой в уголовном законодательстве РФ.

Рекомендуемая литература

1.Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования [Электронный ресурс]/ Кадников Н.Г.— Электрон. текстовые данные.— М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Юриспруденция, 2013.— 297 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/23015>.— ЭБС «IPRbooks»;

2.Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья. Закон и правоприменительная практика [Электронный ресурс]: учебно-практическое пособие/ Борзенков Г.Н.— Электрон. текстовые данные.— М.: Зерцало-М, 2013.— 256 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/4532>.— ЭБС «IPRbooks»

3.Кузьмин В.А. Уголовное право России [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Кузьмин В.А.— Электрон. текстовые данные.— Саратов: Корпорация «Диполь», Ай Пи Эр Медиа, 2013.— 336 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/16479>.— ЭБС «IPRbooks»

Тема 4 Процесс квалификации преступлений, его этапы. Правила квалификации преступлений (ПК-11)

Правила квалификации преступлений — это приемы, способы применения уголовного закона, предусмотренные в нем самом, руководящих постановлениях пленумов Верховных Судов РФ, РСФСР и бывшего СССР, а также выработанные иной судебной практикой и теорией уголовного права. Содержанием правил квалификации преступлений являются положения об условиях и технологии применения уголовного закона при уголовно-правовой оценке содеянного. Эти правила разъясняют, как следует применять уголовный закон при том или ином наборе фактических данных, при тех или иных фактических обстоятельствах.

Нормы УК РФ, в которых определены правила квалификации преступлений, относятся к дефинитивным, например, содержащиеся в ч. 1 ст. 3, ст. 8 этого УК, либо к разъяснительным, к примеру, предусмотренные ст. 10-12 данного УК.

Правила квалификации преступлений, выработанные теорией отечественного уголовного права, в зависимости от их значимости делятся на две группы: 1) закрепленные в уголовном законе либо отраженные в постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ, РСФСР, бывшего СССР или в судебных прецедентах, и 2) иные. Правила же второй группы носят неофициальный — доктринальный — рекомендательный или ориентирующий характер. Научная обоснованность последних обеспечивает преодоление коллизий и других многочисленных трудностей, возникающих при применении уголовного закона в следственной и судебной практике.

Необходимо отметить, что правила квалификации преступлений не являются неизменными и зависят от изменения уголовного закона. Внесение в последний изменений и дополнений влечет или может повлечь и изменение правил квалификации преступлений.

Правила квалификации преступлений весьма разнообразны и многочисленны. Как отмечает Гаухман Л.Д., представляется логичным и целесообразным классифицировать рассматриваемые правила по одному из двух оснований — количественному или качественному.

Первое состоит в распространении действия правила на больший или меньший круг квалифицируемых деяний и используется при правоприменении;

Второе заключается в отнесении его к тому или иному разделу уголовного права и применяется в научных и учебных целях.

Разграничение по количественному основанию базируется на соотношении категорий общего, отдельного и единичного, в связи с чем правила квалификации по мнению Гаухмана Л.Д. дифференцированы на общие, частные и единичные. Общие правила, основанные на принципах или иных общих положениях уголовного законодательства, используются при квалификации всех без исключения преступлений. Предлагаемые Гаухманом Л.Д. дифференциация, не является единственной, Корнеева А.В. выделяет общие правила квалификации преступлений и специальные правила квалификации. Вместе с тем, с точки зрения практического применения по нашему мнению следует признать логичнее некоторую «золотую середину», а именно учитывать правила квалификации: общие, элементные, специальные и частные (для разграничения конкретных видов преступлений).

Общие правила Гаухман Л.Д. предлагает разделить на две группы: 1) правила, основанные на принципах, закрепленных в УК РФ и Конституции РФ, и 2) правила, основанные на иных общих положениях, установленных в УК РФ.

Общих правил квалификации преступлений, основанных на принципах, закрепленных в УК РФ и Конституции РФ, три.

Первое правило состоит в том, что содеянное должно быть непосредственно предусмотрено уголовным законом в качестве преступления. Это правило основывается на принципе законности, закрепленном в ст. 3 УК РФ, согласно ч. 1 которой «преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом», а ч. 2 — «применение уголовного закона по аналогии не допускается».

Второе правило заключается в том, что содеянное должно содержать конкретный состав преступления. Это правило базируется на норме, установленной в ст. 8 УК РФ, согласно которой «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом».

Третье правило выражается в том, что официальная квалификация преступления, лежащая в основе обвинения, должна базироваться на точно установленных фактических данных, доказанных по правилам, установленным УПК РФ. Эти данные являются той фактической основой, с которой сопоставляется состав преступления. При их недостаточности, спорности все неустранимые сомнения, в том числе и в части квалификации преступления, следует истолковать в пользу обвиняемого.

Общих правил квалификации преступлений, основанных на иных общих положениях, установленных в УК РФ, четыре.

Первое правило состоит в том, что преступление квалифицируется по уголовному закону, действовавшему во время его совершения. Уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется также на деяния, совершенные до его издания. Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет. Это правило закреплено в ч. 1 ст. 9 и ч. 1 ст. 10 УК РФ.

Вторым является правило, закрепленное в ч. 2 ст. 9 УК РФ, согласно которой «временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий».

Третье правило заключается в том, что по УК РФ квалифицируется преступление, совершенное на территории РФ. Данное правило основано на нормах, установленных ст. 11 УК РФ. Это правило также необходимо рассматривать в качестве основы квалификации преступлений по закону места их совершения при наличии особенностей описания объективной стороны в диспозициях норм Особенной части УК РФ и в случаях применения норм Общей части этого УК о неоконченном преступлении и соучастии в преступлении, когда не все содеянное совершается целиком, в

полном объеме и всеми соучастниками на территории РФ, то есть распространяется частично еще и за ее пределы.

Четвертое правило выражается в том, что по УК РФ квалифицируется преступление, совершенное вне пределов Российской Федерации, во-первых, гражданами РФ и постоянно проживающими в РФ лицами без гражданства, если, с одной стороны, содеянное признано преступлением в государстве, на территории которого он совершено, и, с другой — лицо не было осуждено в иностранном государстве, во-вторых, военнослужащими воинских частей РФ, дислоцирующихся за пределами РФ, если иное не предусмотрено международным договором РФ, и, в-третьих, иностранными гражданами и лицами без гражданства, не проживающими постоянно в РФ, если содеянное направлено против интересов РФ или в случаях, предусмотренных международным договором РФ, при условии, что лицо не было осуждено в иностранном государстве и привлекается к уголовной ответственности на территории РФ. Это правило регламентировано ч. 1, 2 и 3 ст. 12 УК РФ

Элементные правила квалификации, наиболее полно отражают сущность, отмеченного процесса, при этом выделяют по признакам - объекта преступления, объективной стороны преступления, субъективной стороны преступления, субъекта преступления.

Специальные правила квалификации преступлений, принимая внимание качественный критерий, возможно с учетом мнения ученых Гаухмана Л.Д. и Корнеевой А.В. разделить на:

- 1) правила квалификации множественности преступлений.
- 2) правила изменения квалификации.
- 3) правила квалификации при неоконченной преступной деятельности.
- 4) правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии.
- 5) правила квалификации при совокупности преступлений.
- 6) правила квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм

Количество *частных* правил квалификации преступлений не представляется возможным ограничить. Наиболее востребованным в следственной и судебной практике наряду, разумеется, с общими правилами квалификации преступлений является частное правило квалификации служебных преступлений при конкуренции общей и специальной норм.

Ученым Гаухмана Л.Д. (определяет единичные правила, что на наш взгляд более точнее можно отнести по количественному признаку именно к частным) они определяются в процессе юридического анализа конкретных составов преступлений и разграничения последних и предназначаются для квалификации отдельных видов преступлений и их отграничения от смежных составов преступлений. В частности, применительно к преступлениям против личности это правила квалификации убийства, сопряженного с разбоем, вымогательством или бандитизмом; убийства при стечении квалифицирующих и привилегирующих признаков (отягчающих и смягчающих обстоятельств); отграничения убийства от неосторожного причинения смерти; и т.д.

Для всестороннего обучения предпочтительно перейти к рассмотрению элементарных правил квалификации преступлений.

Рекомендуемая литература

1.Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования [Электронный ресурс]/ Кадников Н.Г.— Электрон. текстовые данные.— М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Юриспруденция, 2013.— 297 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/23015>.— ЭБС «IPRbooks»;

2.Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья. Закон и правоприменительная практика [Электронный ресурс]: учебно-практическое пособие/ Борзенков Г.Н.— Электрон. текстовые данные.— М.: Зерцало-М, 2013.— 256 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/4532>.— ЭБС «IPRbooks»

3.Кузьмин В.А. Уголовное право России [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Кузьмин В.А.— Электрон. текстовые данные.— Саратов: Корпорация «Диполь», Ай Пи Эр Медиа, 2013.— 336 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/16479>.— ЭБС «IPRbooks»

Тема №5. Состав преступления – юридическая основа квалификации (ПК-5)

1. *Квалификация преступлений по объекту посягательства. (ПК-5)*
2. *Квалификация преступлений по объективной стороне. (ПК-5)*
3. *Квалификация преступлений по субъективной стороне. (ПК-5)*
4. *Квалификация преступления по признакам его субъекта. (ПК-5)*

Вопрос 1. Квалификация преступлений по объекту посягательства(ПК-5)

Все фактические обстоятельства совершенного преступления делятся на составные части, среди которых, важное значение имеет объект преступления. Объект преступления является необходимым элементом любого преступления, которое предусмотрено в уголовном законе, поскольку безобъектных преступлений просто не бывает. Многие русские ученые-правоведы, изучая проблему объекта преступления, изначально склонялись к

тому, что объектом преступления следует рассматривать норму права (Н.С. Таганцев) в ее реальном существовании.

Эта точка зрения позволила значительно продвинуть вперед учение об объекте от чистого нормативизма к сущности самого явления, поскольку норма права рассматривалась не сама по себе, а как норма в реальном правоотношении.

Дальнейшее развитие учение об объекте получило в трудах профессора А.А. Пионтковского (1898-1973г.г.), который предложил считать в качестве объекта преступления общественные отношения. Это утверждение актуально и поныне, и в настоящее время достаточно широко используется.

Объектом преступного посягательства (объектом преступления) являются охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым преступлением причиняется вред или создается непосредственная угроза причинения вреда. Эти отношения представляют собой исторически изменчивую категорию. Вред объекту преступления причиняется посредством общественно опасного воздействия на один из элементов его структуры; он может быть причинен как субъектом охраняемого отношения (изнутри), так и посторонним лицом (извне).

Объекты преступления классифицируются по двум основаниям: а) по степени общности общественных отношений, охраняемых уголовным законом, и б) по значению каждого объекта.

Объекты преступления делятся по степени общности общественных отношений, охраняемых уголовным законом на общий, родовой, видовой и непосредственный.

Общим объектом является совокупность всех охраняемых законодательством общественных отношений. Родовой объект - это определенный круг однородных по своей экономической либо социально-политической сущности общественных отношений, которые охраняются единым комплексом взаимосвязанных уголовно-правовых норм. Видовой объект - это совокупность общественных отношений внутри родового объекта, которые отражают один и тот же интерес участников этих отношений или выражают хотя и не идентичные, но весьма тесно взаимосвязанные интересы. А под непосредственным объектом понимаются конкретные общественные отношения, которые поставлены законодателем под охрану определенной уголовно-правовой нормы, потому что вред причиняется преступлением, подпадающим под признаки, установленные именно этой нормой

Значение теоретического понятия общего объекта преступления для квалификации преступлений по мнению Савельевой В.С. заключается в том, что оно позволяет установить, охраняется ли вообще данное отношение уголовным законом, является ли данное деяние преступным посягательством.

Последующее обращение к понятию родового объекта связано с возможностью и необходимостью определить, на отношения какой

однородной группы совершено посягательство, имея в виду, что УК такие группы сформулировал в разделах. Так, например, отношения, обеспечивающие нормальное функционирование личности, которые находятся под охраной норм раздела VII УК "Преступления против личности", чьи интересы в демократическом правовом государстве имеют безусловный приоритет или, как принято говорить в подобных случаях, ставятся во главу угла; отношения, складывающиеся в сфере обновленной российской экономики, которые охраняются нормами раздела VIII УК "Преступления в сфере экономики" и т.п.

Понятие родового объекта и его применение при квалификации преступлений позволяют идентифицировать конкретное преступление с преступлениями, ответственность за которые предусмотрена нормами одного из вышеупомянутых разделов УК, и тем самым сделать еще один шаг на пути точной и полной его квалификации. Ошибка здесь носит принципиальный характер; неправильный выбор нормы на уровне родового объекта искажает суть инкриминируемого преступления, характер его общественной опасности и вреда, причиненного общественным отношениям. Например, если оскорблению подвергся милиционер при исполнении своих служебных обязанностей и содеянное квалифицировано пост. 130 УК, которая помещена в главе VII УК "Преступления против личности", налицо ошибка в определении родового объекта преступления, потому что по закону (ст. 319 УК) подобное деяние является (по родовому объекту) преступлением против государственной власти (раздел X УК) и именуется не просто оскорблением, а оскорблением представителя власти.

Роль видового объекта преступления в классификации преступлений заключается в том, что он, находясь внутри родового, соотносится с последним как часть с целым, образует следующую предпосылку для движения мысли юриста-правоприменителя от общего к частному в выборе конкретной уголовно-правовой нормы. В общем массиве норм Особенной части УК соотношение родовых и видовых объектов преступлений выражается в том, что каждый из разделов VII - XII УК включает в себя ряд глав, наименования которых в максимально лаконичной форме выражают суть видовых объектов. В частности, раздел VII, содержит нормы об уголовной ответственности, за преступления против личности, таковыми являются главы: 16-я "Преступления против жизни и здоровья"; 17-я "Преступления против свободы, чести и достоинства личности"; 18-я "Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы"; 19-я "Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина"; 20-я "Преступления против семьи и несовершеннолетних".

Процесс квалификации преступлений по объекту завершается ответом на вопрос, какие общественные отношения послужили непосредственным объектом посягательства. На этом этапе мысленный поиск переходит от сферы отношений, суть которых выражена в наименовании соответствующей

главы Особенной части УК, к наименованию и диспозиции конкретной нормы.

Примером непосредственного объекта преступного посягательства, ответственность за которое наступает на основании норм главы 16 Особенной части УК, являются общественные отношения, существующие по поводу жизни человека (ст. ст. 105 - 110 об убийстве, причинении смерти по неосторожности и доведении до самоубийства) и его здоровья (ст. ст. 111 - 125 об умышленном и неосторожном причинении различной степени тяжести здоровью, побоях, истязании и других преступлениях). Оба непосредственных объекта упомянуты в названии главы.

Авторы солидарны с Савельвой В.С., что важнейшую роль при квалификации имеет деление непосредственных объектов преступления на основные и дополнительные. Основным непосредственным объектом преступления являются те общественные отношения, нарушение которых составляет социальную сущность данного преступления и с целью охраны которых издана уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за его совершение, а дополнительным - общественные отношения, посягательство на которые не составляет сущности данного преступления, но которые этим преступлением всегда нарушаются наряду с основным объектом. Необходимость выделения дополнительного объекта обычно вызывается спецификой способа преступного посягательства на основной объект, когда вред основному объекту причиняется посредством (через) посягательства на дополнительный объект.

Так, разбой в законе (ст. 162 УК) определяется как нападение (на человека), совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. При этом особо предусмотрена ответственность за разбой с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ч. 2 ст. 162 УК), а также за разбой с причинением тяжкого вреда здоровью (п. "в" ч. 4 этой же статьи УК). Казалось бы, разбой - типичное преступление против личности. Однако статья об ответственности за данное преступление помещена не в разделе VII о преступлениях против личности, а в разделе VIII о преступлениях в сфере экономики, в главе 21 "Преступления против собственности".

Это значит, что разбой является посягательством на отношения собственности. Ключевое значение для характеристики объекта данного преступления имеет содержащаяся в диспозиции ч. 1 ст. 162 УК формулировка "в целях хищения чужого имущества", а отношения по поводу личности, ее здоровья, которые подвергаются посягательству при разбое, - это дополнительный непосредственный объект данного преступления, вред причиняется ему "попутно", а для квалификации преступления в подобных случаях решающее значение имеет непосредственный основной объект.

Неоценимые с практической точки зрения правила квалификации по объекту преступления предложила и ученоя Корнеева А.В., которые сводятся к следующему:

1. Если при совершении преступления степень тяжести вреда, причиняемого дополнительному объекту, меньше или равна степени тяжести вреда, причиняемого основному объекту, квалификация производится по статье, предусматривающей посягательство на основной объект, квалификации по совокупности преступлений не требуется. Так, в случае причинения при изнасиловании легкого и средней тяжести вреда здоровью содеянное полностью охватывается частью 1 статьи 131 УК и квалификация по статьям о преступлениях против личности не требуется (пункт 15 постановления Пленума ВС РФ от 15.06.2004 № 11 «О практике применения судами ст. 131 и 132 УК РФ»).

2. По общему правилу, если при совершении преступления степень тяжести вреда, причиняемого дополнительному объекту, больше степени тяжести вреда, причиняемого основному объекту, требуется квалификация по совокупности преступлений. Так, если для незаконного проникновения в жилище, совершенного против воли проживающего в нем лица, применяется насилие, состоящее в причинении тяжкого вреда здоровью, необходима квалификация по части 2 статьи 139 УК по совокупности с частью 1 статьи 111 УК. Законодательно установлено лишь одно исключение из этого правила (часть 1 статьи 17 УК в ред. от 21 июля 2004 года).

Совокупность преступлений не образуется, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Например, если в процессе разбойного нападения виновный для завладения имуществом причиняет смерть потерпевшему, то, руководствуясь общим правилом, необходима квалификация по совокупности ст. 162 и 105 УК. Однако, поскольку в п. «з» ч. 2 ст. 105 УК в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, указана «сопряженность с разбоем», квалификации по совокупности преступлений не требуется. В этой связи, представляется, следует считать утратившим силу положение, содержащееся в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», которое рекомендовало квалифицировать подобные ситуации по совокупности преступлений.

3. Если в статье альтернативно указаны несколько дополнительных объектов, для квалификации преступления по этой статье достаточно причинения вреда хотя бы одному из них. Так, для вменения состава, предусмотренного ст. 296 УК РФ («Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования»), основным объектом которого являются интересы правосудия, достаточно наличия угрозы причинения вреда любому из

альтернативно указанных дополнительных объектов: жизни, здоровью, отношению собственности.

Вопрос № 2 Квалификация преступлений по объективной стороне (ПК-5)

Нет и не может быть преступления «вообще». В окружающей нас действительности конкретное преступление всегда совершается определенным способом или определенными орудиями и средствами, в определенном месте и в определенное время. В момент совершения преступления ему неизменно сопутствует и определенная обстановка. Кроме этого, преступление неизбежно влечет за собой наступление определенных социально вредных последствий. При этом общественно опасный результат может лишь тогда быть признан последствием преступления, когда он причинно связан именно с данным действием (бездействием) человека. Указанные обстоятельства деяния и его последствия, причинная связь между ними, способ, орудия, средства, место, время и обстановка относятся к внешней, объективной стороне состава преступного посягательства.

Объективная сторона состава преступления включает в себя признаки, отражающие его внешний аспект, а именно: "процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата".

Объективная сторона состава одних преступлений характеризуется только общественно опасным действием или бездействием (формальный состав), других - общественно опасным действием или бездействием, общественно опасными последствиями и причинной связью между ними (материальный состав). Первые считаются оконченными с момента совершения самих действий (бездействия), указанных в законе, вторые же - только с момента наступления определенных общественно опасных последствий. В этом заключается практическое значение данной теоретической классификации.

Объективную сторону как элемент состава преступления характеризуют юридически значимые признаки: общественно опасное действие (бездействие), общественно опасные последствия, причинная связь между действием (бездействием) и общественно опасными последствиями; способ, место, время, орудия, средства, обстановка совершения преступления.

В общем учении о составе преступления эти признаки принято делить на обязательные (действие (бездействие)) и факультативные (все остальные). Причем факультативные признаки можно разделить на две группы: а) последствие и причинная связь становятся обязательными для всех

конкретных материальных составов, б) время, место, способ, средства совершения преступления, обстановка - это иные факультативные признаки.

В ходе юридической оценки содеянного участвуют такие признаки объективной стороны, которые указаны в конкретной статье УК РФ.

Деление составов преступлений на формальные и материальные имеет принципиальное значение для процесса их квалификации. Вопрос о том, является ли данный состав формальным или материальным, подлежит решению в первую очередь; от ответа на него зависит, предстоит ли вообще исследовать и оценивать с позиции уголовного права не только содеянное, но и его результат.

Примером преступлений с формальным составом является клевета (ст. 128¹ УК), оскорбление представителя власти (ст. 319 УК), а с материальным - убийство (ст. 105 УК), причинение различной тяжести вреда здоровью (ст. ст. 111 - 115, 118 УК), кража (ст. 158 УК), мошенничество (ст. 159 УК) и ряд других преступлений против собственности, окончание которых связывается с завершением процесса завладения виновным чужим имуществом. Хотя и среди последних имеются преступления с формальным составом. В их числе - разбой (ст. 162 УК), который считается оконченным с момента опасного для жизни и здоровья нападения виновного в целях хищения чужого имущества, независимо от того, достигнут ли при этом преступный результат, а также вымогательство (ст. 163 УК), которое определяется как требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершение других действий имущественного характера под угрозой применения насилия или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных вредоносных сведений. Достигнут ли вымогателем результат, для наличия состава данного преступления значения также не имеет.

Под преступным действием понимается как единичный акт человеческого поведения, так и ряд последовательно повторяемых во времени и пространстве актов поведения цепи одноактных поступков, которыми обычно характеризуется понятие преступной деятельности. Когда такая совокупность действий характеризуется единством цели и намерений, т.е. носит системный характер, содеянное называется продолжаемым преступлением.

От продолжаемых преступлений следует отличать длящиеся, которые представляют собой "действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования". Характерной чертой длящихся преступлений является то, что они длительное время совершаются на стадии оконченного преступления вплоть до их пресечения или добровольного прекращения преступной деятельности самим виновным. Таковы общественно опасные и уголовно наказуемые уклонения (злостные уклонения): от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных

родителей (ст. 157 УК), уплаты налога (ст. 198 УК), отбывания лишения свободы (ст. 314 УК), прохождения военной или гражданской альтернативной службы (ст. 328 УК).

Деление преступлений на продолжаемые и длящиеся также имеет непосредственное и определяющее значение для их квалификации.

В продолжаемом преступлении уголовно-правовой оценке подлежит каждый отдельно взятый эпизод преступной деятельности как самостоятельное оконченное преступление. Длящееся преступление поэпизодно не анализируется, оно считается оконченным с момента совершения деяния, за которым следует длительное невыполнение обязанностей, возложенных на виновного.

Например: побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК) - типичное длящееся преступление, растянутое во времени на всем протяжении периода, пока совершивший побег не задержан или не явился с повинной. Но оконченным преступление считается с момента, когда виновный тем или иным способом противоправно добыл себе свободу.

Особую разновидность представляют преступления, объективная сторона которых сконструирована таким образом, что состоит не из одного, а из ряда действий, образующих состав определенного преступления только в сумме. Например, уголовная ответственность по ч. 1 ст. 117 УК наступает за причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, если это не повлекло последствий, указанных в ст. ст. 111 и 112 УК. Значит, виновный в составе истязания может быть привлечен к уголовной ответственности только при условии систематического (два и более раза) нанесения побоев либо иных насильственных действий.

Примером различия между преступлениями с материальным и формальным составами может служить различие между грабежом, который в законе (ч. 1 ст. 161 УК) определяется как открытое хищение чужого имущества, и разбоем, который представляет собой нападение в целях хищения (ч. 1 ст. 162 УК). В силу этого различия грабеж считается оконченным лишь в момент завладения имуществом потерпевшего, а если открытое хищение оказалось безуспешным и того, что виновный намеревался отнять (например, денег), не оказалось, содеянное квалифицируется всего лишь как покушение на грабеж. Разбой же считается оконченным с момента нападения на потерпевшего с применением насилия, признаки которого описаны в законе.

Особую разновидность преступных последствий представляет собой реальная возможность наступления вреда, в усеченных составах преступлений. Момент создания прямо предусмотренной в диспозиции соответствующей статьи Особенной части УК реальной возможности наступления определенных вредных последствий означает момент окончания данного преступления, что, очевидно, имеет важное значение для его

квалификации. Так, согласно ч. 1 ст. 215 УК преступлением является нарушение правил безопасности при размещении, проектировании, строительстве и эксплуатации объектов атомной энергии, создающем опасность для жизни человека или содержащем угрозу радиоактивного заражения окружающей среды. Аналогичным образом сконструирован состав терроризма, который в законе (ч. 1 ст. 205 УК) определяется как совершение взрыва, поджога и иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, а также состав нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ч. 1 ст. 247 УК); для уголовной ответственности за данное деяние достаточно, чтобы оно создало угрозу причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде. Перечень подобных примеров не является исчерпывающим.

Диспозициями некоторых статей Особенной части УК предусматривается наступление нескольких альтернативных общественно опасных последствий. Так, например, согласно ст. 246 УК состав преступления налицо, если нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ повлекло существенное изменение радиоактивного фона, причинение вреда здоровью человека, массовую гибель животных либо иные тяжкие последствия. Для квалификации содеянного по этой статье достаточно наступления как любого из указанных последствий, так и сразу нескольких.

Если в результате деяния наступили различные последствия, предусмотренные различными частями одной и той же статьи УК, то согласно разъяснению Верховного Суда РФ преступление квалифицируется только по той части УК, которая устанавливает ответственность за причинение более тяжкого последствия. Так, например, если в результате нарушения требований пожарной безопасности одновременно наступили последствия, предусмотренные ч. 1 ст. 219 УК (по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека) и ч. 2 этой же статьи (неосторожное причинение смерти человеку), действия виновного подлежат квалификации только по части второй этой статьи, которая устанавливает ответственность за более тяжкие последствия.

Последствия преступления являются таковыми и заслуживают юридического анализа с позиции уголовного права только в том случае, если вред, составляющий основное содержание данного понятия, находится с соответствующим общественно опасным действием или бездействием в причинно-следственной связи. Причинность - философская категория, обозначающая необходимую генетическую связь явлений, одно из которых обуславливает существование другого. Таким образом, этот признак объективной стороны состава преступления является зависимым от вредных последствий.

При установлении причинной связи в каждом конкретном уголовном деле задача органов правосудия состоит в том, чтобы, отвлекаясь от множества сопутствующих преступлению фактов, искусственно изолировать общественно опасное поведение человека и наступивший вредный результат и рассматривать их в качестве возможных причин и следствия. Для того, чтобы действие (бездействие) лица могло быть признано причиной наступившего последствия, оно должно отвечать определенным требованиям, а именно:

Если характер действия (бездействия) описан в диспозиции уголовно-правовой нормы, то в качестве возможной причины может выступать лишь такое активное или пассивное поведение лица, которое соответствует признакам объективной стороны состава преступления, указанным в законе.

Действие (бездействие) субъекта может быть признано причиной общественно опасных последствий только в том случае, если оно предшествовало их наступлению во времени.

Действие (бездействие) лица лишь в том случае может быть признано причиной преступного результата, если оно не только предшествовало ему во времени, но и было необходимым условием его наступления.

Как справедливо указала Галахова А.В. отсутствие причинной связи в материальных составах не позволяет квалифицировать содеянное как оконченное преступление, даже если охраняемым объектам причинен вред. В УК нет определения причинной связи. О ней, по мнению Л.Д. Гаухмана, свидетельствует наличие в норме закона терминов "причинение", "заражение" (ст. 121, ч. ч. 2, 3, 4 ст. 122 УК), "уничтожение или повреждение" (ст. ст. 168, 243 УК).

Если виновный заблуждается относительно того, как именно развивалась причинно-следственная связь в данном конкретном случае, но объективно общественно опасные последствия все же находятся в такой связи с содеянным виновным, пусть даже не с тем, что он считает причиной наступившего последствия, в теории уголовного права принято говорить об ошибке в развитии причинной связи. На решение вопроса о наличии или отсутствии состава преступления и на его квалификацию она не влияет.

Для иллюстрации этого тезиса обычно приводится действительно наглядный и впечатляющий хрестоматийный случай: С. во время очередного скандала с мужем убила его ударами обуха топора в лоб. Но, полагая, что смерть не наступила, С. еще и повесила труп. С. виновна в убийстве, а ее ошибка не имеет юридического значения.

Ошибка относительно причинно-следственной связи влечет иную юридическую оценку преступления, чем та, которую давал ей сам виновный, в тех случаях, когда значимость такого расхождения прямо вытекает из закона.

Так, если А. по найму расстрелял Б. и, считая его мертвым, поджег дом, чтобы "замести следы", а Б., будучи только ранен, погиб в огне, действия виновного должны быть расценены как покушение на убийство по найму (п.

"з" ч. 2 ст. 105 УК) и причинение смерти по неосторожности (статья 109 УК), что существенно отличается от представлений самого виновного относительно того, за что он подлежит уголовной ответственности.

Таким образом, квалифицировать преступление по его объективной стороне значит: во-первых, установить, является ли состав данного преступления формальным или материальным; во-вторых, определить, какие именно вредоносные последствия (имущественный, моральный или иной вред или угроза причинения вреда) рассматриваются законодателем в качестве обязательного элемента объективной стороны состава инкриминируемого преступления и как они отражены в материалах уголовного дела; в-третьих, установить, существует ли между содеянным виновным действием или бездействием причинно-следственная связь с последствиями преступления.

При составлении уголовно-процессуальных документов, в которых отражается результат квалификации, обозначение некоторых факультативных признаков (время, место, способ, средства совершения преступления, обстановка) обязательно, ибо они являются предметом доказывания (ст. 73 УПК РФ). Их установление означает наличие события преступления.

С уголовно-правовой точки зрения они имеют несколько значений: 1) если факультативный признак включен в диспозицию нормы, он является обязательным признаком состава преступления и участвует в квалификации; его отсутствие исключает возможность привлечения к ответственности по данной статье; 2) если факультативный признак назван в квалифицированном составе, его отсутствие не исключает уголовной ответственности и деяние квалифицируется по части статьи УК, предусматривающей основной (простой) состав преступления; 3) если факультативный признак не указан в диспозиции нормы, он не влияет на квалификацию, но может признаваться обстоятельством, отягчающим наказание (например, п. п. "и", "к", "л" ст. 63 УК).

Время совершения преступления - временной промежуток, в течение которого совершено преступление, довольно редко встречается в качестве обязательного признака объективной стороны (ст. ст. 106, 331, 334, 336, 337 УК). В таких случаях оно имеет квалифицирующее значение. Чаще оно выступает как общее условие уголовной ответственности (ст. ст. 9, 10, 20, 78, 86 УК). Принципиальные положения об уголовно-правовом значении времени содержатся в ст. 9 УК.

Место совершения преступления - названная в законе территория, на которой совершается преступление. Как общее условие уголовной ответственности место предусмотрено в ст. ст. 11 и 12 УК. В них сформулированы принципы действия УК в пространстве (территориальный и гражданства). Квалифицирующее значение место совершения преступления приобретает, когда оно указано в конкретной норме закона (например, ст. ст. 217, 244, 247, 250, 256, 258, 259, 260 УК).

Способ совершения преступления - приемы, методы, тактические средства, применяемые для совершения преступления. В УК именно способ наиболее часто назван в качестве основной характеристики преступного деяния (конструктивного или квалифицирующего признака). В этих случаях он участвует в процессе квалификации (см., например, ст. ст. 105, 110, 111, 116, 127, 131, 150, 158, 160, 162, 163, 164, 167, 183, 205, 256, 258, 261, 267, 293, 339 УК).

Средства совершения преступления - орудия и иные приспособления, химические вещества, с чьей помощью совершено преступление. Они приобретают уголовно-правовое значение для квалификации, когда указаны в норме закона в качестве конструктивного или квалифицирующего признака (см., например, ст. ст. 126, 127, 162, 189, 205, 206, 222, 225, 226, 355, 356 УК).

Обстановка совершения преступления - это объективные условия, в которых произошло преступление (см., например, ст. ст. 106, 128.1, 195, 319, 354 УК). Их значение для квалификации такое же, как и иных факультативных признаков.

Мы согласны с мнением Галаховой А.В. о том, что большое значение при квалификации преступлений имеет правильное установление момента окончания преступления. Которое зависит от конструкции состава. Высшая судебная инстанция наиболее часто разъясняет момент окончания в формальных составах, в связи с тем, что определение момента окончания в материальных составах не вызывает трудности. Так, много полезных разъяснений о моменте окончания преступлений, предусмотренных ст.ст. 228.1, 230, 231, содержится в Постановлении от 15 июня 2006 г. № 14 (п. п. 17, 27, 29).

Получение взятки и коммерческий подкуп имеют формальный состав. Уточнение момента окончания этих преступлений существенно для правильной квалификации:

- дача взятки или незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе, а равно их получение должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, считаются оконченными преступлениями с момента принятия получателем хотя бы части передаваемых ценностей;

- преступление, предусмотренное ст. 304, является оконченным с момента попытки передачи денег или иных материальных ценностей либо попытки оказания услуг имущественного характера (п. п. 11, 25 Постановления от 10 февраля 2000 г. N 6).

Весьма важные разъяснения о моменте окончания нескольких воинских преступлений, при определении которого на практике возникают трудности (ст. ст. 328, 338), даны в п. 25 Постановления от 3 апреля 2008 г. N 3.

Ученая Корнеева А.В. сформулировала следующие некоторые правила квалификации преступлений по признакам объективной стороны:

1. Если перечень и характер действий (бездействия), которыми может быть совершено преступление, точно описан в законе, при квалификации

преступлений должно быть установлено тождество между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, зафиксированными в диспозиции статьи УК.

2. Если характеристика объективной стороны состава преступления не содержит описания деяния, а лишь указывает на общественно опасный результат, способ совершения преступления может быть любым, за исключением случаев, когда он указан в квалифицированном составе в качестве признака, повышающего степень общественной опасности содеянного. Например, умышленное уничтожение или повреждение имущества путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом (часть 2 статьи 167 УК). Иные, помимо указанных в части 2, способы уничтожения или повреждения имущества должны быть квалифицированы по части 1 статьи 167 УК.

3. Если в диспозиции статьи Особенной части УК указано несколько альтернативных действий или несколько общественно-опасных последствий, то для квалификации посяательства по этой статье или части статьи УК достаточно совершения одного из указанных действий или наступления одного из указанных последствий. Например, часть 1 статьи 222 УК предусматривает альтернативно такие действия, как приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение огнестрельного оружия, а часть 1 статьи 267 УК в качестве последствий предусматривает причинение тяжкого вреда здоровью человека либо причинение крупного ущерба. Наступление любого из этих последствий свидетельствует о наличии состава преступления.

4. Если в умышленном преступлении с материальной конструкцией состава отсутствует обязательное последствие, это исключает квалификацию содеянного как оконченного преступления. Деяние может быть квалифицировано как покушение на совершение этого преступления. Например, если лицо намеревалось причинить смерть, а причинило лишь тяжкий вред здоровью, содеянное подлежит квалификации как покушение на убийство (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК).

5. Отсутствие дополнительного последствия, указанного в диспозиции статьи особенной части УК, не является свидетельством незавершенности преступления, если оно не охватывалось намерением виновного, а требует квалификации по той части статьи Особенной части УК, которая предусматривает ответственность за причинение вреда без такого дополнительного последствия. Наступление дополнительного последствия, описанного в статье Особенной части УК, не требует квалификации по совокупности статей. Так, в случае причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего в процессе разбойного нападения, необходима квалификация по пункту «в» части 4 статьи 162 УК. В случае отсутствия у виновного желания причинить такой вред при ненаступлении такого вреда здоровью и отсутствии иных квалифицирующих признаков, необходима квалификация по части 1 статьи 162 УК РФ.

6. Отсутствие вредных последствий в неосторожных преступлениях исключает квалификацию содеянного в качестве преступления. Так, если нарушение лицом, управляющим транспортным средством, Правил дорожного движения не привело по неосторожности к причинению тяжкого вреда здоровью человека, состав, предусмотренный частью 1 статьи 264 УК, не образуется, возможно лишь применение мер административной ответственности при наличии состава административного правонарушения.

7. Если в результате совершения деяния наступили последствия, предусмотренные различными частями одной и той же статьи УК, содеянное подлежит квалификации только по той части статьи, которая устанавливает ответственность за причинение более тяжкого последствия. Это положение нашло отражение в ряде постановлений Пленума Верховного Суда СССР, РСФСР и РФ. Так, в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 06 октября 1970 г. № 11 «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» указывается, что в случаях, когда в результате нарушения Правил дорожного движения одновременно наступили последствия, предусмотренные несколькими частями ст. 264 УК РФ, действия виновного подлежат квалификации только по той части статьи, которая устанавливает ответственность за наиболее тяжкие из наступивших последствий.

8. Если способ совершения преступления, является более опасным, чем то преступление, ради совершения которого он применяется, то необходима квалификация по совокупности преступлений. Например, если для подавления сопротивления потерпевшей при изнасиловании причиняется тяжкий вред здоровью, необходима квалификация по совокупности преступлений (часть 1 статьи 131, часть 1 статьи 111 УК). Исключение составляют случаи, когда способ совершения преступления законодательно сопряжен с тем преступлением, ради совершения которого он применяется, в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. В таких случаях в соответствии с частью 1 статьи 17 УК квалификация по совокупности не требуется. Например, если для подавления сопротивления потерпевшей при изнасиловании виновный причинил ей смерть, не требуется квалификация по совокупности ст. 131 и 105 УК, необходима квалификация лишь по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК.

Вопрос № 3 Квалификация преступлений по субъективной стороне (ПК-5)

Субъективная сторона преступления - это психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления и характеризующаяся понятиями вины, мотива и цели. Субъективная сторона означает, что установлено осознанное и волевое поведение человека в процессе совершения деяния, запрещенного уголовным законом, а понятие

вины позволяет определить степень криминализации такого поведения. Каждая форма вины включает в себя признаки характеризующие сознание лица и его волю. В теории такие признаки принято именовать интеллектуальным и волевым моментами. Различное соотношение интеллектуального и волевого моментов психической деятельности лица и дает возможность конструировать различные формы вины и их виды. Интеллектуальный момент вины включает в себя осознание лицом характера объекта посягательства и совершаемого деяния (а в преступлениях с материальным составом, кроме того, и предвидение общественно опасных последствий), а также дополнительных признаков, если они включены в состав преступления. Волевой момент вины также зависит от конструкции состава преступления. Предметом волевого отношения субъекта является очерченный законодателем круг фактических обстоятельств, определяющих юридическую сущность преступного деяния. Отражение в сознании виновного характера объекта преступления, деяния, посредством которого осуществляется посягательство, а также фактических обстоятельств, при которых происходит преступление, дает ему возможность осознать направленность деяния на защищаемые социальные блага.

Вина есть психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому им общественно опасному деянию; мотив - обусловленные определенными потребностями и интересами внутренние побуждения, которые вызвали у виновного решимость совершить преступление и которыми он руководствовался при этом, а цель, в соответствии с философским определением данной категории, - это то, к чему виновный стремился в конечном счете, его мысленная модель замышляемого преступления.

В структуру некоторых составов преступления, например убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК), убийства, совершенного в состоянии аффекта (ст. 107 УК), а также причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК), законодатель в качестве мотивообразующих признаков субъективной стороны включает еще и эмоции, т.е. переживания лица в связи с совершаемым преступлением.

Теория уголовного права не относит эмоции ни к обязательным, ни к факультативным признакам субъективной стороны. Однако законодателю известны преступления, в которых эмоциональное состояние (внезапно возникшее сильное душевное волнение - состояние физиологического аффекта) является обязательным признаком составов, предусмотренных ст. ст. 107 и 113 УК. Эмоциональное состояние лица учитывается также при применении ст. 106 УК.

Аффект может быть физиологическим и патологическим. Физиологический аффект характеризуется сужением сознания, определенным торможением интеллектуальной деятельности, что, однако, не исключает ответственности человека. Субъектом преступления такое лицо может быть лишь в трех названных в законе случаях.

При патологическом аффекте лицо не привлекается к уголовной ответственности.

Таким образом, законодательной основой квалификации по признаку аффекта являются ст. ст. 107, 113, 106 УК.

В своем научном исследовании Савельева В.С. отмечает, что в совокупности признаков, характеризующих субъективную сторону состава преступления, основополагающим является понятие вины. Профессор Кадников Н.Г., рассматривая понятие вины, выделяет в нем четыре важных элемента: содержание вины, форма вины, сущность вины и степень вины.

Нормативно закреплено разграничение по признаку вины – ст.ст. 24, 25, 26, 27, 28 УК, а также отмечается о ней в положениях конкретной статьи УК.

Материальный закон (УК) фиксирует в положениях части 1 статьи 5 о том, что лицо подлежит уголовной ответственности за те общественно опасные деяния, в отношении которых установлена его вина. Категоричный запрет на объективное вменение, предусмотрен в части 2 статьи 5 УК.

Виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности (ч. 1 ст. 24 УК). Преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом (ч. 1 ст. 25 УК). Преступлением, совершенным по неосторожности, признается деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности (ч. 1 ст. 26 УК).

Важным критерием разграничения преступлений по субъективной стороне - это форма вины (умысел и неосторожность).

Преступления совершаются только с прямым умыслом, если умысел заранее обдуманный, конкретизированный. Только при заранее обдуманном умысле могут быть стадия приготовления, соучастие, выражающееся в совершении преступления по предварительному сговору группой лиц, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией). Указание на мотив, цель, заведомость также говорит о прямом умысле; приготовление к преступлению и покушение на преступление совершаются только с прямым умыслом. Для разграничения умышленного и неосторожного преступлений (легкомыслия) требуется точное установление признаков косвенного умысла.

Дифференциация умысла на определенный и неопределенный также важна и прежде всего для точной квалификации преступлений против личности. При простом определенном умысле предвидение охватывает только один преступный результат; при альтернативном - один из нескольких конкретизированных результатов. Деяние в таких случаях квалифицируется по направленности умысла, причем умысел может быть только прямым.

При неопределенном умысле содеянное квалифицируется по фактически наступившему результату. Неопределенный умысел может быть как прямым, так и косвенным.

Вполне незатруднительно разграничиваются некоторые преступления, имеющие одинаковые признаки. Это возможно распространить к преступлениям против жизни и здоровья человека: убийство (ст. 105 УК) и причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК), умышленное (ст. ст. 111 - 112 и 115 УК) и неосторожное причинение вреда здоровью (ст. 118 УК), а также к преступлениям против собственности: умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК) и уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК).

Вместе с тем, определенные преступления могут быть совершены и умышленно, и по неосторожности, например, разглашение государственной тайны (ст. 283 УК). Поэтому один из коренных вопросов квалификации преступлений по признакам субъективной стороны заключается в следующем: допускает ли тот или иной состав преступления вину как умышленную, так и неосторожную, а если нет, то является ли данное преступление всегда умышленным или всегда неосторожным.

В некоторых, но, к сожалению, немногочисленных случаях ответ на этот вопрос содержится в самом законе. Так, например, убийство в ч. 1 ст. 105 УК четко определяется, как умышленное причинение смерти другому человеку. В других случаях о форме вины достоверный вывод можно сделать исходя из смысла других очевидных по своему содержанию понятий. Так, например, по ст. 157 УК уголовная ответственность наступает лишь за такое уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, которое является злостным. Очевидно, что злостное уклонение не может быть неосторожным деянием.

Бесспорным основанием для вывода о том, что данное преступление является умышленным и только таковым, может служить содержащееся непосредственно в законе указание на цель, которую ставил перед собой субъект преступления, либо на побуждения, из которых он действовал (например, организация вооруженного мятежа (ст. 279 УК), подмена ребенка, совершенная из корыстных или иных низменных побуждений (ст. 153 УК); целенаправленная, мотивированная деятельность неосторожной быть не может.

В некоторых формулировках диспозиций статей Особенной части УК прямого указания на специальный мотив или цель не содержится, но эти обязательные признаки субъективной стороны вытекают из них, легко угадываются и подтверждаются повседневной судебной и следственной практикой.

Так, например, убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга является одной из разновидностей квалифицированного состава данного преступления (п. "б" ч. 2 ст. 105 УК). И хотя ни побуждения (мотив), ни цель подобных убийств законодатель в данном случае не называет, формулировка данного квалифицирующего,отягчающего ответственность обстоятельства повсеместно понимается,

толкуется и применяется в том смысле, что такое убийство совершается или по мотивам мести лицу, осуществляющему служебную, например правоохранительную, деятельность, или же в целях ее прекращения.

Свое отношение к цели и мотиву Пленум Верховного Суда РФ высказывает, естественно, в тех случаях, когда они становятся для конкретного состава преступления обязательными, т.е. когда о них сказано в диспозиции нормы закона либо когда их обязательное установление обусловлено иными законодательными признаками правонарушения.

Для квалификации некоторых преступлений цели и мотивы совершения преступления приобретают первостепенное значение. В Постановлении от 27 января 1999 г. N 1 подчеркивается, что установление наряду с другими признаками состава преступления мотивов и целей причинения смерти другому лицу необходимо для правильной правовой оценки содеянного и назначения справедливого наказания. Они должны быть выяснены по каждому конкретному делу об убийстве (п. 1).

В этом Постановлении содержится весьма подробное описание целей, с которыми могут совершаться отдельные квалифицированные виды убийств, и раскрывается их содержание. Например:

- по п. "з" ч. 2 ст. 105 УК (убийство из корыстных побуждений) квалифицируется убийство, совершенное в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.) (п. 11);

- по смыслу закона, квалификация по п. "к" ч. 2 ст. 105 УК (убийство определенного лица с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение) исключает возможность квалификации этого же убийства, помимо указанного пункта, по какому-либо другому пункту ч. 2 статьи, предусматривающему иную цель или мотив убийства. Поэтому, если установлено, что убийство потерпевшего совершено, например, из корыстных или из хулиганских побуждений, оно не может одновременно квалифицироваться по п. "к" ч. 2 ст. 105 (п. 13).

Содержание корыстной цели, но уже применительно к мошенничеству, растрате, присвоению, раскрыто в Постановлении от 27 декабря 2007 г. N 51:

- это - стремление изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться им как своим собственным, в том числе и путем передачи его в обладание других лиц (п. 28).

Еще в нескольких постановлениях показано, как цели влияют на квалификацию содеянного и помогают разграничить смежные преступления:

- не образует состава кражи или грабежа завладение чужим имуществом не с корыстной целью, а, например, с целью его временного использования с последующим возвращением собственнику либо в связи с предполагаемым правом на это имущество. Такие действия при наличии к

тому оснований подлежат квалификации по ст. 330 или другим статьям УК (п. 7 Постановления от 27 декабря 2002 г. N 29);

- если лицо с целью извлечения дохода занимается незаконной деятельностью, ответственность за которую предусмотрена иными статьями УК РФ (например, незаконным изготовлением огнестрельного оружия, боеприпасов (ст. 223 УК); сбытом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228.1 УК), содеянное не требует дополнительной квалификации по ст. 171 УК (п. 18 Постановления от 18 ноября 2004 г. N 23);

- если лицо в целях лечения животных использует незаконно приобретенное наркотическое средство или психотропное вещество (например, кетамин, кетамина гидрохлорид), в его действиях отсутствуют признаки преступления, влекущего уголовную ответственность за незаконный сбыт этих средств или веществ (ст. 228.1 УК) (п. 15 Постановления от 15 июня 2006 г. N 14);

- если лицо, изымая и (или) обращая в свою пользу или пользу других лиц чужое имущество, действовало в целях осуществления своего действительного или предполагаемого права на это имущество (например, присвоило вверенное ему имущество в целях обеспечения долгового обязательства, не исполненного собственником имущества), при наличии оснований, предусмотренных ст. 330 УК, его следует привлечь к ответственности за самоуправство (п. 28 Постановления от 27 декабря 2007 г. N 51).

Не менее важны разъяснения, которые помогают правоприменителю установить наличие цели. Например, применительно к ч. 2 ст. 146 УК о наличии у лица цели сбыта могут свидетельствовать нахождение изъятых контрафактных экземпляров в торговых местах, пунктах проката, на складах; их количество (п. 6 Постановления от 26 апреля 2007 г. N 14).

Особенно ценны характеристики целей в тех случаях, когда закон не называет их в диспозиции нормы, но из ее содержания следует, что они есть:

- целью преступлений, предусмотренных ст. ст. 198, 199 УК, является полная или частичная неуплата налогов (п. 8 Постановления от 28 декабря 2006 г. N 64);

- ст. 209 УК не говорит о конкретных целях нападений, осуществляемых вооруженной бандой. Но из характеристики нападений при бандитизме (непосредственное завладение имуществом, деньгами или иными ценностями гражданина либо организации; убийство, изнасилование, вымогательство, уничтожение либо повреждение чужого имущества и т.д. (п. 12 Постановления от 17 января 1997 г. N 1)) следует, что целью бандитских нападений может быть совершение любого из названных и им подобных преступлений;

- склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (ст. 230 УК) совершается с целью принуждения к потреблению их

лицом, на которое оказывается воздействие (п. 27 Постановления от 15 июня 2006 г. N 14);

- целью организации притона для потребления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 232 УК) является последующее использование этого помещения для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов несколькими лицами (там же, п. 32).

В некоторых ситуациях цель поведения лица даже в случаях, например, злоупотребления должностными полномочиями, превышения должностных полномочий может приводить к юридически значимым положительным решениям. Так, в Постановлении от 16 октября 2009 г. N 19 отмечается, что действия должностного лица, содержащие признаки преступлений, предусмотренных ст. 285 или ст. 286 УК, совершенные для устранения опасности, угрожающей личности, интересам общества или государства, и если эта опасность не могла быть устранена иными средствами, не могут быть признаны преступными при условии, что не было допущено превышения пределов крайней необходимости (ст. 39 УК) (п. 13).

Мы согласны с мнением Галаховой А.В., что мотив так же, как и цель, выполняет различную роль в составе преступления. Однако в отличие от цели вне зависимости от того, указан он в качестве обязательного признака состава или нет, в соответствии со ст. 73 УПК РФ он всегда подлежит установлению.

В УК много норм, в которых названы мотивы совершения преступления. Однако упоминание о конкретных мотивах совершения преступления и раскрытие их содержания в постановлениях встречаются очень редко. Например, в Постановлении от 27 января 1999 г. N 1 разъяснено, как мотив совершения убийства влияет на квалификацию преступления, и раскрыто его содержание:

- под ч. 1 ст. 105 УК подпадает убийство, совершенное без квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2 статьи, и без смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. ст. 106, 107 и 108 УК (например, в ссоре или драке при отсутствии хулиганских побуждений; из ревности; по мотивам мести, зависти, неприязни, ненависти, возникшим на почве личных отношений) (п. 4);

- убийство из хулиганских побуждений (п. "и" ч. 2 ст. 105 УК) - это убийство, совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение (например, умышленное причинение смерти без видимого повода или с использованием незначительного повода как предлога для убийства) (п. 12).

Следует согласиться с мнением Савельевой В.С. о том, что из-за отсутствия прямых законодательных указаний и "подсказок" являются

наиболее сложными, ответ на вопрос о форме вины можно получить только в результате систематического толкования закона, т.е. сопоставления уголовно-правовых норм с нормами других отраслей права, а равно сопоставления различных норм УК между собой.

Согласно ч. 2 ст. 24 УК деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса. По общему правилу форма вины в составе преступления едина. В преступлениях с формальным составом вина определяется как психическое отношение субъекта к самим общественно опасным действиям, а с материальным составом - к общественно опасным последствиям. Вместе с тем, ст. 27 УК устанавливает: "Если в результате умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватываются умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным умышленно".

Примером распространенного преступления с двумя формами вины может служить умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Это типичный случай, когда состав преступления характеризуется умышленной виной по отношению к наступившему тяжкому вреду здоровья и неосторожной - по отношению к смерти потерпевшего. В целом же преступление, о котором идет речь, признается умышленным. В учении о составе преступления и квалификации преступлений особенно важное практическое значение имеет положение, согласно которому обобщенная характеристика психического отношения к своим действиям и их последствиям в форме умысла или неосторожности складывается из "психических отношений" к каждому признаку объективной стороны.

Это значит, что в составе умышленного преступления каждый объективный признак осознается, в составе неосторожного преступления хотя бы один признак не осознается, хотя мог и должен осознаваться, а если лицо не осознает какой-либо из объективных признаков умышленного преступления, то содеянное подпадает под статью об умышленном преступлении без указанного признака (например, вместо п. "г" ч. 2 ст. 105 УК (убийство заведомо беременной женщины) применению подлежит ч. 1 ст. 105 УК - "простое" убийство).

То же самое следует сказать и о волевом моменте умысла, и тем более о цели действий виновного. Если им не ставилось специальной цели, эти действия подлежат квалификации без учета объективных обстоятельств, которые внешне, на уровне обывденного сознания, воспринимаются как их

запланированный результат, цель. Здесь уместно автору заметить о так называемой доминанте цели в формуле квалификации над другими признаками субъективной стороны, в частности виной. Так, например, Верховный Суд РФ в своих решениях по конкретным уголовным делам неоднократно подчеркивал, что убийство, совершенное из корыстных побуждений, не может дополнительно квалифицироваться еще и как убийство с целью скрыть разбойное нападение, а действия виновного в разбое, который некоторое время удерживал потерпевшего в салоне автомашины, чтобы тот не смог обратиться за помощью и в милицию, не нуждаются в дополнительной квалификации как незаконное лишение свободы, поскольку такое удержание - всего лишь один из способов насилия, примененного в общих целях завладения чужим имуществом.

Авторы согласны с мнением Савельевой В.С. о том, что если УК вообще не предусматривает умышленного преступления без того признака, который лицом не осознан, но мог и должен быть осознан, совершенное деяние следует искать среди неосторожных преступлений, состав которых содержит данный признак, а при отсутствии такой нормы УК - среди неосторожных преступлений без этого признака; если и такой статьи нет, то состав преступления вообще отсутствует.

В судебной практике подобные переходы встречаются, в частности, при квалификации должностных преступлений. Так, например, если должностное лицо использует свои служебные полномочия вопреки интересам службы из корыстной или иной личной заинтересованности и это повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, налицо состав умышленного преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 285 УК. Если же корыстная или личная заинтересованность у должностного лица отсутствует, юрист при определенных условиях, когда это позволяют признаки объективной стороны, может исследовать содеянное с точки зрения диспозиции ст. 293 УК о халатности, которая является преступлением неосторожным, причем влекущим все те же, упомянутые выше, последствия: существенное нарушение прав и законных интересов граждан и т.д.

Интересными являются обобщения ученой Корнеевой А.В., которая относит к правилам квалификации преступлений по субъективным признакам состава преступления следующие:

1. При определенном умысле квалификация производится в зависимости от направленности умысла на определенный объект, на совершение деяние определенным способом, на причинение определенного рода последствий.

2. При неопределенном умысле квалификация производится в зависимости от тех последствий, которые фактически были причинены.

3. При перерастании умысла в процессе совершения преступления в умысел, соответствующий по содержанию другому составу, предусматривающему более опасное преступление, квалификация

производится по статье, предусматривающей ответственность за совершение более опасного преступления.

4. При отсутствии в диспозиции уголовно-правовой нормы прямого указания на неосторожное отношение к квалифицирующему последствию умышленного преступления причинение такого последствия с умыслом и по неосторожности полностью охватывается этой нормой и не требует дополнительной квалификации только при условии, что в статье УК об умышленном причинении того же самого последствия закон не предусматривает более строгого наказания, чем за умышленное преступление, в котором данное последствие играет роль квалифицирующего признака. Если же нормой об умышленном причинении определенного последствия предусмотрено более строгое наказание, чем нормой, в которой данное последствие играет роль квалифицирующего признака умышленного преступления, деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений.

5. Квалифицирующие объективные признаки. Не являющиеся последствием, могут вменяться лицу лишь в случае осознания их наличия. Если лицо не осознает какой-либо из объективных квалифицирующих признаков умышленного преступления за исключением последствия, то деяние подпадает под статью об умышленном преступлении без указанного признака, например, не изнасилование заведомо несовершеннолетней (п. «а» ч.3 ст. 131 УК), а ч. 1 этой же статьи.

6. Если в диспозиции статьи Особенной части УК в качестве обязательных признаков основного состава указаны альтернативно мотивы или цели, для квалификации по этой статье достаточно наличия одного из них.

7. Если в статье в качестве квалифицирующих признаков предусмотрено несколько мотивов или целей совершения преступления, квалификация производится по доминирующему мотиву или доминирующей цели.

Рекомендуемая литература

1.Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования [Электронный ресурс]/ Кадников Н.Г.— Электрон. текстовые данные.— М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Юриспруденция, 2013.— 297 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/23015>.— ЭБС «IPRbooks»;

2.Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья. Закон и правоприменительная практика [Электронный ресурс]: учебно-практическое пособие/ Борзенков Г.Н.— Электрон. текстовые данные.— М.: Зерцало-М, 2013.— 256 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/4532>.— ЭБС «IPRbooks»

3.Кузьмин В.А. Уголовное право России [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Кузьмин В.А.— Электрон. текстовые данные.— Саратов:

Вопрос № 4 Квалификация преступления по признакам его субъекта (ПК-5)

Субъект преступления - это физическое, вменяемое, достигшее определенного возраста лицо, совершившее общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, и способное понести за него уголовную ответственность.

Из содержания ст. ст. 11, 12 и 13 УК следует, что действие российского закона (уголовная юрисдикция Российской Федерации) распространяется на граждан РФ, лиц без гражданства и иностранцев, совершивших преступление на территории нашего государства.

Уголовный закон не пользуется термином «субъект преступления», однако в нем постоянно используются слова «виновный», «осужденный», «лицо совершившее преступление», «лицо виновное в совершении преступления» и др. В ст. 19 УК РФ закрепляются общие признаки, характеризующие субъекта преступления как «лицо, подлежащее уголовной ответственности». По уголовному закону уголовную ответственность может нести лишь физическое лицо (человек), вменяемое, достигшее возраста уголовной ответственности. Наличие общих признаков субъекта преступления является важной гарантией, во-первых, недопустимости привлечения к уголовной ответственности юридических лиц. Во-вторых, уголовная ответственность всегда строго индивидуальна, носит личный характер, т.е. ответственности подлежит тот (и только тот), кто совершил конкретное преступление. Это означает невозможность применения уголовной ответственности по принципу коллективной ответственности или круговой поруки, невозможность применения уголовной ответственности к лицам, находящимся в той или иной связи с виновным лишь на одном этом основании.

В-третьих, уголовная ответственность возможна в отношении каждого человека только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении, которых установлена его вина. И, в-четвертых, деяние не может считаться преступным, если оно совершено лицом, не отвечающим общим признакам (малолетний, лицо которое не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими).

В квалификации всех преступлений участвуют три обязательных уголовно-правовых признака субъекта: физическое лицо, вменяемое лицо, лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. То обстоятельство, что

обязательных признаков субъекта преступления всего лишь три, отражает демократизм уголовного права, в частности, в этом проявляется принцип равенства граждан перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ, ст. 4 УК РФ).

УК РФ не дифференцирует уголовную ответственность в зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений и пр. Криминологические признаки, в том числе индивидуальные особенности личности преступника, на квалификацию преступления не влияют. Они учитываются при назначении наказания в качестве обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание (ст. ст. 60, 61, 63 УК РФ).

Ученая Савельева В.С. выясняет, признаки объекта или субъекта играют ведущую роль при квалификации. Последняя отмечает, что если иметь в виду процесс создания уголовно-правовых норм, то несомненно, что ведущая роль принадлежит объекту, с учетом которого законодатель и конструирует соответствующую статью закона: содержание общественных отношений, поставленных под охрану закона, определяет круг возможных субъектов преступлений и другие признаки состава.

Однако при применении закона зависимость получается обратной: большей частью раньше устанавливаются признаки субъекта преступного посягательства, а в связи с этим, с учетом характера действий, определяется и объект. Например, установив, что один военнослужащий оскорбил другого при исполнении служебных обязанностей, мы делаем вывод, что пострадала не только личная честь, но и воинская дисциплина. Следовательно, объект здесь является зависимым признаком.

Уголовно-правовые признаки субъекта преступления указаны в ст. ст. 19 - 21 УК РФ. Субъекта, обладающего этими признаками (физическое лицо, возраст, вменяемость) принято называть общим субъектом преступления.

Для квалификации преступлений установление названных уголовно-правовых признаков является обязательным. Отсутствие какого-либо признака общего субъекта преступления исключает состав преступления. Если преступление совершается двумя или более лицами и одно из них не обладает хотя бы одним признаком общего субъекта, соучастие исключается.

В Особенной части УК РФ есть немало норм, в которых указаны и иные характеризующие субъект признаки. В общем понятии состава преступления они являются факультативными. Однако, будучи названными в диспозиции нормы, они становятся обязательными для доказывания, а лицо, обладающее ими, приобретает статус специального субъекта преступления, т.е. лица, характеризующегося дополнительно лишь ему присущими качествами.

Признаки специального субъекта обязательно учитываются при квалификации конкретного преступления, причем лицо, не обладающее таковыми, не может быть исполнителем преступления.

Лицо является субъектом преступления, если оно лично, собственными силами выполнило состав преступления. Оно также становится таковым, если для совершения общественно опасных действий и достижения преступных последствий использует других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК РФ (ч. 3 ст. 33).

Субъектом преступления признаются исполнители и все другие соучастники (организаторы, подстрекатели и пособники), при этом их роль отражается в формуле квалификации путем указания на конкретную статью Особенной части, а также на ч. ч. 3, 4 или 5 ст. 33 УК РФ. Действия (бездействие) субъекта-исполнителя квалифицируются по конкретной статье УК РФ без ссылки на ст. 33.

Субъектом преступления наряду с лицами, совершившими оконченное преступление, признаются также граждане, виновные в совершении неоконченного преступления (приготовления только к тяжкому или особо тяжкому преступлению или покушения). Специфика квалификации содеянного ими состоит в том, что в формуле квалификации кроме конкретной статьи Особенной части УК РФ указываются ч. 1 или ч. 3 ст. 30.

Статус специального субъекта для формулы квалификации преступлений имеет существенное значение. Наглядным примером сказанного является понятие должностного лица, которое является субъектом преступлений, предусмотренных ст. 285 (злоупотребление должностными полномочиями), ст. 286 (превышение должностных полномочий), ст. ст. 290 и 291 (получение взятки и дача взятки), ст. ст. 292 и 293 УК (служебный подлог и халатность). Детальное определение данного понятия содержится непосредственно в законе (примечание к ст. 285 УК), открывающей главу 30 "Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления".

Другим примером специального субъекта преступления является военнослужащий - лицо, проходящее военную службу по призыву либо по контракту в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ, а также граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов (ст. 331 УК); только они привлекаются к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные главой 33 УК "Воинские преступления" (ст. ст. 331 - 352 УК).

Субъектом убийства новорожденного ребенка закон (ст. 106 УК) называет только мать, субъектом незаконного аборта (ст. 123 УК) - лицо, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля, субъектом некоторых квалифицированных преступлений против конституционных прав и свобод граждан (ст. ст. 136 - 139 УК) - лиц, использующих свое служебное положение, субъектом некоторых преступлений против семьи и несовершеннолетних (ст. 151 и ст. 156 УК) - родителя и педагога, субъектом нарушения правил дорожного движения и

эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК) - лицо, управляющее автомобилем, трамваем, другим механическим средством, и т.д.

Составы преступлений со специальным субъектом, как правило, не имеют смежных составов и поэтому относительно легко отличимы и по объекту, и по объективным и субъективным признакам, что облегчает квалификацию. Теория и практика в этом смысле выделяют лишь несколько пар норм, заслуживающих внимание как иллюстрации.

Так, например, наряду с оскорблением судьи, участников судебного разбирательства, предусмотренным ст. 297 УК, существует понятие воинского оскорбления (оскорбление военнослужащего), которое определяется как оскорбление одним военнослужащим другого во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы (ч. 1 ст. 336 УК), а квалифицированное воинское оскорбление - это оскорбление подчиненным начальника, а равно начальником подчиненного во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы (ч. 2 ст. 336 УК).

Некоторое внешнее сходство (сходство признаков объективной стороны) наблюдается также между преступным неоказанием помощи больному (ст. 124 УК) и оставлением в опасности (ст. 125 УК). Разграничения между обоими преступлениями производятся также по субъективным признакам, причем оба состава предполагают наличие специального субъекта: в первом случае это лицо, обязанное оказывать помощь больному в соответствии с законом или со специальным правилом (имеются в виду прежде всего медики), а во втором - в частности, лицо, обязанное иметь заботу о потерпевшем (например, опекун престарелого).

Заслуженный юрист РФ Галахова Анна Владимировна отмечает, что при даче разъяснений о специальном субъекте высшая судебная инстанция пользуется весьма разнообразными методами (приемами). В ряде постановлений Пленума обобщенно называются признаки (характер) деятельности субъекта преступления. Такой прием использован, например, в постановлениях о применении:

- ст. 143 УК РФ. Субъектом этого преступления могут быть: 1) лица, на которых в силу их служебного положения или по специальному распоряжению непосредственно возложена обязанность обеспечивать соблюдение правил и норм охраны труда на определенном участке работы; 2) руководители предприятий и организаций, их заместители, главные инженеры, главные специалисты предприятий, если они: а) не приняли мер к устранению заведомо известного им нарушения правил охраны труда; б) дали указания, противоречащие этим правилам; в) взяв на себя непосредственное руководство отдельными видами работ, не обеспечили соблюдение тех же правил (п. 3 Постановления от 23 апреля 1991 г. N 1).

В этом случае названа сфера законных обязанностей лица и признаки его незаконной деятельности, позволяющие признать его субъектом предусмотренного ст. 143 УК РФ преступления;

- ст. 198 УК РФ. Субъектом преступления является физическое лицо (гражданин РФ, иностранный гражданин, лицо без гражданства), достигшее 16-летнего возраста, на которое законодательством о налогах и сборах возложена обязанность по исчислению и уплате в соответствующий бюджет налогов и (или) сборов, а также по представлению в налоговые органы налоговой декларации и иных документов, необходимых для осуществления налогового контроля. В соответствии со ст. 11 НК РФ им может быть индивидуальный предприниматель, зарегистрированный в установленном порядке и осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, а также частный нотариус, адвокат, учредивший адвокатский кабинет (п. 6 Постановления от 28 декабря 2006 г. N 64);

- ст. 228.2 УК РФ. Субъектом преступления может быть лишь лицо, в обязанности которого в соответствии с установленным порядком (например, служебной инструкцией, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица) входит соблюдение соответствующих правил или контроль за их соблюдением при совершении действий, перечисленных в ч. 1 статьи (п. 21 Постановления от 15 июня 2006 г. N 14).

В некоторых постановлениях Пленума не только названы и раскрыты признаки деятельности субъекта преступления, но и приведен на базе обобщения материалов судебной практики перечень лиц, которые потенциально могут быть субъектом названного преступления:

- ст. 171 УК РФ. Субъектом данного преступления может быть лицо, имеющее статус индивидуального предпринимателя, а также лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

Если незаконной предпринимательской деятельностью занимается организация (независимо от формы собственности), субъектом преступления является лицо, на которое в силу его служебного положения постоянно, временно или по специальному полномочию непосредственно возложены обязанности по руководству организацией (например, руководитель исполнительного органа юридического лица либо иное лицо, имеющее право без доверенности действовать от имени этого юридического лица), а равно лицо, фактически выполняющее обязанности или функции руководителя организации (п. 10 Постановления от 18 ноября 2004 г. N 23).

Поскольку норма об ответственности за это преступление сформулирована в Кодексе чрезвычайно громоздко, такое разъяснение окажет правоприменителю существенную помощь;

- ст. 199 УК РФ. Субъектом этого преступления могут быть: а) руководитель организации-налогоплательщика; б) главный бухгалтер (бухгалтер при отсутствии в штате должности главного бухгалтера), в обязанности которого входит подписание отчетной документации, представляемой в налоговые органы, обеспечение полной и своевременной уплаты налогов и сборов; в) лица, фактически выполнявшие их обязанности;

г) иные лица, если они были специально уполномочены органом управления организации на совершение таких действий (п. 7 Постановления от 28 декабря 2006 г. N 64);

- ст. 219 УК РФ. Субъектом преступления является лицо, на которое была возложена обязанность исполнять (постоянно или временно) утвержденные и зарегистрированные в установленном порядке правила пожарной безопасности (например, руководители предприятий и организаций всех форм собственности и уполномоченные ими лица, которые по занимаемой должности или по характеру выполняемых работ в силу действующих нормативных правовых актов и инструкций непосредственно обязаны выполнять соответствующие правила либо обеспечивать их соблюдение на определенных участках работ; собственники имущества, в том числе жилища, наниматели, арендаторы и др.) (п. 3 Постановления от 5 июня 2002 г. N 14).

Изученные материалы судебной практики по конкретным делам дополняют на взгляд Галаховой А.В. спектр признаков специальных субъектов преступлений и их перечень: доцент кафедры государственного учебного заведения, наделенный правом принятия экзаменов у студентов, признан субъектом должностного преступления; депутат представительного органа местного самоуправления; управляющая отделением Сбербанка РФ, председатель медицинской комиссии при городской поликлинике, управляющий отделением Пенсионного фонда РФ являются субъектами должностных преступлений; глава администрации волости муниципального образования за получение взятки не может нести ответственности как глава органа местного самоуправления по ч. 3 ст. 290 УК РФ, а должен отвечать по ч. 1 ст. 290 УК РФ; лесник, наделенный властными полномочиями в отношении неопределенного круга лиц, признан должностным лицом.

Во всех этих случаях характер деятельности и принадлежность к определенным структурам положены в основу признания лица субъектом преступлений.

Наряду с приводимыми перечнями лиц, которые могут быть субъектами конкретных преступлений, полагаем, что для характеристики субъекта, а следовательно, и для квалификации имеют значение разъяснения о лицах, которые не могут быть субъектами конкретного преступления. Подобные разъяснения помогают избежать квалификационных ошибок и не привлечь к ответственности невиновных лиц;

- ст. 290 УК РФ. Не являются субъектами получения взятки работники государственных органов и органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, исполняющие в них профессиональные или технические обязанности, которые не относятся к организационно-распорядительным или административно-хозяйственным функциям (п. 5 Постановления от 10 февраля 2000 г. N 6).

В этом же Постановлении сделано не менее полезное для правильной квалификации разъяснение относительно большой группы лиц, которые

вообще не могут быть признаны должностными лицами: это лица постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой или иной организации, независимо от формы собственности либо в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, а также поверенные, представляющие в соответствии с договором интересы государства в органах управления акционерных обществ (хозяйственных товариществ), часть акций (доли, вклады) которых закреплена (находится) в федеральной собственности (п. 6).

Данное разъяснение ценно также тем, что в нем высказана рекомендация о возможном признании субъектами ст. 204 УК РФ лиц, трудящихся в сфере новых развивающихся экономических отношений;

- ст. 171 УК РФ. Акцент в понимании лица, которое не может быть субъектом преступления, сделан на характер юридически оформленных взаимоотношений лица с работодателем и конкретных признаках незаконной деятельности работодателя. Если лицо (за исключением руководителей организации или лиц, на которых постоянно, временно или по специальному полномочию непосредственно возложены обязанности по руководству организацией) находится в трудовых отношениях с организацией или индивидуальным предпринимателем (которые осуществляют свою деятельность: а) без регистрации; б) с нарушением правил регистрации; в) без специального разрешения (лицензии); г) с нарушением лицензионных требований и условий; д) с предоставлением заведомо подложных документов) и выполняет обязанности, вытекающие из трудового договора, оно не подлежит ответственности по ст. 171 УК РФ (п. 11 Постановления от 18 ноября 2004 г. N 23);

- ст. 154 УК РФ. В связи с участвовавшими в последнее время случаями незаконного усыновления (удочерения) детей весьма своевременным и необходимым является следующее разъяснение. В Постановлении названы 12 групп лиц, которые не могут быть усыновителями, а следовательно, потенциально стать субъектами этого преступления. Для облегчения правоприменителю использования данной рекомендации и, соответственно, во избежание квалификационных ошибок в постановлении сделаны ссылки на конкретные статьи СК, ГПК, ГК и иные нормативные правовые акты (п. 8 Постановления от 20 апреля 2006 г. N 8).

Изучение материалов опубликованной судебной практики также помогает по мнению Галаховой А.В. ознакомиться с кругом лиц, которые с учетом характера их деятельности не могут быть признаны субъектами конкретных преступлений: например, водитель автотранспорта не может быть субъектом преступления, предусмотренного п. "в" ч. 2 ст. 160 УК; директор муниципального унитарного предприятия, осуществляющий управленческие функции, не относится к должностным лицам, указанным в

примечании к ст. 285 УК РФ; лицо, выполняющее административно-хозяйственные функции в коммерческой организации в форме государственного унитарного предприятия, не является субъектом предусмотренного ст. 285 УК РФ преступления; врач, не обладающий ни организационно-распорядительными, ни административно-хозяйственными функциями, не является субъектом должностных преступлений.

Авторы считают, что Корнеева А.В. наиболее полно сформулировала следующие правила квалификации по признакам субъекта преступления:

1. Если лицо в возрасте от 14 до 16 лет совершило общественно опасное деяние, ответственность за которое наступает с 16 лет, и в его действиях не содержится иного состава преступления, такое лицо не подлежит уголовной ответственности и его действия не могут быть квалифицированы как преступление.

2. Если лицо в возрасте от 14 до 16 лет совершило общественно опасное деяние, ответственность за которое наступает с 16 лет, однако в его деянии наличествует другой состав преступления. Ответственность за которое наступает с 14 лет, деяния этого лица должны быть квалифицированы по статье о том преступлении, ответственность за которое предусмотрена с 14 лет.

3. Если лицо, обладающее признаками субъекта преступления, совершило преступление с использованием лица, не достигшего возраста уголовной ответственности за это преступление, или невменяемого и осознавало эти обстоятельства, он является посредственным исполнителем этого преступления его действия подлежат квалификации по статье УК РФ, соответствующей совершенному ему преступлению без ссылки на ст. 33 УК РФ. Если при этом субъект преступления достиг возраста 18 лет, то использование им при совершении преступления несовершеннолетнего подлежит дополнительной квалификации по ст. 150 УК.

4. Если лицо, обладающее признаками субъекта преступления, совершило его с использованием несовершеннолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности за это преступление, или невменяемого, однако не осознавало этого обстоятельства, его действия следует квалифицировать как покушение на подстрекательство (организацию, пособничество) этого преступления, т.е. со ссылкой на ч. 3 ст.30, ч. 3,4 или 5 ст. 33 УК.

5. Исполнителем преступления со специальным субъектом может быть лицо, обладающее специальными указанными в законе признаками.

6. Деяние лица, не обладающего признаками специального субъекта преступления, участвовавшего в совершении преступления со специальным субъектом, как правило, квалифицируются как действия организатора, подстрекателя или пособника со ссылкой на ст. 33 УК.

7. Совершение общественно опасного деяния ненадлежащим специальным субъектом не может быть квалифицировано по статье, предусматривающей ответственность за совершение деяния специальным

субъектом. При наличии оснований совершенное может быть квалифицировано по другим статьям УК.

Рекомендуемая литература

1. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования [Электронный ресурс]/ Кадников Н.Г.— Электрон. текстовые данные.— М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Юриспруденция, 2013.— 297 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/23015>.— ЭБС «IPRbooks»;
2. Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья. Закон и правоприменительная практика [Электронный ресурс]: учебно-практическое пособие/ Борзенков Г.Н.— Электрон. текстовые данные.— М.: Зерцало-М, 2013.— 256 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/4532>.— ЭБС «IPRbooks»
3. Кузьмин В.А. Уголовное право России [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Кузьмин В.А.— Электрон. текстовые данные.— Саратов: Корпорация «Диполь», Ай Пи Эр Медиа, 2013.— 336 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/16479>.— ЭБС «IPRbooks»
- Квалификация преступлений против личности [Электронный ресурс] : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.В. Быков [и др.]. — Электрон. текстовые данные. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 487 с. — 978-5-238-02610-7. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/34465.html>
4. Макаров С.Д. Изменение квалификации преступлений и обвинения в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] : научно-практическое пособие / С.Д. Макаров. — Электрон. текстовые данные. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 215 с. — 978-5-238-01723-5. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/71092.html>
5. Джинджолия Р.С. Унификация оценочных признаков при квалификации преступлений против личности [Электронный ресурс] : монография / Р.С. Джинджолия. — Электрон. текстовые данные. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 272 с. — 5-238-00751-5. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/71126.html>

Тема 6. Квалификация неоконченной преступной деятельности (ПК-5)

1. Стадии неоконченной преступной деятельности и критерии их выделения. (ПК-5)
2. Понятие приготовления. Особенности выявления в процессе квалификации отдельных форм приготовительных действий (ПК-5)

3. Покушение на преступление и его виды. Значение формулировки признаков объективной и субъективной стороны для квалификации преступления как неоконченного. (ПК-5)

4. Добровольный отказ от совершения преступления(ПК-5)

Вопрос 1. Стадии неоконченной преступной деятельности и критерии их выделения. (ПК-5)

На практике возникают серьезные трудности при исследовании и разграничении стадий совершения преступления в силу того, что в уголовно-правовой литературе отсутствует единство взглядов по вопросу содержания понятия стадий, их количества и видов. Вместе с тем точное определение судом стадии совершения преступления имеет значение для правильной квалификации содеянного и индивидуализации наказания.

Общественную опасность как основной признак преступления могут представлять не только оконченное преступление, но и действия, предшествующие его завершению. При этом либо возникает угроза причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям (правам и свободам человека и гражданина, собственности, общественному порядку и безопасности, а также другим интересам общества и государства), либо им причиняется частичный вред.

В конкретной ситуации лицо, задумавшее лишить жизни другого человека, выполняет свое намерение. Такие действия образуют оконченное преступление — убийство. В другом случае, готовясь к совершению убийства, субъект приобретает оружие, приискивает соучастников, изучает маршрут движения автомобиля будущей жертвы, но ему не удается воплотить в жизнь свой замысел. В третьем случае лицо использует ранее приобретенное огнестрельное оружие, но промахивается или только ранит потерпевшего. В двух последних случаях преступление не было доведено до конца, но общественная опасность совершенных действий достаточно очевидна. Поэтому уголовный закон (ст. 29 УК РФ) признает преступными и наказуемыми не только оконченное преступление, но и общественно опасные деяния, не доведенные до конца по причинам, не зависящим от виновного, выделяя две стадии неоконченного преступления: приготовление и покушение.

Точное определение судом стадии совершения преступления, если оно не было доведено до конца по причинам, не зависящим от виновного, имеет значение для правильной квалификации содеянного и, следовательно, для индивидуализации наказания. Определение судом вида стадии важно также для выявления признаков добровольного отказа от совершения преступления, при котором уголовная ответственность исключается.

Таким образом, теоретический анализ и осмысление содержания конкретных стадий совершения преступлений являются чрезвычайно важными для практических работников.

При исследовании проблемы стадий совершения преступления возникают серьезные трудности. В уголовно-правовой литературе отсутствует единство взглядов по многим вопросам, в том числе о содержании понятия стадий, об их количестве и видах. В научных трудах нередко употребляются термины, имеющие неоднозначное толкование, которые следует понимать то в широком, то в узком смысле. Часто авторы ничем не аргументируют свои выводы. Терминологическая путаница нередко затрудняет разрешение вопросов судами о квалификации оконченного и неоконченного преступления.

Большинство ученых, анализируя содержание ст. 29 и 30 УК РФ, традиционно выделяют три стадии совершения преступления:

- а) приготовление к преступлению;
- б) покушение на преступление;
- в) оконченное преступление.

Однако науке уголовного права известны и другие взгляды на проблему стадий совершения преступления. Авторы не ограничиваются толкованием содержания уголовно-правовых норм, а предлагают более широкий объем этого понятия. Понятие стадий развития преступления возникло в российской науке уголовного права еще в XIX в., и традиционно включало пять их видов:

- а) возникновение умысла;
- б) обнаружение умысла;
- в) приготовление к преступлению;
- г) покушение на преступление;
- д) оконченное преступление.

Данная тенденция была продолжена некоторыми учеными в советский период. Так, профессор А.А. Герцезон с небольшими уточнениями называет тот же «набор» стадий:

- а) возникновение умысла (намерения);
- б) подготовка преступления;
- в) само преступное деяние;
- г) преступный результат.

Критерием такого разграничения, по его мнению, выступает степень осуществления преступного намерения. Несколько позднее профессор, учитывая практическое значение разграничения стадий, признает критерием разделения близость наступления общественно опасных последствий и предлагает несколько иную схему классификации, исключив преступный результат как самостоятельную стадию, «само преступное деяние» заменив термином «покушение» и признав обнаружение умысла отдельным элементом, т. е. повторил научную мысль русских ученых. Однако следует отметить ограничения, установленные А. А. Герцезоном, для применения данной схемы. Он полагает, что стадии совершения преступления присущи лишь умышленным деяниям с материальными составами, с чем, конечно, нельзя согласиться.

Профессор А.А. Пионтковский, критикуя позицию А.А. Герцезона, возражает против включения в число стадий совершения преступления возникновения умысла и предлагает свой перечень, считая первой, но ненаказуемой стадией обнаружение умысла. Профессор Н.Д. Дурманов не признает обнаружение умысла стадией совершения преступления, хотя бы и ненаказуемой. Логично рассуждая, заключает он, стадия обнаружения «голового» умысла не является продвижением на пути к достижению преступного результата, не представляет нового в сравнении с формированием умысла.

Данная позиция была поддержана другими учеными, исследовавшими проблему стадий совершения преступлений.

Все последующие публикации по данному вопросу, за редким исключением, содержали анализ трех стадий: приготовление к совершению преступления, покушение на совершение преступления, оконченное преступление, о чем уже было сказано выше.

Такой разброс мнений относительно количества стадий и их содержания можно объяснить тем, что авторы имеют в виду различные понятия: одно связано со стадиями развития преступной деятельности от возникновения умысла до его реализации (включительно), другое — с моментами, когда преступная деятельность лица была прервана по обстоятельствам, не зависящим от него, и преступление оказалось неоконченным.

Профессор Н. Д. Дурманов отмечал, что термин «стадии совершения преступления» имеет двоякое значение и используется для:

- 1) установления этапов, которые проходят оконченные преступления;
- 2) определения особенностей привлечения к ответственности за преступное деяние в зависимости от этапа, на котором было прекращено совершение преступления.

Данная позиция была поддержана Н. Ф. Кузнецовой, которая четко разграничила понятия стадий, выделив стадии совершения преступления и виды неоконченной преступной деятельности, и предложила другие наименования для определения стадий в первом значении:

- 1) формирование умысла (намерения совершить преступление);
- 2) подготовительные действия;
- 3) исполнение преступления
- 4) наступление общественно опасных последствий .

Что касается понятия стадий во втором значении, то уточнение выразилось во введении признака прерванности.

Приготовление, по ее мнению, — это прерванные подготовительные действия, а покушение — прерванное исполнение состава преступления. Формирование умысла во втором случае находится за рамками уголовно-правовых отношений. Оконченное преступление связано с наступлением общественно опасных последствий.

В принципе, почти все рассуждения Н.Ф. Кузнецовой представляются правильными, однако попытка ввести новые наименования стадий совершения преступлений не выглядит убедительной. Данные предложения больше похожи на элементарные пояснения терминологии, используемой в законе: например, приготовление — это приготовительные действия. А разве возможно что-то иное?

Гораздо убедительнее выглядит признак прерванности как критерий разграничения двух понятий. «Прерванные этапы совершения преступления, — пишет Н.Ф. Кузнецова, — не могут по своей сути вести к оконченному преступлению. Стадии же, как этапы совершения преступления исключают их прерванность».

Данную точку зрения разделяет М.П. Редин. Упоминают о двойном подходе к изучению стадий совершения преступлений и другие авторы, но раскрывают понятие стадий только в рамках уголовно-правового института, считая приготовление, покушение и оконченное преступление наказуемыми стадиями.

Однако с такой оценкой содержания ст. 29 и 30 УК РФ категорически не согласен профессор А.П. Козлов. В положениях закона, по его мнению, речь идет о видах неоконченного преступления, а не о стадиях.

Глава 6 УК РФ, содержащая данные нормы, называется «Неоконченное преступление». Профессор предлагает четко разделить стадии совершения преступления и неоконченное преступление как различные уголовно-правовые явления.

В принципе автор согласна с таким подходом к изучению проблемы стадий совершения преступлений, хотя идея не нова, она была ранее высказана Н.Д. Дурмановым и Н.Ф. Кузнецовой. Возражения вызывают некоторые другие предложения А.П. Козлова.

Во-первых, используемая терминология нуждается, по мнению автора, в уточнении. А.П. Козлов называет и процесс совершения, и виды неоконченного преступления самостоятельными явлениями, каждое из которых развивается по своим законам. Данная точка зрения не является бесспорной.

В самой общей форме слово «явление» означает «обнаруживаемое проявление чего-нибудь... явление природы, социальные явления, события, случаи...», т. е. то, что происходит в объективной действительности.

Процесс совершения преступления, который протекает во времени и пространстве, безусловно, есть явление в объективной действительности. Он представляет собой сложную психическую и физическую деятельность лица, которая проходит (или может проходить) в своем развитии определенные этапы.

В обобщенной форме этот процесс профессор А. А. Герцензон определяет следующим образом: «В умышленном преступлении различаются намерения субъекта, его действия и наступление известного результата действия». В философии явление — это внешнее обнаружение сущности,

форма ее проявления. Сущность и явление — категории материалистической диалектики, отражающие характеристики вещей, которые используются в процессе познания событий, происходящих в объективной действительности. Как представляется, А.П. Козлову не удалось избежать смешения двух значений термина «явление».

Совершенно очевидно, что при исследовании стадий совершения преступления речь может идти только о понятиях, отражающих явления объективной действительности, как для первого, так и для второго значения. Различие заключается в том, что первое понятие отражает непрерывное развитие оконченного преступления, а второе — законодательное определение понятий прерванной преступной деятельности, используемое судом для квалификации и назначения наказания, если преступление не было окончено по причинам, не зависящим от виновного.

Не менее серьезное возражение вызывает положение А. П. Козлова о «жесткой разводке» двух «явлений», обладающих, по его мнению, «относительной самостоятельностью».

Относительная самостоятельность есть категория диалектического материализма, характеризующая процесс познания и раскрывающая соотношение понятий. Делая акцент на признании самостоятельности развития двух явлений, ученый не принял во внимание признак относительности, что означает неразрывную связь между исследуемыми явлениями.

Исходя из правильного толкования термина «относительная самостоятельность», можно сделать категоричный вывод о том, что нормы, устанавливающие наказуемость неоконченного преступления (ст. 29 и 30 УК РФ), частично отражают развитие преступной деятельности в объективной действительности, выделяя два ее этапа — приготовление и покушение, наиболее приближенных к окончательному преступлению, если деятельность была прервана по причинам, не зависящим от виновного. В интересах охраны общественных отношений уголовный закон устанавливает ответственность не только за окончательное преступление, но и за покушение на него, а также в предусмотренных законом случаях — за подготовку к нему.

Закон раскрывает содержание понятий приготовления к преступлению и покушения на него. Однако имеющиеся определения не отражают сущности какого-либо иного явления, а характеризуют в законодательной форме две стадии, выделенные из процесса совершения преступления, как наиболее опасные для общества, если задуманное преступление не удалось довести до конца. На взгляд автора, совершенно очевидна неразрывная связь двух понятий: стадий совершения окончательного преступления (понятия стадий в первом значении) и стадий неоконченного преступления (понятия стадий во втором значении).

По мнению профессора А.П. Козлова, в ст. 29 и 30 УК РФ речь идет не о стадиях, а о видах неоконченного преступления. Такая подмена понятий не выглядит логичной и убедительной. В самом деле, почему при окончательном

преступлении наказуемым является весь процесс совершения преступления (при этом каждая предыдущая стадия поглощается последующей, и все они охватываются последней — стадией оконченного преступления; в некоторых же случаях стадия приготовления даже может быть признана самостоятельным преступлением, наказание за которое назначается по совокупности преступлений), а при неоконченном преступлении наказуемыми будут не те этапы, на которых преступление прервано, а что-то иное. Если исходить из того, что приготовление и покушение, о которых говорится в ст. 29 УК РФ, не являются частью процесса развития преступления, то совершенно очевидно, что они не могут быть стадиями этого процесса. Поэтому авторы и прибегают к другим наименованиям стадий преступления в первом значении, чтобы подчеркнуть самостоятельность этого явления.

Следует, конечно, учитывать, что первое понятие шире второго, оно включает не только приготовление и покушение, но и другие стадии. Оно является общим по отношению к особенному — характеристике уголовно наказуемых стадий, если преступление не доведено до конца по причинам, не зависящим от виновного. По мнению автора, второе понятие является производным от первого и не может развиваться самостоятельно, по своим собственным законам.

В чем А. П. Козлов, бесспорно, прав, так это в признании необходимости самостоятельного изучения обоих понятий.

Первой стадией совершения оконченного преступления следует признать возникновение умысла (или намерения, как пишут некоторые авторы). Рассматривая преступление как разновидность поведения человека с присущими ей психофизическими свойствами, профессор Н.Ф. Кузнецова констатирует, что физической активности в виде действия или воздержания от него «всегда предшествует процесс мотивации, определение цели (целеполагания) и принятие решения... Именно с появления намерения совершить преступление начинается антиобщественное поведение лица, возникает так называемый «голый умысел».

Формирование умысла признает первым этапом антиобщественного поведения лица профессор Б.В. Яценко. «Выполнению объективной стороны преступления, — пишет он, — предшествует сознательно волевой процесс моделирования лицом будущего преступного поведения, который именуется формированием умысла».

Поскольку речь идет об умышленном преступлении, т.е. о целенаправленной деятельности человека, совершенно очевидно, что такая деятельность немыслима без зарождения самой идеи, намерения совершить преступление, которое может включать в себя не только постановку цели, но и определение средств ее достижения, выбор способов совершения и сокрытия преступления.

Что касается преступлений, совершенных по небрежности, то попытка выделить в них какие-либо стадии окажется столь же безуспешной. По всей

видимости, при совершении неосторожных преступлений можно говорить не о стадиях преступной деятельности, а о развитии событий, предшествующих совершению преступления.

Вторая стадия — обнаружение умысла — воспринята не всеми авторами одинаково. Многие ученые не признают ее наличия в развитии преступления. Однако следует обратить внимание на аргументацию их возражений. Все они ссылаются на нормы, предусматривающие уголовную ответственность за угрозу. Например, А. В. Наумов утверждает, что состав уголовно наказуемой угрозы вовсе не связан с установлением намерения (умысла) лица совершить угрожаемые действия.

Угроза — способ воздействия на психику потерпевшего, выражающегося в стремлении виновного запугать, заставить потерпевшего изменить образ жизни. По мнению ученого, угроза совершить преступление не может рассматриваться как стадия преступления, поскольку не имеет тенденции дальнейшего развития. Аналогичной позиции придерживается и Н.Ф. Кузнецова. Нельзя признать их точку зрения достаточно обоснованной. К примеру, угроза убийством может быть не только средством для запугивания, но и реализована в конкретных действиях (сначала преступник предупредил жертву о своих намерениях, а потом убил). Разве это не этап в развитии преступной деятельности?

Еще менее убеждают дополнительные аргументы, приведенные Н.Ф. Кузнецовой. Обнаружение умысла, пишет она, не только не является продвижением вперед по сравнению с его возникновением, но и может помешать осуществлению преступного намерения и способствовать разоблачению лица, задумавшего совершить преступление.

Представляется, что стадия обнаружения умысла должна выделяться как самостоятельный этап развития оконченного преступления не только в виде угрозы будущей жертве, но и в случаях, когда виновный рассказывает о своем намерении другим лицам, например друзьям или возможным соучастникам. Кроме того, как справедливо характеризует эту стадию Б.В. Яценко, обнаружение умысла в виде информирования других лиц о желании совершить преступление способствует окончательному сформированию умысла, подтверждает решимость достичь задуманного результата, а затем начинает воплощаться в действиях по созданию условий для совершения преступления. На взгляд автора, такая позиция является правильной.

Специалисты расходятся во мнениях по поводу наименования последующих стадий развития оконченного преступления — приготовления и покушения. Например, как указывалось выше, Н. Ф. Кузнецова предлагает назвать третью стадию подготовительными действиями, а четвертую (по ее мнению, вторую и третью) — выполнением действий, направленных на совершение преступлений, оставив термины «приготовление» и «покушение» для видов неоконченного преступления. Профессор А. П. Козлов стадию приготовления именует этапом создания условий для

исполнения преступления, стадию покушения — исполнением преступления. Еще ранее такое предложение было высказано Н. В. Лясс.

Так или иначе, все авторы признают приготовление и покушение самостоятельными стадиями совершения умышленного преступления и при раскрытии их содержания используют положения закона (ст. 30 УК РФ).

В учебной литературе высказывается мнение, что приготовление к совершению преступления и покушение на него охватываются понятием предварительной преступной деятельности. Некоторые ученые признают условность этого обобщающего термина.

По мнению автора, если рассматривать приготовление и покушение в рамках уголовно-правового института, то применение термина «предварительная преступная деятельность» не кажется обоснованным. Закон фиксирует тот этап совершения преступления, на котором преступная деятельность прервана по обстоятельствам, не зависящим от виновного, и криминализировать его. Иными словами, ст. 30 УК РФ содержит дефиниции, отражающие явление объективной действительности — процесс совершения преступления, который протекает во времени и пространстве.

Как представляется, говорить о предварительной преступной деятельности можно лишь применительно к характеристике процесса совершения преступления, т. е. к описанию стадий в первом значении этого понятия. Каждый этап этого процесса (каждая стадия) предваряет наступление следующего, являясь в большинстве случаев его главной и необходимой причиной.

Возникновение умысла предшествует его обнаружению, обе стадии предваряют приготовительные действия (если они необходимы), приготовительные действия влекут за собой покушение, т.е. действия, непосредственно направленные на объект, которые, в свою очередь, обеспечивают преступный результат в виде полного выполнения всех действий либо наступления общественно опасных последствий.

В ст. 30 УК РФ данная тенденция не отражена, так как за приготовлением к совершению преступления ничего не следует, а покушение на совершение преступления не влечет за собой оконченное преступление. Поэтому автор согласна с профессором А.П. Козловым в том, что понятие «предварительная преступная деятельность» не имеет никакого отношения к неоконченному преступлению и должно рассматриваться при подробной характеристике стадий совершения оконченного преступления.

По нашему мнению, следует также обратить внимание на недостаточную точность определения содержания понятия «предварительная преступная деятельность». Представляется, что таковой следует считать только приготовление. Именно оно предваряет совершение преступления, а покушение есть уже его исполнение. Но внутри этого процесса можно (в некоторых случаях) проследить несколько этапов (стадий) и подэтапов, например при совершении хищения в форме кражи. Закон (примечание 1 к

ст. 158 УК РФ) детально отражает этапы и подэтапы совершения этого преступления:

1) противоправное безвозмездное изъятие с корыстной целью чужого имущества и обращение этого имущества в свою пользу или в пользу других лиц — это характеристика стадии покушения, которая, как видно, включает два подэтапа (оконченное и неоконченное покушение);

2) причинение материального ущерба собственнику или иному владельцу имущества — характеристика стадии оконченого преступления.

Оба описания образуют понятие кражи. Все другие действия, выходящие за рамки законодательного определения преступления, но обязательно предшествующие совершению кражи и создающие условия для ее исполнения, могут считаться предварительной преступной деятельностью.

Верховным судом Республики РД, И. осужден по п. «б» и «к» ч. 2 ст. 105 и ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Он был признан виновным в покушении на кражу и убийстве в связи с осуществлением последней служебной деятельности в целях сокрытия другого преступления. Материалами дела было установлено, что И. в состоянии алкогольного опьянения направился ночью в магазин для совершения кражи спиртного. По дороге он подобрал металлический шестигранный прут, которым, подойдя к магазину, повредил провода и отключил электричество в магазине и здании администрации соседнего предприятия, а затем попытался сломать замок на двери магазина, но был остановлен Н., сторожем административного здания. Преступник нанес ей удары прутом по голове, от чего Н. скончалась.

Действия И., выразившиеся в приискании орудия взлома в виде металлического шестигранного прута и отключении электричества, создающие условия для проникновения в магазин, являются приготовлением к преступлению и могут быть названы предварительной преступной деятельностью. Что касается попытки взлома замка, то эти действия характеризуют уже исполнение кражи, которое включает в себя покушение и оконченое преступление. Последняя стадия в приведенном примере отсутствовала, поскольку И., ударив Н. железным прутом, скрылся, не проникнув в магазин и не причинив материального ущерба, поэтому его действия были квалифицированы судом как покушение.

Оконченное преступление — последняя стадия совершения преступления. В уголовно-правовой литературе этот этап часто связывается с наступлением общественно опасных последствий. Некоторые авторы, как было отмечено выше, даже считают, что все стадии совершения преступления присущи только «материальным преступлениям».

Часть 1 ст. 29 УК РФ, определяя понятие оконченого преступления, констатирует юридические признаки завершенности только в общей форме путем указания на все признаки состава преступления, предусмотренные УК РФ. Однако на практике выявление момента окончания преступления нередко вызывает затруднения, поскольку этот момент в одних случаях может быть растянут во времени (при длящихся и продолжаемых

преступлениях), в других — имеет протяженность в пространстве (в преступлениях с материальными составами по конструкции и сложными по структуре).

Например, бандитизм (ст. 209 УК РФ) признается оконченным для организатора с момента создания банды (ч. 1 ст. 209 УК РФ), но эта стадия является по существу приготовлением к совершению нападений на граждан и организации, что является целью вооруженной банды.

Для некоторых членов банды, например осуществляющих охрану главаря или приискание оружия для будущих нападений, преступление будет оконченным с момента вхождения в банду и выполнения указанных функций (ч. 2 ст. 209 УК РФ). Наконец, преступление будет признано оконченным для других членов банды (а также для иных лиц) с момента их участия в нападениях на граждан и организации. Как видим, момент признания преступления оконченным представляет собой сложный процесс, включающий несколько признаков стадии оконченного преступления.

Суды нередко затрудняются в определении момента окончания преступления, чаще всего при разграничении грабежа и разбоя, покушения на убийство и причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего по признаку опасности для жизни, при определении момента окончания мошенничества. Факты неправильного установления объективных и субъективных признаков покушения влекут необоснованное осуждение лиц. В других случаях ошибочное толкование закона и неверная оценка фактических обстоятельств приводят к ошибочной квалификации действий виновного.

Выявление момента окончания преступления нередко вызывает затруднения, поскольку этот момент при длящихся и продолжаемых преступлениях может быть растянут во времени, а в преступлениях с материальными составами по конструкции и сложными по структуре имеет протяженность в пространстве.

Приговором Избербашского городского суда П. осужден по ч. 3 ст. 30 п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ. Он был признан виновным в покушении на разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Как было установлено, П., вступив в предварительный сговор с М., Д. и З., планировал совершение нападения на квартиру своего знакомого С. с целью завладения его денежными средствами, поскольку С., по информации П., занимался продажей валюты и постоянно имел дома крупные суммы денег. По разработанному плану П. указал квартиру С. и остался внизу у подъезда дома для наблюдения за обстановкой. Д. позвонил в квартиру С. и попросил, сославшись на П., обменять доллары США. С., открывая замки железной двери, в глазок увидел, что один из преступников надевает маску, и стал кричать, что вызовет милицию. Испугавшись, все участники преступления, включая П., убежали. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного

Суда РД приговор оставила без изменений. Первый заместитель Председателя Верховного Суда РД в протесте поставил вопрос о переквалификации действий П. с ч. 3 ст. 30 на ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30 УК РФ, т. е. не признал П. участником группы по предварительному сговору, а посчитал его пособником, оставив в остальной части ошибочную квалификацию.

Не останавливаясь на обоснованиях переквалификации действий П., которые тоже не выглядят убедительными, следует обратить внимание на определение понятия разбоя. Согласно ст. 162 УК РФ разбой есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Объективная сторона данного преступления характеризуется в законе как нападение, соединенное с насилием (способ совершения преступления) либо с угрозой насилия.

По конструкции состав преступления усеченный (или формальный, как он определяется в большинстве учебников), поэтому преступление признается оконченным с момента выполнения действия указанным способом. Такая формулировка понятия разбоя исключает стадию покушения на совершение преступления, поскольку частично выполнить нападение нельзя, на что неоднократно обращал внимание Верховный Суд РФ в постановлениях от 22.03.66 № 31, от 05.09.86 № 11, от 27.12.2002 № 29: «Разбой считается оконченным с момента нападения в целях хищения чужого имущества...».

Как видно из материалов уголовного дела, действия преступников нельзя квалифицировать как оконченное преступление, поскольку они не были направлены непосредственно на объект: преступники не пытались взломать дверь, не применяли насилие к потерпевшему и не угрожали ему. Действия соучастников заключались в предварительном сговоре на совершение разбоя, в разработке конкретного плана, в распределении ролей между участниками группы, прибытии к месту преступления и попытке обманном путем проникнуть в квартиру С., что создавало условия для совершения преступления. Такие действия могут быть признаны только подготовлением к преступлению.

Таким образом, стадии совершения преступления можно определить как этапы развития преступления, которые отличаются друг от друга по объективным признакам, т. е. по характеру совершаемых действий (бездействия), имеющих различную степень общественной опасности и свидетельствующих о степени реализации умысла виновного.

Конечно, при исследовании данной проблемы нужно исходить из двух значений понятия стадий совершения преступления и из их неразрывной связи. Первое понятие относится к стадиям развития оконченного преступления. Оно важно для учета степени общественной опасности разных этапов совершаемого преступления и определения момента, с которого преступление следует считать оконченным (в виде выполненного деяния или

наступления общественно опасных последствий). Второе — для решения вопроса об установлении уголовной ответственности в тех случаях, когда преступная деятельность прервана на каком-то этапе по причинам, не зависящим от виновного, и совершенное лицом деяние не содержит всех признаков состава преступления. Первое понятие — теоретическое, но имеет большое уголовно-правовое значение как для законодателя при определении круга общественно опасных деяний, признаваемых преступлениями, так и для судов при рассмотрении конкретных уголовных дел.

Второе понятие стадий содержится в ст. 29 и 30 УК РФ (хотя без употребления этого термина). Приготовление и покушение как имеющие значительную общественную опасность и наиболее приближенные (в отличие от возникновения умысла и его обнаружения) к стадии оконченного преступления, определяются законом в качестве наказуемых стадий неоконченного преступления. Это понятие необходимо судам для правильной квалификации деяния, если нет признаков оконченного преступления, а противоправная деятельность была прервана по причинам, не зависящим от виновного. Поэтому использование термина «стадии совершения преступления» применительно к анализу содержания ст. 29 и 30 УК РФ представляется вполне обоснованным и правильным.

Выполнение требования закона о всестороннем, полном и объективном исследовании судом всех обстоятельств дела (ст. 73 УПК РФ) включает установление не только признаков оконченного преступления, но и предварительной преступной деятельности, а также точное определение вида стадий неоконченного преступления, что будет способствовать реализации конституционного принципа законности и соблюдению прав и свобод человека и гражданина.

Вопрос 2. Понятие приготовления. Особенности выявления в процессе квалификации отдельных форм приготовительных действий (ПК-5)

Первые две стадии (приготовление и покушение) составляют так называемое неоконченное преступление; их называют еще предварительной преступной деятельностью. Приготовление и покушение совершаются до окончания преступления и для его осуществления. Выделять данные стадии необходимо для правильной правовой оценки совершенного преступления, его квалификации, а также для индивидуализации уголовной ответственности.

Существуют два вида неоконченных преступлений — прерванное по независящим от лица обстоятельствам и добровольно не оконченное (оставленное).

В уголовно-правовой доктрине относительно содержания приготовления к преступлению существовало множество точек зрения. Оно то признавалось «отдаленным покушением», то включалось в обнаружение

умысла. В частности, в дореволюционном уголовном праве (ст.7 Уложения 1845 г.) приготовлением признавалось лишь приискание и приспособление средств для совершения преступления. Остальные виды приготовительных действий, не связанные с орудиями и средствами совершения преступления, относились к обнаружению умысла. В этом есть рациональное зерно. Ведь покушение, независимо от степени его отдаленности от преступления, отличается от самого близкого к совершению преступления подготовительного действия тем, что все приготовительные действия совершаются до начала исполнения состава преступления, его объективной стороны. Они лишь предваряют, создают условия для совершения преступления. Что касается обнаружения умысла, то, как уже отмечалось, оно стадией преступления не является.

Практический аспект приготовления к преступлению сводится к следующему: объем криминализации приготовления к преступлению; пределы наказуемости приготовления; отличие его от покушения.

Приготовление к преступлению определено в ч. 1 ст. 30 УК РФ, согласно которой «приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам». В соответствии с ч. 2 этой статьи «уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям». Проблемы ответственности за приготовление к преступлению были предметом отдельных специальных исследований применительно к ранее действовавшему отечественному уголовному законодательству. Положения, обобщения и выводы, содержащиеся в соответствующих научных трудах, в целом приемлемы и для решения вопросов об ответственности за приготовление к преступлению по действующему УК РФ.

Для обеспечения точной квалификации неоконченных преступлений имеет значение определение, во-первых, приготовления к преступлению в целом, во-вторых, момента его окончания в отличие от обнаружения умысла, то есть отличия приготовления к преступлению от так называемого «голового» умысла, в-третьих, его отличия от покушения на преступление и от оконченного преступления, в-четвертых, каждого из действий, образующих приготовление к преступлению, в-пятых, моментов окончания их и, в-шестых, их отличия от покушения на преступление и от оконченного преступления.

В теории отечественного уголовного права приготовление к преступлению определяется как «такое уголовно наказуемое деяние, при котором начатая умышленная преступная деятельность, достигнув стадии создания условий для совершения преступления, прерывается затем до

начала исполнения самого преступления по не зависящим от лица обстоятельствам».

На основе ч. 1 и 2 ст. 30 УК РФ и цитированного определения необходимо признать, что приготовление к преступлению — это умышленное создание условий для совершения конкретного тяжкого или особо тяжкого преступления, не доведенное до покушения на преступление и (или) оконченного преступления по обстоятельствам, не зависящим от виновного.

Момент окончания приготовления к преступлению, представляющий собой начальную границу приготовления, обусловлен, с одной стороны, частичной реализацией умысла, состоящей в создании условий для совершения конкретного тяжкого или особо тяжкого преступления, и, с другой — присущностью созданию таких условий степени общественной опасности, исключающей малозначительность деяния.

Реализация умысла — это его воплощение в деянии — действии или бездействии, облечение его в форму действия или бездействия. Частичной данная реализация является потому, что умысел реализуется не полностью, то есть не в оконченном преступлении, а лишь в определенной начальной части, выражающейся в создании условий для совершения этого преступления.

Причем необходимо, чтобы создание условий для совершения преступления само по себе характеризовалось общественной опасностью. Степень общественной опасности определяется в результате анализа и оценки как конкретных действий, в которых согласно закону проявляется или может проявляться создание условий для совершения преступления, так и фактических обстоятельств содеянного. Под созданием условий для совершения преступления следует понимать завершение такого создания как результат, а не как начатый, но не заверченный процесс.

В юридической литературе справедливо отмечается, что «при приготовлении совершенные лицом действия предшествуют исполнению преступления и не входят в число обязательных элементов объективной стороны преступления». Основываясь на данном положении, приготовительными к преступлению следует признать действия или бездействие, которые, с одной стороны, не описаны в диспозиции статьи Особенной части УК РФ в качестве признаков состава соответствующего оконченного преступления и, с другой — предшествуют как оконченному преступлению, так и покушению на преступление, то есть имеют своей конечной границей начало оконченного преступления, когда отсутствует покушение на преступление, либо при наличии последнего — начало покушения на преступление.

Приведенные общие положения о приготовлении к преступлению в целом представляют собой основу для определения конкретных действий или бездействия, составляющих приготовление, моментов окончания

каждого из них и их отличия от покушения на преступление и от оконченного преступления.

Приискание средств или орудий совершения преступления как завершённый процесс, то есть как результат, это их приобретение любым способом, в частности, путем покупки, получения во временное пользование, хищения и т.д.

Моментом окончания приискания является момент приобретения средств или орудий совершения преступления, то есть момент, с которого лицо обладает реальной возможностью пользоваться и распоряжаться этими предметами. Приискание отличается от покушения на преступление и от оконченного преступления тем, что приобретенные средства и орудия не используются на последующих названных стадиях совершения преступления.

Изготовление средств или орудий совершения преступления — это создание таких предметов промышленным или кустарным способом. Момент окончания изготовления совпадает с моментом завершения создания названных средств или орудий. Отличие названного изготовления от покушения на преступление и от оконченного преступления аналогично отличию от этих стадий приискания указанных средств или орудий.

Приспособление средств или орудий совершения преступления представляет собой внесение лицом изменений, на наш взгляд, существенных, в имеющиеся у него предметы, «то есть приведение их в такое состояние, которое сделало возможным или облегчило бы их использование в процессе выполнения преступления» 119. Оконченным приспособление является с момента приведения средств или орудий в указанное состояние. Отличие приспособления от покушения на преступление и от оконченного преступления идентично отличию от названных стадий приискания и изготовления средств или орудий совершения преступления.

Кроме того, разновидностью приготовления является приискание соучастников, т.е. вербовка исполнителей и пособников для последующего совершения преступления.

Так, О. предложил К. и Ю. совершить разбойное нападение на водителя автомашины с применением оружия, пообещав обоим материальное вознаграждение и передав К. обрез и боевые патроны. Согласно разработанному О. плану Ю. должен был остановить автомобиль, а К., угрожая оружием, потребовать от водителя выйти из машины, после чего передать автомобиль О. Однако данное преступление не удалось довести до конца, поскольку автомашина, в которой находились К. и Ю., была задержана работниками ГАИ.

В качестве вида приготовления к преступлению закон называет наличие сговора на совершение преступления, под которым понимается достижение предварительной договоренности как минимум между двумя лицами о последующем совершении преступления. Форма такой

договоренности (словесная, письменная, телекоммуникационная и пр.) юридической роли не играет.

Перечень видов приготовления в законе не является исчерпывающим, так как под таковым может пониматься любое иное создание условий, облегчающих совершение преступления. Так, известен случай, когда сообщение о заложенной в дом бомбе повлекло эвакуацию жильцов, чем облегчило совершение виновным задуманной кражи. Такие действия, выразившиеся в создании обстановки совершения преступления, были расценены не как заведомо ложное сообщение об акте терроризма, а как приготовление к хищению.

Наконец, надо отметить, что приготовительная деятельность виновного может сочетать в себе несколько различных действий по облегчению совершения задуманного преступления. Так, в соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 17 января 1997 г., «О практике применения законодательства об ответственности за бандитизм» создание вооруженной банды (ч. 1 ст. 209 УК РФ) может быть выражено в форме сговора или приискания соучастников и является окончанным составом преступления независимо от того, были ли совершены планировавшиеся ею преступления.

Приготовление к преступлению налицо только тогда, когда развитие преступной деятельности завершилось именно на данной стадии, притом по обстоятельствам, не зависящим от виновного. Если приготовление к преступлению переросло в покушение на преступление или оконченное преступление, то оно поглощается последними и содеянное квалифицируется соответственно как покушение на преступление либо оконченное преступление.

Вопрос 3. Покушение на преступление и его виды. Значение формулировки признаков объективной и субъективной стороны для квалификации преступления как неоконченного(ПК-5)

В соответствии с законодательным определением (ч. 3 ст. 30 УК) «покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам».

Б.В. Здравомыслов полагает, что «законодательная формула покушения в новом Уголовном кодексе почти никаких изменений по отношению к УК 1960 г. не претерпела». Единственным изменением, по его мнению, является то, что УК РФ 1996 г. наряду с действием при покушении признает бездействие.

Такой подход не вполне корректен, так как законодатель внес несколько изменений в формулу покушения: во-первых, покушение в законе

впервые названо неоконченным преступлением; во-вторых, покушением на преступление признается не только действие, но и бездействие, непосредственно направленное на преступление; в-третьих, вместо причин, не зависящих от воли лица, указаны не зависящие от лица обстоятельства, в силу которых преступление не доводится до конца; в-четвертых, изменены правила назначения наказания.

В юридической литературе покушением признается выполнение состава преступления», «выполнение объективной стороны посягательства», «осуществление действий (бездействия), входящих в объективную сторону преступления» либо «выполнение действий, непосредственно направленных на совершение преступления».

Американский ученый Дж. Флетчер полагает, что покушение вытекает из понятия оконченного преступления и считает его производным от оконченного преступления. Эту точку зрения поддерживает А.В. Наумов и называет покушение на соответствующее преступление «неоконченной разновидностью». По Дж. Флетчеру, покушение - это акт в продвижении преступного умысла, который не реализуется. Сердцевиной состава покушения он называет умысел. Теоретик английского права Э. Дженкс считает покушение «умыслом, выразившимся в действии», то есть не отделяет приготовление от покушения, а лишь фиксирует внимание на том, что покушение выражается в действии.

В современной отечественной литературе высказываются аналогичные взгляды на признаки покушения. К признакам покушения относят: 1) действие (бездействие), непосредственно направленное на совершение преступления; 2) прерванность совершенного преступления и 3) обусловленность прерванности преступного деяния обстоятельствами, не зависящими от виновного. Отдельные авторы указывают субъективный признак покушения - прямой умысел.

Хотя УК РФ 1996 г. не предусматривает деление покушения на виды, в теории уголовного права на протяжении более столетия речь идет об оконченном и неоконченном покушении, а также покушении на негодный объект и с негодными средствами.

Среди криминалистов нет единства взглядов на критерий деления покушения на оконченное и неоконченное. Одни авторы (Э.Ф. Побегайло, В.П. Кашепов) за основу берут субъективный критерий, другие (Р.Л. Габдрахманов, В.И.Ветров) объективный, третьи (Б.В. Здравомыслов, Г.В. Назаренко) пишут о необходимости сочетания объективного и субъективного критериев.

Согласно первому подходу вид покушения определяется в зависимости от степени реализации преступного умысла. Сторонники объективного критерия полагают, что покушение будет оконченным или неоконченным в зависимости от фактической завершенности действий, указанных в диспозиции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Ученые, берущие за основу смешанный критерий, утверждают, что необходимо

совпадение фактической завершенности действий и оценки степени реализации умысла. Деление покушения на оконченное и неоконченное ранее и в настоящее время критикует профессор Н.Ф. Кузнецова. Она считает выделение видов покушения необоснованным, поскольку любое покушение «прерывается дальше или ближе к последствиям преступления помимо воли субъекта».

На наш взгляд, деление покушения на виды имеет практическое значение в связи с тем, что применение норм о добровольном отказе возможно только при неоконченном покушении и приготовлении к преступлению. Вместе с тем следует отметить, что более целесообразно различать два вида покушения: 1) покушение, не достигшее преступного результата; 2) покушение с иным преступным результатом.

Так, например, Л. был признан виновным в совершении преступления предусмотренного ст. 30 ч. 3 и ст. 105 ч. 1 УК РФ. Л. узнав, что его сожительница Ч. выехавшая в соседнее село на осенние сельхозработы, ведет там себя непристойно, в присутствии двух женщин заявил, что убьет ее. На следующий день он с ружьем пришел в село, где жила Ч. Увидев ее идущей с поля, Л. с расстояния 4 м произвел прицельный выстрел, но не причинил вреда ее здоровью, так как дробинок застряли в телогрейке. При задержании он заявил, что намерения убить Ч. у него не было, он только хотел "попугать" ее.

Безрезультатному покушению соответствует неоконченное покушение, а покушению с иным результатом, соответствует так называемое оконченное покушение.

Так, например, К., желая отомстить бывшему сожителю за уход к другой женщине, плеснула ему в лицо концентрированной серной кислотой. Потерпевший успел уклониться, кислота прожгла ему только одежду. Суд признал К. виновной в покушении на причинение тяжкого вреда здоровью.

Дифференциация покушения на оконченное и неоконченное менее удачна, так как любое покушение - разновидность неоконченного преступления.

Большинство ученых под оконченным покушением понимают совершение всех действий, необходимых для реализации преступного умысла.

В теории и на практике кроме оконченного (завершенного) и неоконченного (незавершенного) покушения выделяют два вида негодных покушений: покушение на негодный объект и покушение с негодными средствами. При покушении на негодный объект лицо, совершившее посягательство, ошибочно оценивает свойства «потерпевшего» либо предмета преступления, например стреляет в труп, ошибочно принятый за спящего человека, либо похищает вместо наркотических средств иные лекарственные препараты. При покушении с негодными средствами субъект преступления ошибочно использует орудия и средства, неспособные вызвать

желаемый результат, например с целью лишения жизни стреляет в потерпевшего из неисправного оружия.

Ряд авторов отрицает возможность покушения на негодный объект. По мнению Н.Ф. Кузнецовой, выражение «покушение на негодный объект» - ошибочно, поскольку «объект правоохраны всегда пригоден для посягательства».

Во всех случаях покушения на негодный объект, как полагает указанный автор, имеет место фактическая ошибка лица относительно свойств предмета посягательства. Фактическую ошибку допускает и лицо, которое пытается достичь преступного результата с помощью негодных средств. Ранее аналогичную точку зрения высказывал В.А. Якушин, который полагал, что считать покушение на негодный объект ошибкой в объекте нельзя, так как ошибка относительно свойств вещи не есть ошибка в объекте. Д.А. Аминов наглядно, посредством схем, относит покушение на негодный объект и с негодными средствами к разряду фактических ошибок.

По нашему мнению, имеет смысл выделять не только ошибку в предмете посягательства, но и в объекте, так как лицо, посягающее на чужую жизнь, стреляя в труп, совершает ошибку именно в объекте, полагая, что посягает на жизнь человека. В данном случае такой объект отсутствует, и посягательство на несуществующий объект представляет собой ошибку в объекте, а не в свойствах предмета. Ошибка в объекте и в предмете имеет принципиальную разницу. Лицо, похитившее вместо наркотических средств другие лекарственные препараты, совершает ошибку в предмете. Эта ошибка квалифицируется как покушение на хищение наркотиков, так как объектом этого покушения выступает общественная безопасность.

На наш взгляд, следует сохранить и развивать дальше концепцию негодного покушения. Представляется, что в негодном покушении можно выделить фактический и юридический признаки. Фактический признак характеризует совершенное деяние как неудавшееся, а юридический признак дает возможность отнести покушение к наказуемому либо ненаказуемому деянию. Такой подход позволяет обосновать наказуемость покушения с относительно негодными средствами и ненаказуемость покушения с абсолютно негодными средствами «магического» ряда, свидетельствующими о невежестве субъекта преступления или его суеверии.

Сложным моментом в концепции неоконченного преступления является отграничение приготовления от покушения. Дж. Флетчер считает, что между приготовлением и покушением не существует четкой грани. Для отграничения данных видов неоконченных преступлений, как полагает А.В. Наумов, «необходимо установить, является ли совершенное деяние частью объективной стороны готовящегося или совершаемого преступления». Такой подход позволяет сделать вывод о том, что одни и те же действия могут быть как покушением на преступление, так и приготовлением к преступлению.

Отличительным признаком, отграничивающим приготовление от покушения, многие авторы считают «наличие реальной угрозы причинения

вреда» либо «постановку объекта уголовно-правовой охраны в непосредственную опасность».

На наш взгляд, это ненадежные критерии, так как приговорительные действия, как и покушение, создают реальную угрозу причинения вреда и ставят объект уголовно-правовой охраны в непосредственную опасность. Разграничительными критериями следует считать признаки объективной и субъективной стороны данных видов неоконченных преступлений. Сопоставление этих признаков позволяет правоприменителю установить подлинный характер совершенного деяния и отнести его к приготовлению либо к покушению.

В современной уголовно-правовой литературе существуют две точки зрения на отграничение покушения от оконченного преступления: одни авторы проводят разграничение по объективной стороне, другие - по субъективной. Согласно первому взгляду покушение отличается от оконченного преступления незавершенностью деяния. Сторонники субъективного подхода характерной особенностью покушения, отличающей его от оконченного преступления, считают неполную реализацию умысла.

Дж. Флетчер отмечает, что в доктрине уголовного права доводы теоретиков относительно умысла не доведены до логического конца. Важность этого обстоятельства состоит в том, что умысел является необходимым условием квалификации покушения как самостоятельного состава. Авторы современных концепций уголовного права приходят к выводу: «Чтобы быть обвиненным в покушении, нужно реально попытаться причинить запрещенный законом вред».

Исходя из этого, они полагают, что «лицо не покушается на убийство, изнасилование, уничтожение имущества, причинение вреда здоровью, если они возникают как побочные последствия. Лицо покушается на совершение этих преступлений только тогда, когда его поведение направлено на достижение данных целей».

Представляется, что отличие покушения от оконченного преступления следует проводить по смешанному критерию, который учитывает объективную и субъективную стороны состава преступления: во-первых, степень реализации преступного умысла; во-вторых, в преступлениях с материальным составом - ненаступлении преступного результата, а в преступлениях с формальным составом - недоведение действий, предусмотренных диспозицией статьи Особенной части УК РФ, до конца.

Отграничение покушения от оконченного преступления оказывает влияние на квалификацию преступных действий. Ряд авторов (О.Ф. Шишов, В.Д. Иванов) полагают, что в случае покушения, которое содержит в себе состав оконченного преступления, имеет место идеальная совокупность преступлений, которая включает в себя самостоятельные преступления: приготовление, посягающее на один объект, и покушение, посягающее на другой объект.

Например, в случае поджога дома с целью убийства совершенное деяние квалифицируется по двум статьям: как умышленное уничтожение имущества и покушение на убийство, если жертве удастся спастись. На самом деле, в таких случаях имеет место квалификационная совокупность. Из приведенного примера видно, что совершается всего лишь одно преступление, но поскольку оно создает угрозу причинения более серьезного вреда, такое действие по направленности умысла квалифицируется как покушение. При идеальной совокупности в отличие от квалификационной одно действие причиняет ущерб двум разным объектам, например лицо поджигает дом и в нем гибнут люди. При квалификационной совокупности реальный ущерб причиняется только одному объекту, второй объект ставится в положение, которое может ему причинить вред в случае доведения преступления до конца, то есть в случае полной реализации умысла.

На основании изложенного можно прийти к следующим выводам.

1. Покушение - это неудавшееся преступление, которое отличают два вида обстоятельств, влияющих на недоведение преступления до конца: объективные и субъективные. К первому виду обстоятельств можно отнести появление непреодолимых препятствий, сопротивление или бегство потерпевшего, пресечение преступления, а к субъективным - физическое бессилие посягающего, алкогольный сон и другие обстоятельства, свидетельствующие о неспособности довести преступление до конца.

2. Отрицание негодного покушения является неоправданным, обедняющим теорию уголовного права и практику применения норм о неоконченном преступлении. Развитие концепции негодного покушения за счет выделения фактических и юридических признаков негодного покушения дает возможность определить, в каких случаях негодное покушение наказуемо.

При отграничении неоконченной преступной деятельности в стадии покушения от оконченного преступления следует помнить, что оконченное преступление содержит в себе все признаки, указанные в соответствующей статье УК.

При покушении всегда “недостает” каких-то элементов объективной стороны, в первую очередь конечно, вредных последствий. При этом речь идет об отсутствии таких вредных последствий, которые указаны в диспозиции закона в качестве необходимого признака состава оконченного преступления данного вида.

Так, например, состав оконченного преступления - убийство - предполагает наступление смерти потерпевшего. Если же в результате общественно опасных действий виновного, направленных на убийство человека, такого рода результат не наступил, имеет место неоконченная преступная деятельность. В этом случае преступление - убийство - квалифицируется в качестве неоконченного преступления, даже если наступили какие-либо иные вредные последствия, например, причинены телесные повреждения потерпевшему.

Например, А., по мотивам ревности намеревался убить свою бывшую жену В., с этой целью он зарядил ружье, пришел в дом, где проживала В., и произвел в нее с близкого расстояния выстрел из ружья. Потерпевшей были причинены тяжкие телесные повреждения. Действия А., были направлены на убийство В., однако задуманный преступником результат не наступил по причинам, не зависящим от воли виновного. Налицо неоконченное преступление- покушение на убийство, которое должно квалифицироваться по ст.30 и ст. 105 УК РФ.

Возникает вопрос: в связи с тем, что потерпевшей В., были причинены тяжкие телесные повреждения, не следует ли в этом случае одновременно применить ст. 111 УК РФ (умышленные тяжкие телесные повреждения)? Теория уголовного права и судебная практика на этот вопрос отвечают отрицательно. Квалификация содеянного в качестве покушения охватывает как те случаи, когда полностью отсутствуют какие-либо вредные последствия, так и те случаи, когда виновный причинил вредные последствия, но меньшей тяжести по сравнению с задуманными.

Это правило распространяется, однако, лишь на те случаи, когда причиняются вредные последствия меньшей тяжести, но все же однотипные, однородные по сравнению с теми, которые намеревался причинить виновный. Иными словами, вред в этих случаях наносится намеченному объекту посягательства, а не каким-либо иным правоохраняемым благам. Если же при покушении на тот или иной объект в действительности пострадал какой-либо иной право-охраняемый объект, то при квалификации содеянного необходимо отразить такого рода “отклонение действия”.

При квалификации неоконченной преступной деятельности следует иметь в виду, что покушение наказуемо главным образом в силу того, что оно ставит в опасность, создаёт угрозу причинения вреда правоохраняемому объекту.

Так, например, покушение на убийство — это такое поведение субъекта, при котором создается опасность для жизни другого человека. Следовательно, при неоконченной преступной деятельности объектом посягательства являются те же общественные отношения, что и при соответствующем оконченом преступлении. При квалификации это обстоятельство находит свое отражение в применении ст.30 УК РФ. Так по обвинению Юсупова Н., было установлено что он для себя приобрел, хранил и перевозил боеприпасы, а через месяц решил их сбыть, но был при попытке реализации задержан. Действия Юсупова были квалифицированы по ч.1. ст. 222 и ч.3. ст.30, ч.1. ст. 222 УК РФ.

При осуществлении уголовно-правовой квалификации покушения определение неоконченного преступления должно производиться применительно и исходя из конструкции этого деяния в статьях Особенной части уголовного кодекса. Законодатель сам по своему усмотрению определяет тот минимум действия и тот объем вредных последствий, при наступлении которых деяние признается оконченом преступлением.

Определение момента юридического окончания преступного деяния - важный элемент законодательной техники, обеспечивающий наибольшую эффективность уголовно-правовой нормы. В судебной практике этому вопросу придается первостепенное значение.

Как русскими, так и советскими юристами высказывалась мысль о том, что покушение на преступление возможно не только с прямым, но и косвенным умыслом.

Квалификация неоконченных преступлений, имеющих простой состав, на практике не вызывает особых трудностей: при наличии прямого умысла на совершение конкретного преступления ответственность наступает не за фактически совершенные действия, а в соответствии с направленностью умысла за действия, охватываемые намерением виновного (в преступлениях с формальным составом), либо за последствия, причинить которые входило в планы субъекта. Однако квалификация неоконченных преступлений с отягчающими обстоятельствами связана с решением ряда проблем, касающихся субъективной стороны преступления.

Одной из таких проблем является обоснование вменения квалифицирующих признаков, относящихся к объекту посягательства (например, несовершеннолетний или малолетний возраст потерпевшей при изнасиловании либо беременность потерпевшей при убийстве). Общим решением данной проблемы должна быть квалификация неоконченного преступления в соответствии с направленностью умысла виновного. Если его сознанием охватывается квалифицирующее обстоятельство, предусмотренное законом, то ответственность должна наступать за покушение на преступление (или за приготовление к нему) с этим отягчающим обстоятельством. И наоборот, если обстоятельство, отягчающее наказание, не охватывалось умыслом виновного, его деяние следует квалифицировать как покушение на преступление (приготовление к преступлению) без квалифицирующего признака.

В этом плане представляется сомнительной позиция президиума Челябинского областного суда по делу Л. Последний был осужден по ст. 15 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 и п. «д» ч. 2 ст. 131 УК РФ) за преступление, совершенное при следующих обстоятельствах. Придя в нетрезвом состоянии в квартиру В., он с целью совершения полового акта стал приставать к ней, душил и угрожал убийством, а когда потерпевшая пыталась убежать, оттаскивал ее от входной двери. На крики пришла соседка, поэтому Л. не смог осуществить свой замысел. Квалификацию по ч. 3 ст. 117 УК народный суд обосновал тем, что потерпевшая, «оказывая сопротивление, сказала Л., что ей 17 лет, следовательно, умыслом виновного охватываюсь изнасилование именно несовершеннолетней. Изменяя приговор, президиум областного суда признал, что потерпевшая действительно намеренно скрыла от Л. свой настоящий возраст, полагая, что осужденный прекратит свои преступные действия, узнав о ее несовершеннолетии. «Однако, — указал президиум, — эти обстоятельства

никак не влияют на то, что фактически осужденным было совершено преступление в отношении совершеннолетней», поэтому «его действия следует квалифицировать по ст. 15 и ч. 2 ст. 117 УК РСФСР» (ч. 3 ст. 30 и п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ).

Представляется, что вывод суда противоречит принципу субъективного вменения, в соответствии с которым квалификация преступлений определяется содержанием и направленностью умысла виновных. Поэтому более обоснованной является оценка описанного преступления, данная в приговоре народного суда.

В соответствии с направленностью умысла должны вменяться и квалифицирующие признаки неоконченного преступления, относящиеся к объективной стороне преступления. Одним из них может служить размер причиненного вреда. Если при неоконченном преступлении общественно опасные последствия, охватываемые умыслом виновного, не наступили, то деяние квалифицируется как покушение (либо приготовление) на причинение именно тех последствий, которые охватывались умыслом виновного. Так, Л. был обоснованно осужден за покушение на хищение государственного имущества в особо крупных размерах (ст. 15 и ст. 93 УК РСФСР).

Присутствуя в бухгалтерии совхоза «Белоусовский» во время выдачи зарплаты, Л. видел содержимое сейфа и знал, что заработная плата выдана не всем отделениям совхоза, поэтому примерно половину поступившей из банка суммы в 48 тыс. руб. (в ценах 1961 г.) кассир совхоза П. оставила на ночь в сейфе. Решив совершить кражу совхозных денег в особо крупных размерах, Л. разбил стекло в окне бухгалтерии, проник гудом и с помощью гвоздодера в течение часа пытался взломать замок сейфа. Однако ему удалось только отогнуть левый угол верхней части двери сейфа. Поняв, что открыть его не удастся, он скрылся с места преступления, не доведя свой замысел до конца по причинам, не зависящим от его воли. Л. был осужден по ст. 15 и ст. 93 УК РСФСР за покушение на хищение в особо крупных размерах в полном соответствии с направленностью умысла, а доводы адвоката о добровольном отказе от доведения преступления до конца со стороны подсудимого были отвергнуты.

Аналогичным должен быть подход к квалификации неоконченных преступлений, в которых квалифицирующее значение по закону придается крупному или особо крупному размеру преступного дохода.

Однако следует различать преступления, в которых крупный размер преступного дохода составляет цель деяния (п. «б» ч. 3 ст. 162, п. «б» ч. 3 ст. 163 УК), то есть характеризует субъективную сторону, и преступления, при законодательном описании которых крупный (особо крупный) размер преступного дохода включен в число признаков объективной стороны.

В первом случае деяние является оконченным преступлением независимо от того, была ли достигнута указанная цель. А во втором случае квалификация преступления как оконченного предполагает, что доход в

крупном (особо крупном) размере был реально получен как результат преступного деяния. Если деяние было пресечено и планируемый доход реально не был получен либо не является крупным (особо крупным), то квалификация определяется направленностью умысла и должна осуществляться с учетом квалифицирующего признака, даже если фактически совершенные действия содержат состав оконченного преступления без рассматриваемогоотягчающего обстоятельства.

С одной стороны, в последнем случае налицо все признаки состава оконченного преступления, но с другой стороны, квалифицирующее обстоятельство, охватываемое умыслом виновного, фактически отсутствует. Поскольку это квалифицирующее обстоятельство оказывает решающее влияние на степень общественной опасности преступления, деяние должно квалифицироваться как покушение на преступление с этим квалифицирующим признаком. Например, если сумма вложенных средств и размах незаконной предпринимательской деятельности явно свидетельствуют о намерении извлечь сверхдоходы, которые в законе определены как особо крупный размер, деяние должно квалифицироваться по ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 2 ст. 171 УК как покушение на незаконное предпринимательство, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере, и в случае, когда доход еще вообще не получен, и в случае, когда полученный доход уже является крупным, но еще не достиг особо крупного размера.

В российской науке уголовного права нет единства мнений о том, как следует квалифицировать разбойное нападение, если умыслом виновного охватывалось определенное квалифицирующее обстоятельство, которое на самом деле отсутствует. Преобладает мнение, что такие деяния следует квалифицировать как оконченный разбой при отягчающих обстоятельствах, поскольку специфическая конструкция состава этого преступления исключает стадию покушения на разбой, ибо он признается оконченным преступлением уже с самого первого акта, образующего нападение. Но есть и другая точка зрения.

Так, Г. А. Кригер писал: «Возможны случаи, когда преступник, совершая разбойное нападение и имея прямой умысел на причинение тяжких телесных повреждений, фактически причиняет менее опасные повреждения. Действия виновного в таких случаях следует квалифицировать как покушение на разбой, совершенное при отягчающих обстоятельствах». Подобную же позицию занимает и Л. Д. Гаухман, по мнению которого, «покушение на причинение тяжкого телесного повреждения, осуществленное при разбойном нападении, когда желаемые преступником последствия не наступили, представляет покушение на разбой при отягчающих обстоятельствах и должно квалифицироваться по ст. 15 и п. «в» ч. 2 ст. 91 или п. «в» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР», а «предложение организатора, руководителя или иного представителя одной организованной группы, адресованное к представителю, в частности организатору или руководителю,

другой организованной группы, создать объединение организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов и условий для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, когда адресат не дал на это своего согласия» следует квалифицировать как покушение на создание преступного сообщества.

Точки зрения названных ученых и их сторонников представляются логически обоснованными. Ведь усиление ответственности, например, за разбой связано именно с реальным наступлением последствий в виде тяжкого вреда здоровью, поэтому их фактическое отсутствие исключает квалификацию разбоя как связанного с причинением такого вреда.

Однако нельзя квалифицировать деяние и без учета того, что субъект намеревался причинить тяжкий вред здоровью, поскольку данное квалифицирующее обстоятельство охватывалось его умыслом. В такой ситуации имеется состав оконченного преступления, но без отягчающих обстоятельств (если, разумеется, отсутствуют другие квалифицирующие признаки). Что касается состава квалифицированного разбоя по признаку наступления последствий в виде тяжкого вреда здоровью, то он, как состав именно оконченного преступления, отсутствует. Следовательно, такое деяние должно квалифицироваться как покушение на разбой, сопряженный с причинением тяжкого вреда здоровью.

Аналогичным должен быть подход к квалификации разбойного нападения с применением оружия, не обладающего поражающими свойствами, о чем не было известно субъекту преступления. Такое деяние неправильно было бы квалифицировать как разбой без отягчающих обстоятельств, поскольку субъективно лицо совершало преступление повышенной общественной опасности. Но нельзя квалифицировать его и как оконченное преступление при отягчающих обстоятельствах, раз применяемые предметы объективно не могли причинить людям вреда (если, конечно, виновный не собирался использовать их для нанесения ударов). Следовательно, такое разбойное нападение нужно рассматривать как покушение на разбой с применением оружия, то есть по ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 162 УК.

По аналогии с вопросом о возможности покушения на совершение разбоя при отягчающих обстоятельствах целесообразно рассмотреть вопрос о принципиальной возможности покушения на совершение преступлений с усеченным составом, не имеющим квалифицирующих признаков.

В теории уголовного права практически общепризнано, что посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК), на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК), и на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК) означает убийство либо покушение на убийство указанных лиц. Из этого вытекает, что преступление признается оконченным с момента совершения действий, непосредственно направленных на лишение потерпевшего жизни, следовательно, стадия покушения на эти преступления

невозможна. Это верно во всех случаях, когда сознание виновного правильно отражает объективные свойства совершаемого деяния.

Но ситуация меняется, если посягающий допускает ошибку в личности потерпевшего: желая лишить жизни, например, государственного деятеля в целях прекращения его государственной деятельности, он по ошибке принимает за него другого человека, стреляет в него и промахивается. Налицо неудавшаяся попытка посягнуть на жизнь государственного деятеля, но не реальное посягательство.

Квалифицировать деяние по ст. 277 УК невозможно, поскольку жизнь государственного деятеля не находилась в реальной опасности и основам конституционного строя Российской Федерации ничто не угрожало. Но с учетом субъективной направленности деяния на этот объект преступление следует квалифицировать как покушение на преступление, предусмотренное ст. 277 УК, хотя с точки зрения формальной логики такая квалификация представляется не совсем обычной — покушением на покушение.

Иногда суды квалифицируют как преступления против собственности деяния, совершенные без цели присвоения чужого имущества.

Так например, М. был осужден за злостное хулиганство и покушение на открытое завладение имуществом граждан. Вечером пьяный М. из хулиганских побуждений нанес удары по голове незнакомым ему В. и А. Несколько позже он беспричинно толкнул Г., отчего она упала, а затем ударил палкой по голове Х. Через некоторое время он подошел на улице к С. и потребовал у нее деньги. Получив отказ, он замахнулся на нее каким-то предметом, затем сбил на землю и нанес несколько ударов ногами.

Как видно из показаний свидетелей и обстоятельств дела, М. никаких конкретных действий по завладению имуществом С. Не предпринимал, а когда с головы Т. упала на землю меховая шапка, М. ее поднял и возвратил владелице. Это свидетельствует об отсутствии корыстных мотивов в действиях М. и указывает на то, что он действовал из хулиганских побуждений. Следовательно, все действия М. квалифицируются как хулиганство и не содержат признаков покушения на открытое хищение чужого имущества.

При уголовно-правовой оценке действий, не доведенных до намеченного субъектом финала, необходимо иметь в виду, что намеченные лицом действия и желаемые последствия обладают свойством общественной опасности в уголовно-правовом понимании. Если же этот признак отсутствует, то стадия совершения деяния утрачивает свое значение и деяние признается не преступным в силу ч. 2 ст. 14 УК.

Например, Б. был осужден Тверским межмуниципальным судом Центрального административного района г. Москвы по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 158 УК за то, что в торговом зале магазина самообслуживания взял шнурки ценой 18 руб. и тюбик обувного крема ценой 36 руб., вышел из торгового зала, но был задержан при выходе из магазина. Московским городским судом дело было прекращено в силу малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК),

поскольку деяние, даже если бы оно было доведено до конца, не обладало бы свойством общественной опасности.

Значительный теоретический и практический интерес представляет вопрос о применимости законодательных положений о неоконченном преступлении к преступлениям с двумя формами вины. Такие преступления характеризуются умышленным выполнением основного состава преступления и неосторожным отношением к последствиям, выполняющим функцию квалифицирующего признака. А поскольку в теории уголовного права и на практике общепризнано, что приготовление к преступлению и покушение на преступление возможны только с прямым умыслом, в юридической литературе преобладает мнение о том, что приготовление и покушение невозможны применительно к преступлениям с двумя формами вины.

Однако такое решение представляется излишне категоричным и не в полной мере отвечающим смыслу закона.

В тех преступлениях с двумя формами вины, объективная сторона которых характеризуется двумя предусмотренными в законе последствиями, второе из которых причинно обусловлено первым и имеет значение квалифицирующего признака, приготовления и покушения действительно быть не может, ибо невозможно покушаться на преступление, квалифицирующее последствие которого не охватывается умыслом виновного. При такой конструкции состава первое из указанных в законе последствий, будучи обязательным признаком объективной стороны, по конструкции состава преступления является причиной квалифицирующего последствия. При отсутствии же причины невозможно и наступление следствия, поэтому теоретически немыслимо приготовление и покушение применительно к преступлениям с двумя формами вины, имеющим конструкцию состава, классической иллюстрацией которой является ч. 4 ст. 111 УК.

Не так обстоит дело в преступлениях с двумя формами вины, объективная сторона которых характеризуется действиями, являющимися уголовно наказуемыми вне зависимости от наступления каких бы то ни было последствий, и конкретно обозначенными в диспозиции последствиями, играющими роль квалифицирующего признака. В преступлениях такой конструкции квалифицирующие последствия причинно связаны с общественно опасными действиями, составляющими единственный обязательный признак объективной стороны основного состава. И такие действия могут послужить причиной наступления квалифицирующих последствий не только в случаях доведения их до конца, но и при частичном их выполнении.

Например, при попытке изнасилования виновный применяет такие по интенсивности методы физического насилия, которые сами по себе, независимо от совершения или несвершения насильственного полового акта, являются причиной наступления квалифицирующих последствий в

виде, например, тяжкого вреда здоровью потерпевшей или иных тяжких последствий.

Разумеется, приготовительные действия не могут послужить причиной наступления квалифицирующих последствий, поэтому приготовление к совершению преступления, характеризующегося двумя формами вины, принципиально невозможно, независимо от конструкции состава такого преступления.

Что же касается покушения на совершение преступлений с двумя формами вины, то оно возможно, если основной состав преступления сконструирован по типу формальных и даже частичное выполнение действий, образующих объективную сторону такого преступления, может причинно обусловить наступление квалифицирующего последствия. При таких обстоятельствах тяжкие последствия причиняются не полным совершением изнасилования, а умышленными действиями, образующими покушение на изнасилование, и психическое отношение к ним вполне может характеризоваться неосторожной виной. Во всех подобных случаях можно говорить о покушении на преступление путем совершения умышленных действий, повлекших квалифицирующие последствия, то есть о причинении по неосторожности, например, смерти потерпевших или иных тяжких последствий, насильственными действиями, совершенными при неудавшейся попытке совершить похищение человека, изнасилование, захват заложника и т. п.

Вопрос 4. Особенности квалификации при добровольном отказе от совершения преступления(ПК-5)

Добровольность отказа от доведения преступления до конца, по общему мнению, означает, что лицо в процессе преступной деятельности прекращает начатое преступление. Окончателность отказа состоит в том, что лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, должно полностью и окончательно прекратить преступные действия. В случае временного перерыва преступной деятельности, вызванного теми или иными обстоятельствами, окончателность отказа отсутствует, например вор прекращает кражу, чтобы приискать подходящие орудия преступления для взлома или выбрать удобное время. Д.Е. Дядько полагает, что добровольный отказ не исключается и в тех случаях, когда лицо добровольно отказалось от совершения преступления, а затем все же совершило посягательство по вновь возникшему умыслу. Предоставляется, что отказ в таком случае является временным, но не полным и окончательным и с точки зрения уголовной ответственности не имеет значения, поскольку умысел на совершение преступления реализуется позднее.

В отношении третьего признака - осознания возможности доведения преступления до конца - имеются два условия добровольности прекращения

преступной деятельности. В.Д. Иванов полагал, что осознание является самостоятельным признаком добровольного отказа. По мнению указанного автора, в основе этого признака лежит не только желание лица прекратить преступную деятельность, но и осознание лицом возможности доведения преступления до конца.

Обозначенные признаки считались необходимыми в совокупности: отсутствие одного из них исключало добровольность отказа и делало его вынужденным. Согласно сложившимся взглядам вынужденный отказ имеет место в двух случаях: во-первых, лицо не в состоянии довести преступление до конца в силу причин, которые не зависят от его воли; во-вторых, лицо временно отложило доведение преступления до конца до более удобного случая.

Считалось, что реальная возможность окончания преступления в случае добровольности отказа определяется, исходя из представлений об этом самого субъекта. В юридической литературе высказывалось мнение о возможности добровольного отказа в тех случаях, когда субъект отказывался от окончания начатого преступления под давлением существующих в его воображении представлений о внешних препятствиях, хотя в действительности их не было. А. Сахаров, напротив, полагал, что отказ не должен быть связан с возникновением не предвиденных виновным обстоятельств, осложнивших совершение преступления или увеличивающих риск разоблачения.

Сужение понятия добровольного отказа рекомендовалось, если «лицо прекратило дальнейшее совершение преступления, убедившись в невыгодности для себя его продолжения». А. Зелинский, напротив, утверждал, что в процессе совершения преступления обстановка может меняться, непредвиденные препятствия могут существенно затруднять доведение преступления до успешного завершения, но отказ от него должен быть признан добровольным. Авторы, по существу, ведут полемику о мотивах добровольного отказа. На наш взгляд, в данном случае должны приниматься во внимание не мотивы прекращения преступной деятельности и не сам факт ее прекращения, а окончательность такого прекращения, свидетельствующая о добровольности отказа.

Мы в своем подходе к мотивам добровольного отказа исходим из того, что «общий характер всех мотивов и их единство, по существу, зависят от идеалов человека, от его взглядов и убеждений, уровня сознания, его мировоззрения в целом, содержание которого составляют как теоретические категории, так и нравственные основы».

Однако в данном случае речь идет о лицах с антиобщественным взглядами, в отношении которых подход специалистов по общей психологии не вполне оправдан. Преступник может отказаться от доведения преступления до конца вопреки своим антисоциальным взглядам, идеалам и убеждениям в тех случаях, когда ему невыгодно доведение преступления до конца, слишком опасно либо вызывает значительные трудности,

преодолевать которые он не привык. Для законодателя важен результат, а не идейные мотивы, которыми руководствуется субъект преступления, прекративший наказуемое деяние.

В судебной практике при применении института добровольного отказа иногда возникают трудности в решении вопроса о том, имелась ли в действиях лица только попытка совершить преступление или эти действия содержат состав иного преступления.

Разрешая эту проблему, необходимо иметь в виду, что речь идет об ином оконченном преступлении. Это вытекает из того, что закон освобождает лицо от уголовной ответственности только за неоконченную преступную деятельность, что же касается завершенного, оконченного преступления, то здесь действуют общие правила.

Например, Н., готовясь совершить разбойное нападение на граждан, похитил с этой целью огнестрельное оружие и тем самым выполнил preparatory actions к разбою, но в дальнейшем от совершения разбойного нападения отказался. В этой ситуации имеет место добровольный отказ от совершения разбойного нападения. Однако такого рода preparatory actions образуют состав иного оконченного преступления - хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ (ст. 226 УК РФ). Деяние, совершенное Н., в целом было квалифицировано по ст. 30, а также по ч. 1 ст. 226 УК РФ. На основании ст. 31 УК РФ Н. подлежит освобождению от уголовной ответственности за preparatory actions к разбою. Наказание ему должно быть определено лишь по ч. 1 ст. 226 УК РФ.

Пленум Верховного суда РФ в постановлении от 22 апреля 1992г. "О судебной практике по делам об изнасиловании" отметил, что в случае добровольного отказа от изнасилования "лицо не подлежит ответственности за покушение на изнасилование и может отвечать за фактически совершенные им действия лишь в том случае, если они содержат состав иного преступления". На практике в случаях добровольного отказа от изнасилования нередко виновных привлекают к ответственности за хулиганство, за причинение телесных повреждений. Подобную квалификацию следует считать правильной, если попытка изнасилования сопровождалась совершением такого рода преступлений.

Квалификация неоконченной преступной деятельности при добровольном отказе во многом зависит от того, совершалось ли преступление одним лицом или в соучастии с несколькими лицами. Действия соучастников преступления взаимосвязаны, взаимообусловлены.

Формулируя критерий добровольного отказа для соучастников преступления, законодатель сделал исключение для соисполнителя. В УК РФ нет специального предписания, регламентирующего добровольный отказ соисполнителя преступления, тогда как относительно других видов соучастников такие нормы предусмотрены. Вероятно, это можно объяснить тем, что условия добровольного отказа для лица, выполняющего

объективную сторону преступления в одиночку, и лиц, совместно участвующих в выполнении преступления, тождественны.

Согласно ч. 1 ст. 31 УК, добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. Именно эта норма регламентирует добровольный отказ соисполнителя.

Грамматическое толкование приведенной формулировки допускает неоднозначную ее трактовку. Дело в том, что при соучастии термин "действия (бездействие)" можно понимать двояко: поведение конкретного соучастника (в нашем случае соисполнителя) и "всю сумму действий", которые составляют объективную сторону преступления.

Возникает вопрос: достаточно ли соисполнителю преступления прекратить свои действия для отказа от преступления или же ему необходимо предпринять меры для прекращения действий и других соисполнителей? Ведь возможны ситуации, когда при прекращении преступных действий одним из соисполнителей другие доводят преступный замысел до конца.

С другой стороны, не исключен вариант, при котором, не прекратив собственных действий по выполнению объективной стороны преступления, соисполнитель уже после их осуществления предотвращает наступление общественно опасных последствий.

Так, если термин "действия (бездействие)" в ч. 1 ст. 31 УК толковать как содеянное всеми соисполнителями (деяние в целом), то при отказе от доведения "своей части преступления" до конца одним соисполнителем, выполнении другими соисполнителями общественно опасных действий и наступлении преступных последствий есть все основания привлечь к уголовной ответственности участвовавших в совершении этого преступления (в том числе, и отказавшегося от дальнейших действий).

С другой стороны, предположим, несколько лиц договорились о совместном совершении кражи с незаконным проникновением в жилище таким образом, что первый взламывает дверь, а другие непосредственно осуществляют хищение и при этом первый, выполнив свою часть преступления, сообщает в правоохранительные органы о готовящейся краже, в результате чего наступление преступных последствий предотвращено. Тогда в соответствии с предложенным толкованием ч. 1 ст. 31 УК лицо, сообщившее в правоохранительные органы о возможности хищения, может и не быть привлечено к уголовной ответственности, так как преступный результат не наступил.

Если же, наоборот, термин "действия (бездействие)" в ч. 1 ст. 31 интерпретировать как поведение конкретного исполнителя, то в первом из выше приведенных примеров лицо, отказавшееся от дальнейшего осуществления своей части преступления, нельзя привлечь к уголовной

ответственности. А во втором случае действия лица сообщившего в правоохранительные органы о готовящемся преступлении и тем самым предотвратившего наступление преступного результата, надо рассматривать как постпреступное поведение.

Особенность соучастия, связанная с тем, что преступление может состоять из действий нескольких лиц, отчасти нашла законодательное выражение в предписаниях о добровольном отказе пособника, подстрекателя и организатора. Здесь законодатель четко разграничил поведение отдельных соучастников и преступное деяние в целом, указав на необходимость отсутствия или допустимости наступления общественно опасных последствий для признания в содеянном добровольного отказа.

Проблемы добровольного отказа соисполнителя преступления в теории уголовного права решаются неоднозначно. Согласно одной позиции, соисполнителю необходимо, как и любому другому соучастнику, "изъять" из общего деяния свою часть и тем самым разрушить причинно-следственную связь между своими действиями и наступлением преступного результата. Таким образом, соисполнителю для того чтобы отказаться от совершения преступления, необходимо прекратить преступное деяние в целом. При этом не имеет значения, выполнил он свою часть объективной стороны или нет.

Однако в доктрине обосновывается и противоположная позиция, согласно которой соисполнителю достаточно прекратить только свои действия (бездействие). Кроме того, можно встретить утверждение о том, что предотвращение доведения преступления до конца другим соисполнителем является обязательным только в том случае, когда между соисполнителями распределены роли.

Анализ статей УК РФ, регламентирующих институт неоконченного преступления, приводит к выводу о том, что для добровольного отказа соисполнителю необходимо предотвратить наступление преступных последствий. С одной стороны, в ч. 1 ст. 31 УК речь идет о прекращении приготовления или покушения, а с другой - логика дифференциации уголовной ответственности должна предусматривать, по крайней мере, не менее жесткие условия добровольного отказа для исполнителя, нежели для других участников преступления. Более того, если наряду с выполнением объективной стороны преступления совместно с другими лицом еще выполняло и функции подстрекателя или организатора, то в соответствии со ст. 31 УК для добровольного отказа ему необходимо предотвратить наступление преступных последствий.

В перспективе представляется целесообразным внести в закон изменения с целью более четкой регламентации ответственности соисполнителя преступления при прекращении им общественно опасных действий.

Это обстоятельство существенным образом влияет на форму добровольного отказа каждого из соучастников. Так, добровольный отказ со стороны исполнителя может выражаться в форме пассивного поведения, т.е.

несовершения дальнейших общественно опасных действий, которые могут вызвать вредные последствия. Такого рода поведение исполнителя дает основание говорить о его добровольном отказе от совершения преступления. Добровольный отказ со стороны исполнителя должен выражаться в активных действиях по предотвращению вредных последствий лишь в том случае, когда исполнитель совершил оконченное покушение на совершение преступления.

Добровольный отказ со стороны подстрекателя всегда должен состоять в активных действиях по предотвращению преступления со стороны исполнителя. Это обусловлено той ролью, которую выполняет подстрекатель в соучастии - вызывает решимость у исполнителя совершить преступление. Добровольный отказ подстрекателя означает устранение этой решимости у исполнителя или воспрепятствование каким-либо иным путем совершению исполнителем преступления.

Так, например, инвалид 1-ой группы Гаджиев прочитал в местной газете объявление Шарипова о продаже радиоаппаратуры “по высокой цене”. Выяснив по телефону, какая радиоаппаратура продается, и установив домашний адрес Шарипова, он предложил своему соседу Тагирову “экспроприировать” эту радиоаппаратуру и другое имущество Шарипова. Тагиров пришел в квартиру продавца и, выбрав удобный момент, нанес ему кастетом удар по голове, причинив тяжкий вред здоровью Шарипова. Забрав радиоаппаратуру, импортную одежду и золотые изделия на крупную сумму, Тагиров затем часть похищенного имущества хотел передать Гаджиеву. Когда Тагиров с этой целью пришел к Гаджиеву, тот отказался принять имущество и сказал, что собирался уговорить Тагирова отказаться от совершения преступления, но не нашел последнего дома и у родственников обвиняемого. Данное обстоятельство нашло подтверждение и в ходе судебного разбирательства.

Суд, назначая наказание Гаджиеву указал на то, что ему как подстрекателю не удалось предотвратить совершение оконченного преступления, его усилия по предотвращению преступления не влияют на квалификацию общественно опасных действий, но приняты во внимание при назначении ему меры наказания. Аналогичным образом решается проблема уголовной ответственности в случае добровольного отказа и для организатора преступления.

Добровольный отказ со стороны пособника может выразиться как в активных действиях, так и в пассивном бездействии, в неоказании соучастникам преступления обещанной помощи. Для наличия добровольного отказа такого рода бездействие пособника должно быть добровольным при сознании им фактической возможности оказать обещанную помощь. Если же неоказание помощи в совершении преступления со стороны пособника было вынужденным, произошло по независящим от него причинам, в этом случае отсутствуют признаки добровольного отказа. Такого рода неудавшееся

пособничество квалифицируется в качестве неоконченной преступной деятельности по ст. 30 УК РФ.

Так например, Гереев попросил родного брата Гереева Г., одолжить ему на ночь легковой автомобиль для поездки в соседний райцентр где он намеривался совместно с другими совершить кражу из магазина. Тот согласился, но с условием, что автомобиль будет возвращен следующим утром невредимым, а что-либо из похищенного ему тоже достанется. Автомобиль находился у близких родственников и когда Гереев Г., возвращался на автомобиле с целью передачи его брату он был задержан работниками ГАИ за нарушение правил вождения автомобиля. Не дождавшись брата Гереев С. с сообщниками выехали на попутной машине в соседний райцентр, где они совершили крупную кражу товаров.

Некоторая специфика имеется в квалификации неоконченной преступной деятельности при добровольном отказе со стороны участника преступного сообщества. Дело в том, что лицо, еще только вступившее в такое преступное сообщество, как банда, уже признается совершившим оконченное преступление - бандитизм. Следовательно, добровольный отказ возможен только в момент вовлечения этого лица в банду. Если же субъект вступил в банду, то его попытка выйти из банды должна рассматриваться по правилам института деятельного раскаяния. При определенных условиях такое лицо может быть даже освобождено от наказания, но не в силу ст. 31 УК РФ, а по другим правовым основаниям, например по основаниям, указанным в ст. 77 УК РФ, т. е. вследствие того, что лицо перестало быть общественно опасным. Добровольный отказ со стороны участника банды может иметь место, но только относительно отдельных преступлений, подготавливаемых бандой. При этом член банды должен действовать активно, с тем, чтобы предотвратить совершение готовящегося нападения. Пассивное поведение, отказ участвовать в конкретном случае бандитского нападения не могут квалифицироваться в качестве добровольного отказа члена банды. Так, например, братья Керимовы организовали группу для нападения на квартиры граждан. В эту группу впоследствии вошли Саидов и Османов. В течение года группа искала богатую квартиру, дом. В этот период было добыто огнестрельное оружие, несколько единиц холодного оружия. Когда был определен объект нападения, Османов решил не принимать участие в нападении, ссылаясь на плохое самочувствие. Вечером того же дня, банда совершила нападение на дом, в ходе которого было убито семь человек.

Такое понимание добровольного отказа в данном случае вытекает из тех правовых оснований и принципов, которыми определяется ответственность членов преступного сообщества: каждый его участник несет уголовную ответственность за всю сумму совершенных сообществом преступлений, даже если он в отдельных нападениях и не участвовал, но был о них осведомлен.

Рекомендуемая литература

1. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования [Электронный ресурс]/ Кадников Н.Г.— Электрон. текстовые данные.— М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Юриспруденция, 2013.— 297 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/23015>.— ЭБС «IPRbooks»;
2. Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья. Закон и правоприменительная практика [Электронный ресурс]: учебно-практическое пособие/ Борзенков Г.Н.— Электрон. текстовые данные.— М.: Зерцало-М, 2013.— 256 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/4532>.— ЭБС «IPRbooks»
3. Кузьмин В.А. Уголовное право России [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Кузьмин В.А.— Электрон. текстовые данные.— Саратов: Корпорация «Диполь», Ай Пи Эр Медиа, 2013.— 336 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/16479>.— ЭБС «IPRbooks»
4. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования [Электронный ресурс]/ Кадников Н.Г.— Электрон. текстовые данные.— М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Юриспруденция, 2013.— 297 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/23015>.— ЭБС «IPRbooks»;
5. Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья. Закон и правоприменительная практика [Электронный ресурс]: учебно-практическое пособие/ Борзенков Г.Н.— Электрон. текстовые данные.— М.: Зерцало-М, 2013.— 256 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/4532>.— ЭБС «IPRbooks»
6. Кузьмин В.А. Уголовное право России [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Кузьмин В.А.— Электрон. текстовые данные.— Саратов: Корпорация «Диполь», Ай Пи Эр Медиа, 2013.— 336 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/16479>.— ЭБС «IPRbooks»

Тема 7 Квалификация преступлений, совершенных в соучастии (ПК-5)

1. Общие вопросы квалификации преступлений совершённых в

соучастии. (ПК-5)

2. Вменение смягчающих и отягчающих признаков преступления при соучастии. (ПК-5)

3. Особенности квалификации соучастия в преступлениях с двумя формами вины. (ПК-5)

Вопрос 1. Общие вопросы квалификации преступлений совершённых в соучастии. (ПК-5)

Соучастие в преступлении представляет собой одну из наиболее важных и сложных проблем уголовного права. Существенным-аспектом данной проблемы является исследование субъективного содержания деятельности соучастников, пределов вменения в зависимости от объема вины и вопросов квалификации по субъективной стороне.

Отечественная уголовно-правовая наука прошла достаточно долгий этап обсуждения вопроса о возможности соучастия по неосторожности и в целом пришла к отрицательному ответу на него. А с принятием в 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик была утрачена нормативная основа для подобных дискуссий, поскольку соучастие было легально определено как «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления».

Действующее уголовное законодательство определяет соучастие как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления (ст. 32 УК), подчеркивая и умышленный характер действий (бездействия) соучастников, и умышленный характер сообща совершаемого преступления. Это определение исключает постановку вопроса о возможности соучастия по неосторожности, поэтому наука уголовного права признает соучастие именно умышленной деятельностью, но о видах умысла при соучастии учеными высказываются различные мнения. Многие из них допускают возможность соучастия в преступлении с обоими видами умысла, но в последние годы более широкое распространение получает мнение о том, что при соучастии возможен только прямой умысел. Отдельные ученые занимают в этом вопросе недостаточно последовательную позицию. Так, Ф. Г. Бурчак пишет: «Вопрос о характере умышленной вины исполнителя преступления, совершаемого в соучастии, и о характере умысла подстрекателя и пособника нужно решать исходя из общего понимания института соучастия. Выше уже подчеркивалось, что соучастников объединяет общность цели, их намерений. Такая общность возможна только в преступлениях, совершаемых с прямым умыслом. Из этого следует, что и соучастие возможно только в преступлениях, совершаемых с прямым умыслом». Приведенное рассуждение по существу

не вызывает возражений, хотя из правильной исходной посылки о том, что содержание умысла соучастников обязательно должно отражать сущность самого института соучастия, автор не сделал логически последовательного шага к конструированию формулы умысла применительно к соучастию, то есть формулы, в которой отражалась бы специфическая сущность данного института. А не сделав этого шага, Ф. Г. Бурчак вступил в противоречие со своей исходной посылкой, допустив возможность подстрекательства с косвенным умыслом в отдельных, сравнительно редких случаях, когда «подстрекатель видит свой интерес только в том, чтобы исполнитель совершил общественно опасное деяние, к общественно же опасным последствиям он относится безразлично».

Оригинальную и достаточно противоречивую позицию в вопросе о видах умысла при соучастии занял А. П. Козлов. Формулируя общие правила квалификации соучастия, одно из них он изложил следующим образом: «На наш взгляд, требует ссылки на ст. 33 УК и поведение соучастника, действующего с косвенным умыслом, поскольку необходимым признаком преступной группы является наличие только прямого умысла, отсюда косвенный умысел может составлять лишь элементарное соучастие с соответствующей квалификацией. При возможном признании неосторожного соучастия и оно должно быть отнесено к элементарному соучастию с квалификацией со ссылкой на ст. 33 УК».

Противоречивость позиции А. П. Козлова заключается в следующем.

Во-первых, нелогично допускать возможность соучастия с косвенным умыслом только при распределении ролей между соучастниками, но исключать косвенный умысел при совершении преступления преступной группой, которую А. П. Козлов не признает соисполнительством.

Во-вторых, необходимость ссылки на ст. 33 УК в соответствии с законом зависит от роли, выполняемой соучастником, а не от вида умысла, с которым он действует.

В-третьих, автор не дает указаний, на какую часть ст. 33 УК нужно ссылаться при оценке действий соучастника, совершенных с косвенным умыслом. Если имеется в виду часть вторая, то непонятно, почему на эту норму нужно ссылаться при оценке действий соучастника, совершенных только с косвенным умыслом, а не в принципе при квалификации действий любого соисполнителя. Ссылка на иную часть ст. 33 УК вообще недопустима, если участник группы выполнял роль исполнителя, пусть даже, как допускает А. П. Козлов, с косвенным умыслом.

Общей ошибкой ученых, полагающих, что соучастие возможно и с косвенным умыслом, является то, что они механически используют законодательную формулу умысла для раскрытия содержания вины при соучастии, не учитывая качественной специфики соучастия как особой формы преступной деятельности.

Так, П. Ф. Тельнов писал: «Интеллектуальные элементы умысла соучастника включают: а) сознание общественной опасности собственного

деяния; б) сознание общественно опасного характера деяния других соучастников (минимум еще одного); в) предвидение наступления совместного преступного результата. Волевой элемент его умысла образует желание совместного достижения преступного результата или сознательное допущение его наступления». Из приведенного высказывания видно, что автор, как и другие ученые, допускающие возможность соучастия с косвенным умыслом, исходит из волевого отношения соучастников к наступлению общественно опасных последствий совершаемого сообща преступления, явно переоценивая их значение для характеристики соучастия. Подобная переоценка последствий приводит некоторых исследователей к недопустимому отождествлению результата преступления как объективного признака с целью соучастников как признаком субъективным.

Основной недостаток конструкции косвенного умысла при соучастии заключается в том, что она не отражает психического отношения (интеллектуального — почти, а волевого — совершенно) к главному признаку соучастия, выражающему специфическую особенность этого института, а именно: к факту объединения нескольких лиц для совместного совершения одного и того же преступления. Кроме того, она оставляет вне поля зрения соучастие в преступлениях с формальным составом, составляющих преобладающее большинство.

Некоторые сторонники допущения косвенного умысла при соучастии исходят из того, что вид умысла соучастника определяется его психическим отношением не к общественно опасным последствиям, а к преступным действиям исполнителя, которые, по их мнению, могут быть либо желаемыми, либо сознательно допускаемыми. Но и эта точка зрения не ставит в центр психического отношения соучастника главную особенность института соучастия — совместность преступных действий соучастников. «Конструктивным элементом умысла соучастников является намерение совершить преступление или участвовать в его совершении... Поэтому стоит еще раз подчеркнуть: намерение возбудить в другом лице решимость совершить преступление или содействовать ему всегда свидетельствует о наличии у соучастника прямого умысла независимо от целей и мотивов, сопутствующих ему».

Определяющая особенность состава соучастия в преступлении заключается в том, что к преступной деятельности исполнителя присоединяется деятельность иных соучастников, которая в силу этого тоже приобретает преступный характер. Поэтому «разграничение прямого и косвенного умысла по волевому отношению к преступному результату не может быть признано существенным для решения вопроса об ответственности за соучастие». Вид умысла соучастника должен определяться волевым отношением к факту объединения преступных действий, то есть к факту, выражающему юридическую сущность соучастия. Присоединиться к сообща совершаемому преступлению возможно только по собственному желанию. «Субъект, сознавая, что его действия вызывают в

другом лице решимость совершить преступление, или укрепляют эту решимость, или содействуют ее проявлению вовне, действует так, а не иначе только потому, что он хочет так действовать. Как бы субъект внутренне отрицательно ни относился к деятельности исполнителя, сознательно содействуя преступлению, он желает этого содействия».

Итак, вид умысла при соучастии определяется волевым отношением не к последствиям преступления, а к факту совместности совершения преступления и может проявляться только в желании, то есть свидетельствовать о прямом, а не косвенном умысле. Его интеллектуальный элемент включает: 1) осознание общественно опасного характера своих действий или своего бездействия; 2) осознание способа содействия преступлению или способа воздействия на исполнителя (то есть факта и характера участия в преступлении совместно с другими лицами); 3) осознание общественной опасности и характера совершаемого исполнителем преступления (что включает и предвидение общественно опасных последствий в преступлениях с материальным составом).

Волевой элемент умысла соучастников может заключаться только в желании именно избранным способом принять участие в совместном совершении данного преступления. При конструировании косвенного умысла при соучастии волевой элемент умысла нередко «подменяется нюансами эмоционального отношения соучастника к преступным действиям и последствиям деяния исполнителя... Нельзя смешивать эмоции субъекта с его волей. Соучастник может негодовать и осуждать или, наоборот, радоваться и поощрять действия исполнителя, но если он сознательно содействует его преступной деятельности, то делает это с прямым умыслом». Поэтому нельзя не согласиться с М. И. Ковалевым, полагающим, что волевой элемент умысла соучастников характеризуется только желанием видеть преступление совершенным, а значит «современная доктрина и законодательство должны исключить возможность косвенного умысла при соучастии».

К числу важных аспектов проблемы соучастия относится вопрос о пределах вменения каждому из соучастников юридически значимых обстоятельств совместно совершенного преступления. Ключевым для решения этой проблемы является понятие объема вины, то есть совокупности психических отношений ко всем юридически значимым объективным свойствам совершенного общественно опасного деяния. Каждому отдельному соучастнику могут быть поставлены в вину лишь те юридически существенные обстоятельства, которые охватывались его сознанием.

Из этих обстоятельств первостепенное значение принадлежит самому факту совместности преступных действий. О соучастии речь может идти только в тех случаях, когда каждый из участников преступления осведомлен о том, что преступление совершается им не в одиночку, а сообща с другими лицами.

Однако некоторыми учеными данное требование рассматривается как

обязательное не для всех соучастников. Так, по мнению Ф. Г. Бурчака, Б. А. Куринова, Г. А. Кригера, В. С. Комиссарова, А. П. Козлова и некоторых других, требование взаимной осведомленности о преступной деятельности других лиц, участвующих в совершении преступления, является обязательным только при соисполнительстве.

При других же формах соучастия достаточно того, «что подстрекатель и пособник знали о преступлении, которое готовился совершить исполнитель, и сознательно подстрекали или способствовали его совершению. Что же касается требования осведомленности исполнителя о деятельности подстрекателя, пособника и организатора, то такое условие не вытекает из юридической природы института соучастия». Исходя из достаточности односторонней субъективной связи между соучастниками, сторонники этого мнения допускают возможность «замаскированного», «тайного» подстрекательства или пособничества, о котором «исполнитель» даже не подозревает.

Представляется, что соучастие с односторонней субъективной связью вряд ли возможно. Из законодательного определения видно, что соучастием признается только умышленная совместная деятельность, то есть деятельность согласованная. При отсутствии согласованности такая деятельность не является совместной, «законодательная характеристика субъективной стороны соучастия не позволяет относить к этой форме преступной деятельности случаи, когда виновные фактически взаимодействуют при совершении преступления, но не сознают этого взаимодействия».

Такие деяния нужно расценивать как преступления, совершенные раздельно. «Действия лица, присоединяющегося к исполнителю без его ведома, означают по сути умышленное создание условий преступления, то есть приготовление к преступлению».

Так, например, Б., М. и П. проходя поздно вечером мимо магазина заметили, что дверь служебного помещения взломана.

Заглянув туда, они увидели подростков, которые занимались хищением продуктов. П., Б. и М. отобрали у подростков краденое и прогнали их. После этого они похитили еще пять банок компота, десять коробок конфет и два пакета сосисок.

Обязательность взаимной осведомленности о преступной деятельности других соучастников подчеркивалась и Верховным Судом СССР. Так, в постановлении Пленума этого суда по делу Т. и других было указано, что «обвинение в соучастии признается обоснованным в том случае, если установлено, что обвиняемый, объективно способствовавший совершению преступления, имел с непосредственным исполнителем единые намерения, общие цели и взаимную осведомленность о преступной деятельности».

Одним из важных обстоятельств, осведомленность о которых входит в содержание умысла соучастников, является характер совместно совершаемого преступления. «Для решения вопроса об уголовно-правовой

квалификации действий соучастника необходимо установить, что лицо знало не только о факте совершения преступления, но и о ряде его важнейших особенностей.

В общей форме можно сказать, что это такие обстоятельства совершения преступления, которые составляют признаки состава преступления. Иными словами, все, что вменяется в вину соучастнику, должно было охватываться его умыслом». Соучастие — это специфическая форма преступной деятельности, которая характеризуется определенной направленностью на совершение конкретного преступления. Как подчеркнула Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в определении по конкретному делу, «подстрекателем может быть признан лишь тот, кто своим действием стремился возбудить у другого лица намерение или укрепить в нем решимость совершить не какое-либо вообще противоправное деяние, а конкретное преступление, охватываемое умыслом подстрекателя».

Обстоятельства, осознание которых необходимо для наличия соучастия, могут относиться к различным элементам состава преступления. В этой связи представляет практический интерес вопрос об осознании дополнительных признаков (помимо вменяемости и достижения необходимого минимального возраста), характеризующих субъекта преступления, то есть вопрос о соучастии в преступлениях со специальным исполнителем.

В литературе была высказана точка зрения, что «особенности субъекта преступления, которые выделены в законе в качестве основных или квалифицирующих признаков состава преступления, подлежат вменению остальным соучастникам, если эти обстоятельства охватывались их умыслом». Это мнение было подвергнуто серьезной критике. По мнению В. С. Прохорова, «не могут вменяться в вину соучастникам субъективные обстоятельства, имеющиеся на стороне исполнителя, если они носят строго личный характер: повторность, совершение преступления более двух раз, систематичность и особо опасный рецидив. Эти обстоятельства характеризуют степень общественной опасности личности исполнителя, а не совершенного им деяния и поэтому имеют значение только для его личной ответственности».

. Такого же мнения придерживается и Л. Д. Гаухман, утверждая, что «действия соучастников могут быть квалифицированы по разным частям одной и той же статьи Особенной части УК РФ. Это происходит, когда соучастники характеризуются различными признаками, относящимися к субъекту преступления (возраст, специальный субъект, рецидив, неоднократность) или когда различны мотивы их преступного поведения. В этом случае данное квалифицирующее обстоятельство вменяется только тому соучастнику, к которому оно относится. Другие соучастники несут ответственность за то же преступление, но не отягченное указанным обстоятельством, независимо от того, охватывалось ли оно их сознанием или

нет». С мнением Л. Д. Гаухмана можно согласиться с одним уточнением: мотивы не являются признаками, относящимися к субъекту преступления, они характеризуют само преступное деяние, поэтому вменяются тем соучастникам, которыми они осознавались, но не обязательно разделялись.

Думается, правы те ученые, которые дифференцированно подходят к вопросу о вменении соучастникам преступления тех признаков, которые характеризуют исполнителя преступления. Их можно разделить на две группы: 1) признаки, отражающие специфику объекта и объективной стороны преступления и тем самым определяющие характер и опасность преступления; 2) признаки, относящиеся исключительно к личности исполнителя и не отражающие особенностей объекта и объективной стороны, следовательно, не влияющие на характер и степень общественной опасности преступления.

К первой группе относятся черты, характеризующие должностное положение исполнителя (должностные преступления), его отношение к воинской службе (воинские преступления), наличие определенных обязанностей (отказ в предоставлении гражданину информации — ст. 140 УК, уклонение от уплаты таможенных платежей — ст. 194 УК и др.) и т. д. Такие обстоятельства, характеризующие объективную сущность совершаемого преступления, могут вменяться любому соучастнику, если их наличие осознавалось им. Так, предоставление убежища дезертиру лицом, не являющимся военнослужащим, образует пособничество дезертирству, а склонение должностного лица к получению взятки содержит состав подстрекательства к этому преступлению.

Ко второй группе признаков специального исполнителя относятся, во-первых, сугубо индивидуальные черты, являющиеся обязательным условием применения данной уголовно-правовой нормы, а во-вторых, признаки строго личного характера (не отражающие свойств объекта посягательства), которым законодатель придает квалифицирующее значение. О последних более подробно будет сказано при рассмотрении вопроса о вменении соучастникам квалифицирующих признаков преступления. Поэтому ограничимся пока вопросом о возможности вменения участникам преступления тех обстоятельств, которые содержат сугубо индивидуальную характеристику исполнителя преступления и служат обязательным условием применения данной правовой нормы.

Одним из таких обстоятельств может быть повышенный минимальный возраст, с которого наступает уголовная ответственность. При этом возможны два варианта.

Во-первых, недостижение такого возраста вообще исключает всякую уголовную ответственность. Так, за вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий или за половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, ответственность наступает только с 18 лет. Поэтому для всех участников этих деяний, которые не достигли указанного возраста, уголовная ответственность невозможна не

только за данное преступление, но и вообще, поскольку их действия состава какого-либо другого преступления также не содержат.

Во-вторых, недостижение установленного законом возраста исключает ответственность только за данное преступление, но может наступить в соответствии с другой нормой уголовного закона. Например, за бандитизм может нести уголовную ответственность только лицо, достигшее 16 лет. Но участники банды или совершаемых ею нападений в возрасте от 14 до 16 лет могут привлекаться к уголовной ответственности за те совершенные ими фактические действия, которые содержат состав какого-то другого преступления, наказуемого по закону с 14 лет: за убийство; умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью; разбой; грабеж и т. д. В этих случаях ответственность соучастников, не достигших необходимого для субъекта бандитизма минимального возраста, наступает за фактически совершенные ими преступления независимо от субъективного отношения к возрасту исполнителя, то есть и в тех случаях, когда они не осознавали факта достижения исполнителем определенного возраста.

Так, например, 14 летний М. и 15 летний С. признаны виновными в совершении преступления предусмотренного ст. 161 ч. 2 п «а» УК РФ. В ходе судебного разбирательства было установлено, что они выхватили телефонную трубку у О. и убежали с места преступления. По «горячим» следам оперативникам удалось обнаружить подозреваемых, которые пытались продать телефонную трубку принадлежащую О. В ходе личного досмотра у С. был обнаружен пистолет кустарного производства. В приговоре суда было указано на то, что С. не является субъектом уголовной ответственности за преступление предусмотренное ст. 222 ч. 1 УК РФ и суд исключил возможность привлечения С. к уголовной ответственности по ст. 222 ч. 1 УК РФ.

К сугубо личным признакам, характеризующим субъект преступления, можно отнести и наличие конкретной обязанности по отношению к определенному потерпевшему. Она может состоять в уплате средств на содержание детей родителями или трудоспособными детьми — нетрудоспособных родителей; во вскармливании матерью своего новорожденного ребенка и в уходе за ним.

За невыполнение первой обязанности могут нести ответственность только родители, которые по решению суда обязаны уплачивать средства на содержание несовершеннолетних или нетрудоспособных детей, а равно совершеннолетние трудоспособные дети, на которых судом возложена обязанность по содержанию нетрудоспособных родителей. Соучастие в этом преступлении в принципе невозможно, независимо от фактического содействия его совершению и от осознания содействующим различных его обстоятельств.

Иначе должен решаться вопрос о соучастии в убийстве матерью своего новорожденного ребенка.

Никто не вправе посягнуть на жизнь младенца, поэтому соучастие в

нем есть соучастие в убийстве. Формулируя состав детоубийства, законодатель смягчает ответственность субъекта этого преступления с учетом особого психофизического состояния женщины во время или сразу после родов либо влияния на нее различных психотравмирующих факторов. «Обстоятельство, которое служит основанием для отнесения детоубийства к составам со смягчающими признаками, касается лишь личных свойств субъекта этого преступления, поэтому оно не может и не должно распространяться на остальных участников преступления. Следовательно, их действия следует квалифицировать по общим статьям об ответственности за умышленное убийство». Поэтому действия организаторов, подстрекателей и пособников детоубийства не могут квалифицироваться в рамках ст. 106 УК. Вряд ли приемлемо и мнение, что такие соучастники могут нести ответственность по ч. 1 ст. 105 УК, поскольку новорожденный младенец всегда находится в абсолютно беспомощном состоянии. А значит, действия соисполнителей, организаторов и пособников детоубийства следует квалифицировать как соучастие в убийстве лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК).

Необходимо отметить, что вопрос о пределах вменения при соучастии тесно связан с вопросом об эксцессе исполнителя преступления, под которым понимается «совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников» (ст. 36 УК).

Совершение общественно опасных действий, выходящих за рамки общего замысла, «не может вменяться другим соучастникам, поскольку на время выхода лица за пределы соглашения утрачивается совместность деяний виновных и их субъективная связь». Не осознавая факта совершения еще и другого преступления либо первоначально намеченного, но в более опасном исполнении, остальные соучастники не оказывают содействия несогласованным действиям, составляющим эксцесс, их действия перестают быть совместными.

В зависимости от характера и степени отклонения соучастника от общего замысла принято различать количественный и качественный эксцесс.

Эксцесс является количественным, если отклоняющееся преступление составляет разновидность намеченного либо образует однородное с намеченным преступление.

Так, Савеловским межмуниципальным судом г. Москвы П., А. В., А. С. и Г. осуждены за разбой, совершенный при следующих обстоятельствах.

П. предложил братьям А. С. и А. В., а также Г. ограбить квартиру К. Хозяин К. сам открыл дверь А. С., А. В. и Г., которые, войдя в квартиру, избили К. и двух его гостей, причем в процессе избиения А. С. демонстрировал жертвам заточку. Связав К. и его гостей. А. С., А. В. и Г. завладели имуществом потерпевших на сумму 46 374 800 неденоминированных рублей. Верховный Суд РФ, исходя из предварительного сговора между П. и другими осужденными о совершении грабежа и учитывая, что П. не участвовал в избиении потерпевших и не

угрожал насилием, опасным для жизни или здоровья, признал в действиях П. наличие состава грабежа, а действия А. С., А. В. и Г. эксцессом исполнителей — разбоем.

В данном случае имел место количественный эксцесс исполнителей. Тот же вид эксцесса был бы со стороны соучастника, который вопреки сговору совершил бы не простой, а насильственный грабеж.

Качественный эксцесс образуют выходящие за пределы сговора действия одного из соучастников, не однородные с теми, которые соучастники планировали осуществить совместно. Здесь возможны два варианта: либо действия, составляющие эксцесс, совершаются дополнительно к тем, что намечались первоначально, либо они совершаются вместо первоначально намеченных действий.

Л., М. и К. осуждены за групповое совершение разбойного нападения на З. Рассмотренное дело в порядке надзора, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РД установила, что после совместного употребления спиртных напитков во время возникшей между ними ссоры Л. предложил З. выйти в коридор и стал избивать его. Затем в коридор вышли М. и К. и тоже нанесли несколько ударов потерпевшему. Во время избивания М. залез к тому в карман брюк и вытащил деньги. Умысла и договоренности о завладении деньгами потерпевшего у них не было: ни Л., ни К. после избивания З. не пытались взять хотя бы часть денег, которые вытащил М. Следовательно, завладение деньгами потерпевшего с применением насилия, причинившего легкий вред здоровью, образует состав разбойного нападения, совершенного одним М., а действия Л. и К., действовавших из хулиганских побуждений, были квалифицированы как злостное хулиганство. В данном случае действия одного из участников преступления, образующие качественный эксцесс, были совершены дополнительно к действиям, совершаемым совместно.

В соответствии с принципом субъективного вменения закон установил, что «за эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат» (ст. 36 УК).

Вопрос 2. Вменение смягчающих и отягчающих признаков преступления при соучастии. (ПК-5)

Большое практическое значение имеет вопрос о вменении соучастникам обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Эти обстоятельства могут относиться либо к самому общественно опасному деянию, либо к личности исполнителя (или какого-то другого соучастника). Относительно возможности их вменения остальным участникам преступления в литературе высказывались различные мнения. По мнению некоторых ученых, любые обстоятельства, как объективные, то есть относящиеся к деянию, так и субъективные (характеризующие личность исполнителя), могут быть вменены другим соучастникам, если они

охватывались их умыслом. Относительно квалифицирующих признаков объективного характера такое решение вопроса возражений не вызывает. Действительно, объективные квалифицирующие признаки отражают повышенную общественную опасность деяния, поэтому их осознание — необходимый элемент умысла соучастников. Следовательно, такие признаки могут вменяться лишь тем из соучастников, в сознании которых они отражаются.

Например, Ярославским областным судом К. был осужден по ч. 1 ст. 30 и п. «а», «в» и «г» ч. 2 ст. 162 УК к шести годам лишения свободы с конфискацией имущества за то, что пытался склонить К. к совместному с ним разбойному нападению с проникновением в жилище и с применением оружия, для чего восемь раз встречался с К. и пытался воздействовать на него.

Действия всех соучастников, исходивших даже из ошибочного предположения о наличии объективного обстоятельства, играющего роль квалифицирующего признака, должны квалифицироваться исходя из направленности умысла как преступление, совершенное при наличии данного квалифицирующего признака.

Так, приговором суда Советского района г. Махачкала Б. и К. осуждены по ч. 2 ст. 162 УК РФ за совершение по предварительному сговору группой лиц разбоя с применением оружия. Согласно заключению судебно-пиротехнической экспертизы все четыре патрона, из которых два находились в стволах обреза и два — в кармане у Б., были непригодны к производству выстрела (деформированы гильзы и повреждены капсюли). С учетом направленности умысла соучастников на совершение вооруженного разбоя и субъективного восприятия потерпевшими факта наличия у виновных обреза вывод суда о наличии этого квалифицирующего признака следует признать правильным.

Положение о том, что объективные свойства деяния, играющие роль квалифицирующих признаков либо обстоятельств, отягчающих наказание, вменяются тем соучастникам, умыслом которых они охватывались, полностью распространяется и на объективные обстоятельства, смягчающие наказание. Итак, все объективные обстоятельства, как отягчающие, так и смягчающие наказание, вменяются соучастникам преступления при условии их осознания. И наоборот, незнание о наличии объективных обстоятельств, существенно снижающих либо повышающих общественную опасность совершаемого деяния, исключает возможность их вменения.

Г. был осужден за пособничество в получении взятки, связанной с вымогательством. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отметила отсутствие в деле доказательств того, что Г. было известно о вымогательстве взятки исполнителем, и на этом основании приговор изменила, переqualифицировав действия Г. по статье о пособничестве в получении взятки без отягчающих обстоятельств. При этом коллегия указала, что «квалифицирующие обстоятельства, отягчающие преступление, о

которых не было известно пособнику, не могут быть вменены ему в ответственность».

Иначе решается вопрос о вменении смягчающих или отягчающих обстоятельств, имеющихся на стороне лишь одного из соучастников. Своеобразную конструкцию вменения таких обстоятельств, предложил Ф. Г. Бурчак. По его мнению, обстоятельства, относящиеся к личности исполнителя и усиливающие ответственность, должны вменяться остальным соучастникам при условии их осознания, а обстоятельства, относящиеся к исполнителю и смягчающие его ответственность, на других соучастников распространяться не должны.

Распространение сугубо личных характеристик исполнителя на остальных соучастников не согласуется с принципами субъективного вменения и справедливости. Кроме того, вряд ли вообще возможно вменять другим соучастникам обстоятельства, которые смягчают либо усиливают ответственность из-за специфических особенностей конкретного лица. Поэтому более приемлемой представляется позиция А. А. Пионтковского, по мнению которого, остальным участникам преступления могут вменяться охватываемые их сознанием обстоятельства, которые, хотя и относятся к личности исполнителя, тем не менее характеризуют повышенную или пониженную общественную опасность совершенного преступления. Например, пособничество в получении взятки лицом, занимающим должность главы местной администрации, о чем известно пособнику, должно квалифицироваться с учетом должностного положения взяткополучателя, поскольку оно значительно повышает общественную опасность получения взятки. Обстоятельства же, которые, не влияя на степень опасности самого деяния, относятся исключительно к личности данного конкретного преступника, указывая на ее более или менее высокую социальную опасность, ни при каких условиях не должны вменяться остальным соучастникам. Например, если лицо, защищая свою жизнь от общественно опасного посягательства, с помощью своего друга причиняет смерть посягающему; превысив при этом пределы дозволенной защиты, то состояние обороны, в котором находилось лицо, чья жизнь подвергалась опасности, обязательно отражается и на квалификации действий пособника. Напротив, если постороннее лицо содействует лишению жизни человека, неправомерные действия которого вызвали внезапно возникшее сильное душевное волнение исполнителя данного преступления, то пособник должен нести ответственность за соучастие в убийстве без смягчающих обстоятельств, поскольку состояние аффекта характеризует особое психическое состояние только исполнителя и не может смягчать ответственность соучастника.

Недопустимость вменения соучастникам квалифицирующих признаков, носящих сугубо личный характер, не раз подчеркивалась высшими судебными органами. Так, по делу Н., осужденного за соучастие в квалифицированном грабеже, суд признал грабеж квалифицированным на

том основании, что исполнитель ранее был осужден за аналогичное преступление. Не согласившись с квалификацией действий Н., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала: «Квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к личности исполнителя (совершение преступления повторно, особо опасным рецидивистом) не вменяются в вину соучастникам, если даже эти обстоятельства и охватывались их сознанием, так как указанные обстоятельства характеризуют общественную опасность только личности преступника и могут отягчать ответственность лишь самого исполнителя, то есть лица, к кому они непосредственно относятся».

Вопрос о вменении соучастникам смягчающих и отягчающих обстоятельств нашел свое частичное решение в действующем УК: «Смягчающие или отягчающие обстоятельства, относящиеся к личности одного из соучастников, учитываются при назначении наказания только этому соучастнику» (ч. 1 ст. 67 УК). Неполнота законодательного решения заключается в следующем.

Во-первых, процитированное положение приведено не в норме об ответственности соучастников преступления, а в норме о назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, а значит, имеет не глобальное, а весьма ограниченное значение.

Во-вторых, оно касается только смягчающих и отягчающих обстоятельств, относящихся к личности одного из соучастников, и не затрагивает подобных обстоятельств, если они характеризуют само общественно опасное деяние.

Законодательное решение рассматриваемого вопроса было бы более законченным, если бы в норме, определяющей пределы ответственности соучастников, было указано, что смягчающие и отягчающие обстоятельства, характеризующие общественно опасное деяние, учитываются при квалификации действий всех соучастников преступления, умыслом которых эти обстоятельства охватывались, а смягчающие и отягчающие обстоятельства, относящиеся исключительно к личности одного из соучастников, учитываются при квалификации действий только этого соучастника.

В практике не всегда одинаково решается вопрос о квалификации действий соучастников таких преступлений, в которых роль квалифицирующего признака отведена мотиву либо цели. Нет единства мнений и среди ученых. Так, Ф. Г. Бурчак считает, что «когда подстрекатель склоняет исполнителя к совершению убийства из корысти, то если бы сам он действовал и из других побуждений (например, из ревности), квалификация его действий будет определяться действиями исполнителя». Поскольку автор в приведенном высказывании не учитывает объема вины соучастников, вряд ли можно считать его верным. Более правильной является позиция тех ученых, по мнению которых для одинаковой квалификации действий исполнителя и других соучастников не требуется совпадения мотивов и

целей, усиливающих ответственность, но обязательной является осведомленность других соучастников о том, что исполнитель преступления совершает его по указанным в законе мотивам либо со специальной целью. Например, действия лица, помогающего совершить убийство, должны квалифицироваться как пособничество убийству из корыстных побуждений, если их наличие у исполнителя охватывалось сознанием пособника, хотя сам пособник действовал из ревности или мести.

Итак, все рассмотренные аспекты вопроса о пределах вменения при соучастии должны решаться с учетом объема вины. Те фактические обстоятельства, которые входят в состав преступления в качестве обязательных или квалифицирующих (либо смягчающих ответственность) признаков преступного деяния, должны вменяться тем соучастникам преступления, сознанием которых охватывалось наличие этих признаков. Обстоятельства же, относящиеся к личности исполнителя (при условии их осознания другими соучастниками), могут влиять на квалификацию других соучастников только в тех случаях, когда эти признаки хотя и носят личный характер, тем не менее увеличивают или уменьшают меру общественной опасности совершаемого деяния.

Те же признаки, которые характеризуют исключительно личность исполнителя преступления и не влияют на характер и степень опасности деяния, усиливают либо смягчают ответственность лишь того, к кому они относятся, и не влияют на ответственность остальных соучастников.

Рекомендуемая литература

1. Квалификация преступлений против личности [Электронный ресурс] : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.В. Быков [и др.]. — Электрон. текстовые данные. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 487 с. — 978-5-238-02610-7. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/34465.html>

2. Макаров С.Д. Изменение квалификации преступлений и обвинения в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] : научно-практическое пособие / С.Д. Макаров. — Электрон. текстовые данные. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 215 с. — 978-5-238-01723-5. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/71092.html>

3. Джинджолия Р.С. Унификация оценочных признаков при квалификации преступлений против личности [Электронный ресурс] : монография / Р.С. Джинджолия. — Электрон. текстовые данные. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 272 с. — 5-238-00751-5. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/71126.html>

4. Кауфман М.А. Теория квалификации преступлений [Электронный ресурс] : учебное пособие / М.А. Кауфман. — Электрон. текстовые данные. — М. : Российский государственный университет правосудия, 2017. — 80 с.

Тема 8. Квалификация преступлений при множественности и конкуренции уголовно-правовых норм (ПК-5)

При анализе понятия "реальная совокупность" в том его объеме, как предусматривает Уголовный кодекс РФ 1996 г., неизбежно возникают вопросы о квалификации нескольких деяний, одно из которых является приготовлением либо покушением на совершение преступления, а другое - оконченным преступлением. Также неоднозначен вопрос и с квалификацией действий соучастников преступления (организатора, подстрекателя, пособника). По смыслу закона в совокупность должны входить преступления, предусмотренные, по крайней мере, разными частями статьи. Согласно п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 40 "О практике назначения судами уголовного наказания" по совокупности следует квалифицировать совершение оконченного преступления, а затем покушения на аналогичное преступление. То же самое и с соучастием.

Безусловно, нужно признать тот факт, что приготовление к совершению преступления, покушение на преступление и оконченное преступление, хотя и являются стадиями осуществления единого преступного замысла, тем не менее, представлены в УК 1996 г. как три разных состава преступления. По смыслу закона практически любое тяжкое или особо тяжкое умышленное преступление (в зависимости от конструкции объективной стороны преступления) представлено в уголовном законе тремя составами: приготовлением, покушением и оконченным преступлением, что следует из ст. 30 УК. Для иных преступлений (небольшой и средней тяжести) возможно лишь покушение и оконченное преступление, а стадия приготовления не образует состава преступления. Вывод о наличии нескольких составов одного преступления вытекает из основания уголовной ответственности, предусмотренного ст. 8 УК: "Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим кодексом". Это значит, например, если лицо привлекается к уголовной ответственности за приготовление к насильственным действиям в отношении начальника с применением оружия, то в его действиях есть все признаки состава преступления. Но какого состава? Состав насильственных действий в отношении начальника (п. "б" ч. 2 ст. 334 УК) здесь нет, поскольку отсутствует объективная сторона преступления. Значит, есть иной состав преступления. Его можно назвать "покушение на насильственные действия" или "приготовление к насильственным действиям".

Получается, что оконченное преступление имеет свой состав, а неоконченное – свой. Причем, приготовление и покушение – разные составы. Такой вывод вытекает из того, что, хотя на всех трех стадиях объект, субъект и субъективная сторона совпадают, однако объективная сторона существенно отличается либо отсутствием последствий, либо отсутствием самого деяния как признака объективной стороны оконченного преступления. Таким образом, здесь мы также имеем дело с реальной совокупностью приготовления, покушения и оконченного преступления.

Представляется, что при наличии трех неоконченных уголовно – наказуемых деяний - приготовления, покушения и оконченного состава необходимо рассматривать их как три разных преступления, хотя в законе для каждой стадии - свой состав. Ссылка на статью 30 Уголовного кодекса УК в приведенных случаях лишь указывает на стадию осуществления преступного намерения. Между тем, по мнению Д. М. Молчанова, независимо от того, идет ли речь о покушении на преступление или о приготовлении, или об оконченном составе, следует констатировать тот факт, что это преступление предусмотрено одной и той же нормой, а именно – оконченным составом того или иного преступления. Поэтому Д. М. Молчанов утверждает, что нет оснований рассматривать два преступления, предусмотренные одной статьей, как реальную совокупность (по смыслу действующего закона) в том случае, если одно из них окончено на стадиях приготовления или покушения, а второе доведено до конца.

На наш взгляд, отрицая наличие реальной совокупности при квалификации оконченного и неоконченного составов преступлений, мы не признаем и наличие множественности преступлений, что противоречит понятию множественности общественно опасных деяний. Ранее в судебной практике совершение в разное время оконченного преступления и покушения на преступление предлагалось квалифицировать по совокупности, причем, второе преступление в обязательном порядке квалифицировать по признаку неоднократности (то есть вменять еще раз). Данная позиция Пленума интересна тем, что совершение покушения, а затем оконченного преступления может быть наказано строже (если рассматривать наказание в виде лишения свободы на определенный срок), чем совершение двух оконченных преступлений, квалифицированных по признаку неоднократности. Такая постановка вопроса нелогична и не отвечает принципам справедливости (ст. 6 УК РФ).

Новое постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27 января 1999 г. "О судебной практике по делам об убийстве" вопрос о квалификации в случае совершения сначала оконченного убийства, а затем покушения на убийство (и наоборот: сначала покушения, а затем оконченного) обходит стороной. При этом практика применения закона остается прежней.

Все изложенное нами по поводу стадий совершения преступлений относится и к совершению преступления в соучастии. Совершение преступления в соучастии с распределением ролей представляет собой

примерно такую же картину, как стадии преступления, в том смысле, что и здесь мы имеем одно преступление и несколько составов преступления. Утверждать это можно на том основании, что действия подстрекателя, пособника, организатора и исполнителя существенно отличаются. Так, первые трое не участвуют в выполнении объективной стороны преступления, однако отвечают по одной статье с исполнителем, но со ссылкой на соответствующую часть статьи 33 УК.

Таким образом, законодатель закрепил утверждение, что все они совершают единое преступление, однако состав преступления в действиях организатора, пособника и исполнителя будет различным, так как по объективной стороне их действия образуют разные составы, будучи направленными, конечно же, к одному результату. Здесь вновь возникает вопрос: как квалифицировать действия лица, бывшего в первом случае подстрекателем к убийству, а во втором – исполнителем? Очевидно, так же, как и в случае с покушением: каждое квалифицируется самостоятельно, причем второе – с учетом признака неоднократности. Ситуация аналогична первой. Приемлемое разрешение ее в рамках действующего законодательства не представляется возможным.

На наш взгляд представляет научный и практический интерес вопрос о так называемом поглощении составов. Несмотря на то, что стадии преступной деятельности представляют собой самостоятельные составы, здесь все же мы имеем дело с единичным преступлением, вследствие чего каждая последующая стадия автоматически поглощает предыдущую и не образует с ней совокупности. Однако поглощение составов может происходить и в других случаях, когда имеется реальная совокупность преступлений.

Так, например, М. приобрёл пистолет с целью совершения убийства. В течение определенного времени он готовится к совершению преступления, а оружие хранится в надежном месте. Совершив преступление, он выбросил пистолет в мусорный бак. В данном случае налицо реальная совокупность незаконного приобретения, хранения и ношения оружия (статья 222 УК) и убийства (соответствующей части ст. 105 УК).

Сам факт незаконного приобретения и хранения оружия лицом, которому данное действие не разрешено законом (формальный состав), общественно опасно. К тому же, нет никаких гарантий у виновного, что "надежно" спрятанное им оружие будет кем – то найдено, похищено, станет предметом шантажа его владельца и т. д. Примеров в судебной практике на данную тему предостаточно.

Так, офицер запаса Н. длительное время (свыше 7 лет) хранил у себя на даче, по его мнению, "надежно спрятанные" боеприпасы, которые приобрел еще в период военной службы. Однако во время его отсутствия боеприпасы были похищены. И данный случай, как показывает анализ судебной практики, далеко не единственный.

Таким образом, в приведенных примерах, на наш взгляд, безусловно, имеется реальная совокупность преступлений, поскольку незаконное приобретение и хранение оружия лицом (даже только с целью убийства конкретного лица) создало реальную угрозу общественной безопасности. Поэтому независимо от факта применения или неприменения оружия для задуманной цели, данное обстоятельство должно найти отражение в квалификации по совокупности. Однако в действующем законодательстве формального определения преступления нет, поэтому в каждом конкретном случае практические работники сталкиваются с проблемой наличия либо отсутствия совокупности. Наличие такого определения в законе существенно упростило бы квалификацию совокупности деяний в подобных случаях.

На практике вопросы квалификация реальной совокупности преступлений трактуются неоднозначно.

Несовершенство уголовного закона в вопросах разграничения единого преступлений и их совокупности приводит и к другим судебным ошибкам.

В частности, военным судом Московского военного округа военнослужащий Т. признан виновным наряду с другими преступлениями в хищении огнестрельного оружия и умышленном уничтожении оружия.

Рассмотрев дело в кассационном порядке, Военная коллегия не согласилась с такой квалификацией и пришла к выводу, что за умышленное уничтожение оружия Т. осужден необоснованно.

В примечании 1 к ст. 158 УК под хищением понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Состав этого преступления включает в себя не только противоправное завладение, но и последующее пользование и распоряжение похищенным имуществом по своему усмотрению. Следовательно, лицо, совершившее хищение и повредившее либо уничтожившее предмет хищения, должно нести уголовную ответственность лишь по статьям уголовного закона, предусматривающим ответственность за хищение. Никакой дополнительной ответственности за последующую судьбу похищенного имущества, в частности, за его утрату, повреждение или уничтожение на виновного законом не возложено. Думается, что с учетом изложенного Военная коллегия правильно приговор в этой части отменила и дело прекратила за отсутствием в действиях Т. состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 346 УК.

Идеальная совокупность. Понятие "идеальная совокупность" известно науке уголовного права достаточно давно. Однако это не означает, что в настоящее время появилось четкое определение данного термина. Согласно ч. 2 ст. 17 УК РФ научное понятие "идеальная совокупность" определено как *"одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями настоящего кодекса"*. Таким образом, законодатель относит идеальную совокупность к одной из форм множественности преступлений.

Мы полагаем, что законодатель действительно в определенной мере произвольно конструирует составы преступлений. Однако, выделяя объекты преступных посягательств, он исходит, конечно же, из реальной действительности. Поэтому сохранение идеальной совокупности как вида множественности позволяет оценить повышенную общественную опасность таких деяний. Что же касается правил назначения наказания, то здесь следует учитывать степень общественной опасности преступлений, входящих в нее, тем самым обеспечивая справедливость наказания.

Нередко указывают еще и на такой признак идеальной совокупности, как одновременность совершенных преступлений. Этот признак может иметь место, но при этом он будет производным и потому излишним: если оба преступления совершены одним и тем же действием, естественно, что они одновременны. Вместе с тем указанный признак не является достаточно точным: преступления при идеальной совокупности могут совпадать по времени лишь частично, поскольку начинаются или оканчиваются не всегда в одно и то же время.

Для того чтобы решить, имеется ли идеальная совокупность или единое преступление, необходимо прежде всего определить, предусматриваются ли объект посягательства и наступившие (или могущие наступить) вредные последствия одной уголовно-правовой нормой или нет. В первом случае будет единое преступление, во втором — идеальная совокупность.

Напомним, что уголовно-правовая норма нередко охватывает ряд преступных последствий, в том числе и не названных прямо в диспозиции, но вытекающих из смысла закона, системы норм, характеристики объекта преступного посягательства. Если деяние причиняет несколько преступных последствий, но все эти последствия охватываются одной уголовно-правовой нормой, содеянное следует рассматривать, при прочих равных условиях, как единое преступление, а не как идеальную совокупность преступлений.

Рассмотрим наиболее важные случаи, когда, исходя из сказанного, следует прийти к выводу, что идеальной совокупности нет, а имеется единое преступление:

а) несколько наступивших в результате совершения деяния одинаковых последствий относятся к одному и тому же объекту. Так, например, С. умышленно столкнул потерпевшего К. с высокого крыльца. Тот упал и получил несколько телесных повреждений, каждое из которых и все в совокупности были признаны легкими. Содеянное было квалифицировано по одной статье (в зависимости от направленности умысла — как причинение легкого вреда здоровью или как покушение на более тяжкое преступление - убийство. В данном случае последствий несколько, но все они относятся к одному и тому же непосредственному объекту — здоровью человека.

б) несколько наступивших одинаковых последствий относятся к аналогичным объектам. Если одним выстрелом совершено неосторожное причинение смерти двум человекам, то, хотя налицо два преступных последствия в отношении разных людей, все же должна применяться одна

статья УК, ибо эти объекты совершенно аналогичны. Но если характер последствий, причиненных одинаковым объектам, различен (например, одним выстрелом причинены одному потерпевшему легкий, а другому тяжкий вред здоровью) или если одинаковые вредные последствия относятся к объектам, которые не аналогичны друг другу, то будет идеальная совокупность преступлений.

Разумеется, все эти соображения имеют силу лишь для тех случаев, когда нет уголовно-правовой нормы, специально предусматривающей подобную сложную комбинацию признаков разных объектов. Например, если совершено покушение на убийство способом, опасным для жизни многих людей, причем некоторые потерпевшие получили повреждения разной степени тяжести (легкие, менее тяжкие, тяжкие), то достаточно применения одной статьи - п. "е" ст. 105 УК (со ссылкой на ст. 30 УК);

в) действиями обвиняемого причинен ущерб нескольким не аналогичным объектам, но эти объекты находятся между собой в отношении подчинения или один является частью другого. Не будет совокупности преступлений в том случае, если одно лицо наносит другому телесное повреждение, от которого потерпевший умирает. Хотя вред здоровью и убийство предусмотрены различными статьями УК в качестве самостоятельных преступлений, их непосредственные объекты находятся в подчинении один другому: объект убийства (жизнь человека) включает объект вреда здоровью как необходимое условие своего существования. Здесь не совокупность преступлений, а только конкуренция норм (конкуренция части и целого), рассмотренная в предыдущей главе.

Напротив, если вред здоровью и убийство совершены хотя бы и одним действием, но в отношении разных людей, то налицо идеальная совокупность преступлений (с той же оговоркой о п. "е" ст. 105), так как здоровье одного человека не является условием жизни другого. Идеальная совокупность преступлений будет, по нашему мнению, и в случае убийства, сопряженного с изнасилованием, так как жизнь и половая неприкосновенность не находятся в указанной выше взаимосвязи;

г) более общим случаем, когда имеется единое преступление, является следующий: наступившие последствия входят в комплекс, предусмотренный одной уголовно-правовой нормой. Поскольку, как говорилось выше, многие составы преступлений охватывают комплекс вредных последствий, то во всех случаях, когда одним и тем же действием причинены разнообразные последствия из этого комплекса, совокупности преступлений не будет. Эти последствия нередко являются разновидностями ущерба, предусмотренного одной уголовно-правовой нормой.

Так, например, причинение при хулиганстве побоев или легкого вреда здоровью не должно квалифицироваться по соответствующим статьям преступлений против личности. То же относится и к составу изнасилования. Об этом говорится в ряде постановлений Пленума Верховного Суда СССР, а также решений по конкретным делам. Составы хулиганства и изнасилования

не включают причинения средней тяжести или тяжкого вреда здоровью. В случае наступления от хулиганских действий или изнасилования таких последствий содеянное должно квалифицироваться как идеальная совокупность хулиганства и тяжкого или средней тяжести вреда здоровью.

Вот еще один пример отсутствия идеальной совокупности. Вооруженный автоматом П. ворвался в рейсовый автобус и, угрожая оружием, потребовал от пассажира К. снять с себя куртку и отдать ему. Когда К. отказался это сделать, П. выстрелом убил К., а затем предъявил такое же требование пассажиру С, и последний его выполнил. Действия П. органы следствия и суд первой инстанции квалифицировали как умышленное убийство, совершенное из корыстных побуждений и с целью облегчить совершение другого преступления (хищения куртки). Военная коллегия Верховного суда РФ не согласилась с такой квалификацией. Она не усмотрела здесь идеальной совокупности преступлений и исключила из приговора указание на второй квалифицирующий признак, поскольку все содеянное полностью охватывается понятием убийства из корыстных побуждений.

В Постановлении от 17 января 1997 г. "О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм" Пленум Верховного суда РФ подчеркнул, что, если члены банды совершают и другие преступления, не охватываемые понятием бандитизма, их действия должны квалифицироваться по совокупности преступлений.

Из сказанного можно сделать вывод, что идеальная совокупность преступлений будет лишь в том случае, когда различные наступившие преступные последствия не предусмотрены одной уголовно-правовой нормой и относятся к различным непосредственным объектам, ни один из которых не подчинен другому и не является его частью.

Вероятно, можно высказать еще одно общее правило, которое требовалось бы детально проверить на практике: различие в форме виновности при полном совпадении двух преступлений по субъекту, объекту и объективной стороне также дает идеальную совокупность. Например, если одним действием совершается умышленное и неосторожное лишение жизни, то преступление следует квалифицировать по двум статьям.

Нетрудно видеть, что правильное разграничение идеальной совокупности и единичного преступления обеспечивается, прежде всего, глубоким уяснением содержания соответствующих уголовно-правовых норм. Вот почему проблеме толкования закона и изучения признаков состава преступления необходимо уделять большое внимание. В частности, хорошее понимание практическими работниками юстиции комплексного, сложного характера преступлений позволяет более точно решать вопросы идеальной совокупности и применять несколько статей уголовного закона лишь в действительно необходимых случаях.

4. В заключение следует отметить, что иногда содеянное, представляющее собою идеальную совокупность преступлений,

квалифицируется все же по одной статье УК. Речь идет о случаях сравнительной малозначительности одного из совершенных преступлений по сравнению с другим (или другими).

К. совершил убийство финским ножом, взятым для этой цели у приятеля. Он был привлечен к уголовной ответственности только за убийство, а незаконное ношение холодного оружия ему не вменялось, хотя оно имело место и находилось в идеальной совокупности с содеянным. По сравнению с преступлением, за которое обвиняемому может быть назначена смертная казнь или длительное лишение свободы, второе преступление малозначительно, его вменение только затемняло бы правовую сущность содеянного.

Признавая в некоторых случаях целесообразность таких решений, следует иметь в виду их исключительный характер.

На наш взгляд, в ходе изучения и обобщения судебной и следственной практики необходимо систематически выявлять наиболее распространенные случаи квалификации содеянного как идеальной совокупности и на этой основе вносить предложения о внесении изменений в действующее уголовное законодательство в целях справедливой оценки обществом содеянного виновным и адекватного наказания. Мы полагаем, что для обеспечения принципа справедливости и единообразия применения закона при квалификации случаев идеальной совокупности необходимо оставить максимум сложения наказаний (25 лет лишения свободы).

Особенности квалификации множественности при конкуренции норм

Под конкуренцией уголовно – правовых норм в науке уголовного права понимается такое положение, когда одно преступление по юридическим признакам подпадает, на первый взгляд, под несколько статей Особенной части Уголовного кодекса. Однако в действительности должна быть применена лишь одна статья, содержащая все признаки противоправного деяния, в то время как при совокупности всегда имеет место совершение двух и более деяний

Вопрос о конкуренции уголовно – правовых норм в известной мере носит самостоятельный характер, но его связь с множественностью преступлений подчеркнута в ч. 3 ст. 17 УК РФ: "Если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме". При этом конкуренцию норм необходимо отличать от идеальной совокупности преступлений.

При идеальной совокупности в одном деянии содержатся признаки составов двух или более преступлений, что требует квалификации по нескольким статьям Уголовного кодекса. При конкуренции – из конкурирующих норм следует выбрать одну, с предельной конкретностью отражающую существо совершенного преступления.

Исходя из положений нового уголовного законодательства, целесообразно выделить следующих видов конкуренции:

общей и специальной норм;
специальных норм;
нескольких однородных норм, имеющих свои санкции;
временной (темпоральной).

Неизбежным явлением объективной реальности выступает четвертый вид конкуренции – временной или так называемой "темпоральный". Эта конкуренция норм – явление закономерное, свойственное любой правовой системе, включая самую совершенную.

Конкуренция общей и специальной норм.

Рассмотрим данное соотношение на конкретном примере. Так, статья 285 УК предусматривает ответственность за злоупотребление должностными полномочиями. Это общая норма. Ответственность за получение взятки, относящейся к частному случаю злоупотребления должностными полномочиями, регулируется статьей 290 УК, т. е. последняя является специальной нормой, которая и должна применяться. Совокупность со ст. 285 УК в данном случае исключается, если злоупотребление имело место в целях удовлетворения интересов взяткополучателя (ч. 2 ст. 290 УК) и кроме получения взятки должностное лицо не совершило других действий, подпадающих под признаки ст. 285 УК. Аналогичным должно быть решение и при конкуренции статей 285 и 292 УК, если злоупотребление свелось к должностному подлогу.

Вынесение заведомо неправосудного приговора или иного судебного акта судьей (судьями), за что предусмотрена ответственность в ст. 305 УК, безусловно, является злоупотреблением должностным лицом своими служебными полномочиями, но совокупность преступлений при этом отсутствует, общая норма (ст. 285 УК) не применяется, а деяние квалифицируется по специальной норме – статье 305 УК.

Отметим при этом, что на практике иногда правильную квалификацию может дать только Верховный Суд России.

Примером такой квалификации является дело в отношении К., который, работая старшим инспектором таможенного поста в Калининградской области, при досмотре автомашины гражданина И. выявил недостоверное декларирование валюты, перевозимой через границу России. Предложив И. "поделиться", виновный получил от него значительную сумму денег и пропустил через границу. Виновный осужден за совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 и п. "б" ч. 4 ст. 290 УК. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев кассационную жалобу К., в своем определении правильно указала: "Доводы осужденного об излишней квалификации содеянного им по ч. 1 ст. 285 УК РФ необоснованны, так как получение взятки и связанное с ним деяние, образующее самостоятельный состав преступления, в данном случае это злоупотребление должностными полномочиями, квалифицируются по совокупности преступлений".

Вопросы квалификации при конкуренции норм достаточно сложны, поэтому правоприменители иногда допускают ошибки в юридической оценке содеянного виновным и правильном назначении наказания. Характерны такие ошибки и при разграничении воинских насильственных преступлений с преступлениями против личности, указанными в главе 16 УК.

Таким образом, следует прийти к выводу, что при квалификации совокупности преступлений могут быть применимы следующие правила.

1. Принципом уголовного законодательства должно стать обязательное определение общественной опасности каждого преступления, входящего во множественность, и назначение за каждое из них соответствующего наказания.

2. Идеальная совокупность - вид множественности преступлений и должна выступать в статьях Особенной части как квалифицирующий признак, подлежащий учету при квалификации преступлений наряду с реальной совокупностью.

3. При конкуренции общей и специальной норм совершенное преступное деяние следует квалифицировать по специальной норме.

4. В случае конкуренции специальных норм, одна из которых предусматривает ответственность при отягчающих, а другая – при смягчающих обстоятельствах, приоритет должен отдаваться норме со смягчающими обстоятельствами.

5. При конкуренции специальных норм с отягчающими признаками различной тяжести предпочтение должно отдаваться норме с более отягчающими обстоятельствами.

6. Вопрос о приоритете норм, изданных в разное время, решается на основании ст. ст. 9 и 10 УК, согласно которым преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время его совершения. Закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу. Закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет. Во всех иных случаях конкуренции норм во времени, когда ими регламентируется вопрос, не связанный с определением преступности и наказуемости деяния, а исходят они от одного и того же органа, приоритет принадлежит норме, изданной позднее.

Рекомендуемая литература

5. Квалификация преступлений против личности [Электронный ресурс] : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.В. Быков [и др.]. — Электрон. текстовые данные. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 487 с. — 978-5-238-02610-7. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/34465.html>

6. Макаров С.Д. Изменение квалификации преступлений и обвинения в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] : научно-практическое пособие / С.Д. Макаров. — Электрон. текстовые данные. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 215 с. — 978-5-238-01723-5. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/71092.html>

7. Джинджолия Р.С. Унификация оценочных признаков при квалификации преступлений против личности [Электронный ресурс] : монография / Р.С. Джинджолия. — Электрон. текстовые данные. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 272 с. — 5-238-00751-5. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/71126.html>

8. Кауфман М.А. Теория квалификации преступлений [Электронный ресурс] : учебное пособие / М.А. Кауфман. — Электрон. текстовые данные. — М. : Российский государственный университет правосудия, 2017. — 80 с. — 978-5-93916-615-7. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/74186.html>

Тема 9 Квалификация преступления на различных стадиях уголовного процесса и пределы ее изменения (ПК-5)

В уголовном процессе обвинение включает в себе результат процессуальной и, прежде всего, доказательственной деятельности на разных этапах производства по делу.

М.С. Строгович указывал, что «доказывание — это установление при помощи доказательств всех фактов, обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела, — совершение (или несвершение) преступления, виновность (или невиновность) того или иного лица в совершении преступления и все иные обстоятельства, определяющие ответственность совершившего преступление лица»¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. С. 295..

Нетрудно заметить согласованность в определении обвинения и процесса установления его оснований и определения квалификации преступлений, прежде всего, по признакам содержания и направленности правоприменительной деятельности.

Обвинение, как утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом (п. 22 ст. 5 УПК РФ), формируется и изменяется компетентным органом: на досудебных стадиях — следователем, руководителем следственного органа (ст. 39 УПК РФ), дознавателем, начальником подразделения дознания (ст. 40¹ УПК РФ), прокурором по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом (ч. 2

ст. 226 УПК РФ), а в ходе судебного разбирательства — стороной обвинения (прокурором, обвинителем государственным или частным), а также судом при постановлении приговора и принятии иных судебных решений. Решение это может быть проверено и признано законным, отменено либо изменено судом апелляционной, кассационной или надзорной инстанций.

Изменяя обвинение, субъект правоприменения может скорректировать его фабулу, т.е. внести изменения в изложение фактических обстоятельств, а также исправить правовую оценку путем изменения формулировки, формулы обвинения и приведения их в соответствие с фактическими данными, как они установлены к этому моменту.

Наряду с основными задачами судопроизводства квалификация преступления имеет и уголовно-процессуальное значение, поскольку определяет форму предварительного расследования (предварительное следствие или дознание (ст. 150 УПК РФ), подследственность (ст. 151 УПК РФ), подсудность (ст. 31 УПК РФ), порядок судебного разбирательства, например, особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ) и др.

На досудебных стадиях квалификационная деятельность по делам публичного обвинения начинается с возбуждения уголовного дела с указанием уголовно-правовой нормы (пункта, части, статьи УК РФ), на основании которой возбуждается уголовное дело.

В дальнейшем важнейшим процессуальным основанием к выдвигению обвинения является наличие достаточных доказательств, подтверждающих в своей совокупности фактические обстоятельства происшедшего и квалификацию содеянного. Это требование относится ко всем стадиям производства по делу.

На первоначальном этапе, когда не все доказательства собраны, обвинение часто выполняет функцию предпосылки некоторых процессуальных решений: заключения лица под стражу, проведения судебно-психиатрической экспертизы, определения подследственности и пределов расследования.

При наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления, по делам органов предварительного следствия следователь выносит постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ), а при производстве дознания дознаватель выносит обвинительный акт (ст. 225 УПК РФ).

По мере получения доказательств либо исключения некоторых из них оценка фактических обстоятельств может меняться, что не редко влечет за собой изменение обвинения и квалификации преступления.

Изменение квалификации преступления и обвинения на начальных этапах — явление вполне распространенное. Установление новых обстоятельств, влияющих на квалификацию, продолжается практически до окончания расследования.

Согласно ст. 175 УПК РФ, если в ходе предварительного следствия появятся основания для изменения предъявленного обвинения, то следователь выносит новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого. Если в ходе предварительного следствия предъявленное обвинение в какой-либо его части не нашло подтверждения, то следователь своим постановлением прекращает уголовное преследование в соответствующей части, о чем уведомляет обвиняемого, его защитника, а также прокурора.

В процессе предварительного расследования при изменении обвинения следует упитывать уголовно-процессуальные аспекты, в том числе:

компетенцию правоприменителя — подследственность (ст. 150-151 УПК РФ). Так, если в период расследования следователем органов внутренних дел уголовного дела об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ) наступила смерть потерпевшего от действий обвиняемого, деяние последнего подлежит переквалификации на ч. 4 ст. 111 УК РФ, а дела о преступлениях данной категории в силу п. «а» п. 1. ч. 2 ст. 151 УПК РФ расследуются следователями Следственного комитета при прокуратуре РФ;

предмет рассмотрения, поскольку новое обвинение не должно выходить за пределы предмета расследования, т.е. события преступления, в отношении которого возбуждено уголовное дело (уголовное преследование).

Конституционным Судом РФ в ряде своих Постановлений (от 14.01.2000 № 1-П, от 23 марта 1999 г. № 5-П и от 27 июня 2000 г. № 11-П) сформулированы правовые позиции, согласно которым стадия возбуждения уголовного дела является обязательной. Актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием, которое обеспечивает последующие процессуальные действия органов дознания, предварительного следствия и суда, и одновременно влечет необходимость обеспечения права на защиту лица, в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность.

Данные правовые позиции были конкретизированы в определениях Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 343-0 и от 21 декабря 2006 г. № 533-0 применительно к содержанию ст. 171 и 175 УПК РФ, регламентирующих привлечение лица в качестве обвиняемого, изменение, дополнение ранее предъявленного обвинения. Конституционный Суд РФ указал, что уголовно-процессуальный закон не содержит норм, позволяющих привлекать лицо в качестве подозреваемого или обвиняемого, а также изменять и дополнять ранее предъявленное обвинение в связи с совершением лицом преступления, по признакам которого уголовное дело не возбуждалось. Напротив, УПК РФ предполагает необходимость соблюдения общих положений ст. 140, 146 и 153, в силу которых при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, должно быть вынесено постановление о возбуждении уголовного дела, которое при

наличии других уголовных дел о совершенных тем же лицом преступлениях может быть соединено с ними в одном производстве² Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 600-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пивоварова Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 175 Уголовно-процессуального Российской Федерации»..

Так, если в процессе расследования квартирной кражи будет установлено, что ранее обвиняемый совершил грабеж в отношении иного лица, то прежде чем предъявить обвинение в совершении грабежа, в отношении него должно быть возбуждено уголовное дело.

Отсутствие препятствий для выдвижения нового обвинения: во-первых, в тех случаях, когда предусмотрен особый порядок уголовного преследования, в том числе: в отношении отдельных категорий лиц: судей, прокуроров, следователей, адвокатов, депутатов и других лиц, предусмотренных ст. 447 УПК РФ, в соответствии с порядком, предусмотренным гл. 52 УПК РФ; в отношении лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, за преступления, предусмотренные гл. 23 УК РФ (ст. 201-204 УК РФ) в соответствии с примечаниями 2 и 3 к ст. 201 УК РФ и ст. 23 УПК РФ; во-вторых, по данному событию нет неотмененных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), оправдательного приговора (п. 4, 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ) и других обстоятельств.

При выдвижении нового более тяжкого обвинения, а также при существенном изменении фактических обстоятельств (способ, время, место совершения преступления, участие других лиц) оно вновь предъявляется обвиняемому, производится его допрос, что обязательно для реализации его права на защиту. Это также необходимо для формирования и проверки доказательственной базы обвинения. Так, признание вины обвиняемого по первому обвинению может таковым не являться по новому обвинению.

В случае смягчения обвинения его изменение может быть осуществлено путем прекращения уголовного преследования в части соответствующим постановлением дознавателя, следователя, прокурора.

При этом следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, уголовно-процессуальный закон не требует принимать решения о прекращении уголовного преследования в части либо об отказе в возбуждении уголовного дела по всем обсуждаемым в ходе расследования преступлениям. Количество исключенных таким образом квалификаций не повышает качество и достоверность предложенной квалификации обвинения. Во-вторых, такими решениями правоохранительные органы существенно сужают возможность изменить обвинение в дальнейшем.

На этапе рассмотрения дела по окончании предварительного расследования, реализуя функцию надзора, прокурор проверяет правильность юридической оценки, предложенной органами

предварительного расследования в обвинительном заключении, обвинительном акте, постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера.

При несогласии с квалификацией преступления компетенция прокурора по ее изменению различается и зависит от формы предварительного расследования по делу.

По уголовному делу, поступившему от следователя с обвинительным заключением, прокурор может не согласиться с обвинением и квалификацией преступления по уголовному делу. В таком случае в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ он возвращает уголовное дело следователю для изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых со своими письменными указаниями об этом.

По окончании дознания при утверждении обвинительного акта прокурор вправе своим постановлением исключить из него отдельные пункты обвинения либо переквалифицировать обвинение на менее тяжкое (ч. 2 ст. 226 УПК РФ). Представляется, что при утверждении обвинительного акта прокурор вправе изменить обвинение путем:

- исключения юридически значимых фактических обстоятельств, в том числе исправить «техническую» ошибку дознавателя, допущенную, например, при перечислении похищенного имущества, ошибку при арифметических подсчетах стоимости похищенного;

- исключения ссылки на статью Особенной части УК, например, излишне вмененную;

- исключении ссылки на квалифицирующие либо особо квалифицирующие признаки деяния, либо на обстоятельства, отягчающие наказания (рецидив преступлений);

- переквалификации содеянного на статью о менее тяжком преступлении.

Если прокурор скорректирует обвинение, то в дальнейшем объем и квалификация обвинения будут определяться совокупностью процессуальных документов: обвинительным актом и постановлением прокурора. После направления дела в суд и назначения дела к рассмотрению по существу, возврат к первоначальному обвинению исключается, даже если постановление прокурора будет отменено постановлением вышестоящего прокурора, поскольку пределы обвинения будут зафиксированы в постановлении о назначении судебного заседания по делу.

В случае, если по делу усматриваются признаки более тяжкого преступления, дело подлежит возвращению для производства дополнительного дознания либо направляется для производства предварительного следствия.

Право изменять обвинение (квалификацию) государственным или частным обвинителем в ходе предварительного слушания (ст. 236 УПК РФ), в судебном заседании (ст. 246, 321 УПК РФ) по правилам ст. 252 УПК РФ

уголовно-процессуальный закон связывает с обвинением на стадии предварительного расследования, т.е. с исходным обвинением.

В ходе предварительного слушания прокурор может внести изменение в обвинение по тем же правилам о соотношении исходного и производного обвинений, о чем может быть заявлено устно с занесением в протокол судебного заседания. Вынесение отдельного постановления прокурором закон не требует. В тех случаях, когда это повлекло изменение квалификации, новая квалификация отражается в постановлении о назначении судебного заседания. В необходимых случаях дело направляется по подсудности.

В связи с этим не вполне логичным представляются положения уголовно-процессуального закона, согласно которым при утверждении обвинительного заключения прокурор лишен права самостоятельно скорректировать обвинение и квалификацию преступления³. Указанные изменения внесены Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ, но может это сделать чуть позднее в судебном производстве.

В соответствии с ч. 8 ст. 246 УПК РФ государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора также может изменить обвинение в сторону смягчения путем:

исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание;

исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму УК РФ, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой УК РФ, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте;

переквалификации деяния в соответствии с нормой УК РФ, предусматривающей более мягкое наказание.

Российское уголовно-процессуальное законодательство исключает возможность изменить обвинение на более тяжкое либо существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам в ходе судебного разбирательства, в том числе прокурором либо государственным обвинителем. Следует обратиться к опыту зарубежного законодательства, где таким правом прокуроры наделены. Так, УПК Республики Беларусь в ч. 6 ст. 34 предусматривает, что при судебном разбирательстве уголовного дела прокурор, как государственный обвинитель, вправе изменять, дополнять и предъявлять новое обвинение.

Из указанных положений вытекают такие условия правомерности изменения обвинения и квалификации преступлений прокурором и государственным обвинителем, как соотношение исходного и нового обвинений по тяжести последствий для подсудимого, обеспечение права на защиту подсудимого от нового обвинения (ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

Изменение обвинения судом

В соответствии с принципом законности при производстве по уголовному делу приговор, определение, постановление и иные судебные решения должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона (ст. 297 УПК РФ).

Принцип законности, как требование точного и неукоснительного соблюдения и исполнения уголовных и уголовно-процессуальных норм при отправлении правосудия, предполагает право и обязанность суда исправлять ошибки в правоприменении, в том числе при квалификации преступлений.

Согласно ст. 252 УПК РФ суд может изменить обвинение по своему усмотрению, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Правила изменения обвинения на разных стадиях судебного разбирательства предлагаются в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Согласно п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» суд вправе изменить обвинение и квалифицировать действия подсудимого по другой статье уголовного закона, по которой подсудимому не было предъявлено обвинение, лишь при условии, если действия подсудимого, квалифицируемые по новой статье закона, вменялись ему в вину и не были исключены судьей из обвинительного заключения по результатам предварительного слушания, не содержат признаков более тяжкого преступления и существенно не отличаются по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому дело принято к производству суда, а изменение обвинения не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его права на защиту.

Таким образом, указываются такие условия правомерности изменения обвинения в судебном разбирательстве, как доказанность сведений о преступлении конкретного лица, отсутствие обстоятельств, препятствующих предъявлению нового обвинения (п. 4, 5 ст. 27 УПК РФ), соотношение исходного и производного обвинений по тяжести последствий для подсудимого, обеспечение права на защиту подсудимого от нового обвинения.

1. Приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании. Это требование в полной мере относится и к изменению обвинения. Установленные в судебном заседании фактические обстоятельства нередко отличаются от фактических обстоятельств, приведенных в обвинительном заключении. В такой ситуации, с одной стороны, в приговоре суд не может считать установленными фактические обстоятельства, не нашедшие подтверждения в судебном заседании, так как выводы суда должны соответствовать фактическим обстоятельствам, установленным в судебном заседании. С другой стороны, существенное изменение фактических обстоятельств не

всегда признается допустимым. Условия обвинения — это обстоятельства и факты, с которыми закон связывает обязанность либо возможность осуществления уголовного преследования, обвинения, а также применения мер уголовно-правового характера.

2. При изменении обвинения суд должен проверить, нет ли обстоятельств, препятствующих предъявлению нового обвинения.

По отдельным категориям дел, суд формулирует новое обвинение с соблюдением особого порядка, предусмотренного в отношении некоторых видов преступлений. Например, решая вопрос о переквалификации преступления со ст. 290 УК РФ (получение взятки) на ст. 204 УК РФ (коммерческий подкуп) суд запрашивает согласие соответствующей организации либо руководителя по правилам ст. 23 УПК РФ.

Если суд приходит к мнению о необходимости переквалификации деяния на статью о преступлении, производство в отношении которого осуществляется в порядке частного обвинения (например, на ч. 1 ст. 116 УК РФ), то до удаления в совещательную комнату суд обязан разъяснить сторонам возможность примирения и в случае, если оно состоится, выносит постановление о прекращении уголовного дела.

3. Требование закона о том, что при изменении обвинения в судебном разбирательстве не может быть ухудшено положение подсудимого предполагает, что:

исходное обвинение, сформированное стороной обвинения на предыдущих стадиях, не может быть усилено: вменением более тяжкого преступления, квалифицирующих обстоятельств и обстоятельств, отягчающих наказание; указанием новых эпизодов преступной деятельности, дополнением обвинения новыми юридически значимыми фактическими обстоятельствами (о способе, причинении вреда и др.);

при переквалификации преступления с одной статьи на несколько статей Особенной части УК РФ наказание по совокупности преступлений назначается в пределах санкции статьи по прежнему обвинению.⁵ Данное правило сформулировано в п. 33. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», где указано, что «Суды первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций вправе переквалифицировать преступное деяние с одной статьи на несколько других статей или частей статей уголовного закона, предусматривающих ответственность за менее тяжкие преступления, если этим не ухудшается положение осужденного и не нарушается его право на защиту. При этом наказание, назначенное по совокупности преступлений, не может быть более строгим, чем максимальное наказание, предусмотренное санкцией статьи УК РФ, по которой было квалифицировано деяние в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении (обвинительном акте)». Аналогичные положения содержались и в ранее действовавшем постановлении Пленума Верховного Суда РФ..

4. Нарушением права на защиту при изменении обвинения может быть признано:

существенное изменение фактических обстоятельств, положенных в основу квалификации, если изменяются юридически значимые признаки деяния: способ совершения преступления, причинение вреда;

вменение более тяжкого обвинения;

переквалификация на преступление, существенно отличающееся от прежнего по основным признакам состава преступления;

вменением фактических обстоятельств, характеризующих объект, способ посягательства и другие признаки преступления, ранее не указанных в обвинении;

наказание по новому обвинению назначено более строгое, чем это предусмотрено статьей по прежнему обвинению;

указание в новом обвинении на обстоятельства, о которых подсудимый не был надлежащим образом допрошен, с предоставлением возможности подготовиться к показаниям по новым обстоятельствам, если о них он сам не заявлял. В данном случае речь идет и об обстоятельствах, которые не влияют на квалификацию обвинения, однако подлежат установлению в силу ст. 73 УПК РФ: место, время, способ совершения преступления. Так, при уточнении времени или места совершения преступления, что в большинстве случаев не влияет на квалификацию содеянного, подсудимый должен иметь возможность дать показания по этим обстоятельствам, возможно с указанием на алиби и иные доводы в свою защиту.

Это обеспечивается требованием уголовно-процессуального закона о праве обвиняемого участвовать в судебном разбирательстве в судах первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. Нарушение этого права может поставить под сомнение любое судебное решение, в том числе и решение об изменении юридической оценки.

Показателен в этом следующий пример из отечественной судебной практики и практики Европейского Суда по правам человека по делу в отношении Селиверстова⁶. Постановление Европейского суда по правам человека по жалобе № 1969 «Селиверстов против России» от 25 сентября 2008 г., которым признано нарушение властями Российской Федерации и. 3 (а) и (б) ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, вступившее в законную СИЛУ 25 декабря 2008 г..

Приговором от 23 апреля 2001 г. Верховный суд Республики Удмуртия осудил Селиверстова по ч. 3 ст. 30, п. «в», «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ (приготовление к получению взятки, совершенное с вымогательством взятки, в крупном размере). Осужденный (заявитель), но не сторона обвинения, обжаловал приговор суда в кассационном порядке. 17 октября 2001 г. в присутствии адвоката осужденного и стороны обвинения дело рассмотрено в Верховном Суде РФ. Осужденный на слушание не явился. Обвинитель в устном заявлении попросил суд переквалифицировать действия осужденного на ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 159 УК РФ (как приготовление к мошенничеству

при отягчающих обстоятельствах). Адвокат утверждал, что удовлетворение ходатайства обвинения нарушит право заявителя на подготовку к защите, потому как ни заявитель, ни его адвокат не были предварительно проинформированы о природе и основаниях нового обвинения и не имели достаточного времени, чтобы подготовить свою позицию. Адвокат ссылался в частности на п. 3 (а) и (b) Ст. 6 и ст. 13 Конвенции. Суд кассационной инстанции удалился на совещание и вынес решение о переквалификации действий осужденного на ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 159 УК РФ с приведением доводов принятого решения.

Принимая решение о нарушении властями Российской Федерации п. 3 (а) и (b) ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Европейский Суд указал следующее.

В решении приводится ссылка на ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно положениям которой:

1. Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела... судом...

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;

б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника воспользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда этого требуют интересы правосудия.

Заявитель утверждал, что он не мог предвидеть, что кассационный суд может изменить обвинение, ему не представили оснований для согласия с ходатайством обвинения и применения к его действиям другой правовой характеристики.

Отмечается, что во время предварительного расследования и рассмотрения дела в суде первой инстанции обвинение по ст. 159 УК РФ не обсуждалось. При рассмотрении аналогичных жалоб и оценке справедливости уголовного разбирательства в целом по некоторым предыдущим делам Европейский Суд принимал во внимание, что переквалификация преступления не умаляет права на защиту в случаях, когда обвиняемые имеют достаточную возможность для защиты в последующем надзорной производстве при условии, что они имели право на оспаривание обвинений в отношении всех соответствующих юридических и фактических аспектов в кассационном суде. Однако в данном случае обвинение ходатайствовало об изменении обвинений, выдвинутых против заявителя только на финальных прениях в кассационном суде. Адвокат заявителя ясно сослался на необходимость изменения и приспособления позиции защиты в отношении такого важного изменения в версии обвинения.

Далее Европейский Суд указал, что «используя свое неоспоримое право на переквалификацию фактов, находящихся в его юрисдикции, кассационный суд должен был предоставить заявителю достаточную возможность для исполнения его прав на защиту по вопросам попытки мошенничества практичным и эффективным способом в соответствующее время».

«В свете вышесказанного Суд заключает, что право заявителя на детальную информацию о природе обвинения против него и право на получение достаточного времени для подготовки к защите были нарушены. Соответственно, имело место нарушение п. 1 и 3 (a) и (b) статьи 6 Конвенции».

Обстоятельства дела приведены достаточно подробно, поскольку их теоретическое осмысление может способствовать формированию уголовно-процессуальных механизмов, исключающих подобные нарушения.

Во-первых, утверждается право суда на переквалификацию действий подсудимого (осужденного).

Судебное решение о переквалификации преступления принимается в совещательной комнате и закрепляется в приговоре суда, кассационном определении, постановлении суда надзорной инстанции. Естественно, суд не может заранее уведомить об этом стороны и в тех случаях, когда об этом ходатайствуют стороны, и когда он это делает по собственной инициативе.

Любое изменение обвинения должно быть тщательно подготовлено в ходе судебной процедуры. Это предполагает исследование фактических обстоятельств дела, обсуждение их возможного изменения. Не исключено обсуждение и возможной переквалификации преступлений, выяснение отношения к ней государственного обвинителя, потерпевшего, подсудимого и его защитника.

Во-вторых, изменение обвинения и квалификации в позиции государственного обвинителя должны быть доведены до обвиняемого с предоставлением возможности высказать свое мнение, дать показания по существу нового обвинения. В суде первой инстанции после выступления государственного обвинителя, который формулирует обвинение, выступает сторона защиты, высказывая свое отношение к новому обвинению, либо с ходатайством о предоставлении времени на подготовку.

При подготовке дела к кассационному рассмотрению ходатайства участников процесса об изменении квалификации преступления выражаются в кассационном представлении государственного обвинителя либо прокурора, кассационных жалобах потерпевшего, осужденного, его защитника, законного представителя. Данные жалобы рассылаются участникам процесса, предоставляя им возможность подготовиться по этому вопросу и выразить свое мнение в судебном заседании.

В-третьих, соблюдение права на защиту в ситуации с изменением обвинения предполагает возможность участвовать в обсуждении этого вопроса до судебного решения, чтобы иметь возможность повлиять на него.

В-четвертых, осужденный имеет право обжаловать судебное решение о переквалификации преступления в судебном порядке.

В-пятых, любое судебное решение об изменении квалификации преступления должно быть мотивировано, включая ссылки на фактические обстоятельства дела, доказательства, основания и условия изменения квалификации преступления, соблюдение правил, предусмотренных ст. 252 УПК РФ, и других требований закона.

Серьезное усложнение механизма переквалификации преступления с отягощением различными процедурами, условиями, может «отбить» желание судебных инстанций искать единственно верную и точную квалификацию преступления (особенно когда единства мнений по этому вопросу не сложилось).

При изменении юридического основания (уголовно-правовой нормы) квалификация преступления по новому уголовному закону осуществляется по правилам ст. 10 УК РФ, т.е. если новый уголовный закон смягчает наказание или иным образом улучшает положение лица, совершившего преступление.

Указанные положения сформулированы с учетом действующего законодательства.

В целях повышения эффективности деятельности правоохранительных органов требуются изменения уголовного и уголовно- процессуального законодательства, согласование и систематизация норм права, теоретическое обоснование правил этой деятельности, их формулирование в постановлениях Пленума Верховного суда РФ.

Современные межотраслевые исследования приводят к достаточно аргументированным выводам о проблемах реализации уголовно-правовых отношений. В числе них указывается, что запрет на ухудшение положения подсудимого или осужденного путем изменения обвинения в сторону увеличения объема в случае такой необходимости обязывает суд принимать решение, не отражающее адекватно содержание возникшего в момент совершения преступления охранительного уголовного правоотношения — средства регулирования, что затрудняет, а в некоторых случаях делает невозможной реализацию уголовно-правового принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) и целей уголовного наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ)⁷Васильченко А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений: Монография. М.: «Ось-89», 2006. С. 180-181.. В целях преодоления данных проблем Л.А. Васильченко предлагает дополнить УПК РФ ст. 237¹ «Возвращение уголовного дела для дополнительного расследования», предусматривающую в п. 3 ч. 1 право суда направлять дело для дополнительного расследования при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении или обвинительном акте.

Обсуждая возможность возвращения дела для дополнительного расследования при рассмотрении дела первой, апелляционной или кассационной инстанций, отмечается, что нужны тщательно продуманные, основанные на историческом опыте и приспособленные к условиям современности законодательные меры по возвращению уголовно-процессуального института направления дел для производства дополнительного расследования⁸ Безлепкин Б.Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. 2-е изд. М.: Проспект, 2008. С. 151 — 152..

Следует согласиться, что действующее законодательство само создает трудности в реализации норм права и, прежде всего, принципов законности и справедливости. Поэтому сохраняются предпосылки для утверждения, что, поскольку институт направления дела для дополнительного расследования упразднен, ни законодательство, ни наука, ни практика пока не дают ясного, однозначного ответа на вопрос о том, как должна складываться судьба уголовного дела в подобных случаях.

Тем не менее следует признать, что некоторые законодательные препятствия устранены решениями Конституционного Суда РФ.

Но способно ли дополнительное расследование преодолеть эти проблемы. Вряд ли.

Основания к изменению обвинения могут существенно измениться в связи с изменением содержания и оценки доказательств, полученных на разных стадиях производства по делу. Например, обвиняемый, потерпевший, свидетель могут существенно изменить показания. Их оценка судом может отличаться от оценки их доказательного значения в обвинительном заключении. Окончательную оценку они получают только в приговоре. Решение суда в постановлении о направлении дела на дополнительное расследование с оценкой доказательств и необходимости предъявления более тяжкого обвинения никак не соответствует функции суда и принципам уголовного судопроизводства. При таких обстоятельствах возвращение дела на досудебную стадию может повторяться бесконечно, что, не может не повлечь нарушений прав обвиняемого и потерпевшего.

Поскольку процесс уголовного преследования, обвинения представляет собой единую процессуальную деятельность с единой функцией формулирования обвинения и доказывания предъявленного обвинения, целесообразно предусмотреть окончательное формулирование обвинения подсудимому по итогам судебного следствия. Если обвинение смягчается либо сохраняется в прежнем объеме, достаточно указать об этом в прениях, как это предусмотрено в ст. 246 УПК РФ.

Если исследованные в судебном заседании доказательства дают основания для существенного изменения фабулы обвинения и применение закона о более тяжком преступлении, следует предусмотреть право государственного обвинителя сформулировать новое обвинение в письменном виде вручить его подсудимому. Последний праве подготовиться

к защите по новому обвинению (сроком до пяти суток), дать показания, заявить ходатайство об истребовании доказательств.

Представляется, что такой порядок не противоречит целям уголовного судопроизводства, его задачам и принципам, но делает его последовательным и более эффективным.

Существенных правовых препятствий к такому развитию законодательства ни Конституция РФ, ни уголовно-процессуальное законодательство не содержат.

В тех случаях, когда изменение обвинения повлечет изменение подсудности, оснований для рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей в целях реализации положений ст. 47 Конституции РФ, согласно которой никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, а обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом, дело подлежит возвращению на досудебную стадию, где обвиняемый получит реальную возможность реализации этих прав.

В заключении следует отметить следующие положения.

1. Изменение обвинения в уголовном судопроизводстве осуществляется органами предварительного расследования, прокурором, судом в соответствии с компетенцией и полномочиями. Предложения стороны защиты, (обвиняемого, подсудимого, защитника, законного представителя) о квалификации подлежат обсуждению и мотивированному разрешению в соответствующих процессуальных документах.

Компетенцией по изменению квалификации в судебном разбирательстве обладают: прокурор (ч. 5 ст. 236 УПК РФ), сторона обвинения, в том числе государственный или частный обвинитель (ч. 8 ст. 246 УПК РФ), суд первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций (ст. 252, 367, 369, 378, 379, 382, 387, 409 УПК РФ). Изменение обвинения осуществляется в пределах компетенции суда, с учетом предмета и пределов судебного разбирательства.

2. Новое обвинение определяется наличием достаточных доказательств, исследованных в судебном разбирательстве.

3. Изменение обвинения в судебном разбирательстве возможно, если это не ухудшает положение подсудимого и не нарушает его право на защиту. Любое изменение обвинения должно сопровождаться предоставлением подсудимому права на защиту по новому обвинению.

4. Изменение обвинения возможно, если это не исключается предусмотренным уголовно-процессуальным законом особым порядком для отдельных преступлений и категорий лиц, наличием принятых по данному поводу процессуальных решений (п. 4, 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

Рекомендуемая литература

.Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования [Электронный ресурс]/ Кадников Н.Г.— Электрон. текстовые данные.— М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Юриспруденция, 2013.— 297 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/23015>.— ЭБС «IPRbooks»;

.Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья. Закон и правоприменительная практика [Электронный ресурс]: учебно-практическое пособие/ Борзенков Г.Н.— Электрон. текстовые данные.— М.: Зерцало-М, 2013.— 256 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/4532>.— ЭБС «IPRbooks»

Кузьмин В.А. Уголовное право России [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Кузьмин В.А.— Электрон. текстовые данные.— Саратов: Корпорация «Диполь», Ай Пи Эр Медиа, 2013.— 336 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/16479>.— ЭБС «IPRbooks»

**Перечень основной и дополнительной учебной литературы, ко
всему курсу лекций, необходимой для освоения дисциплины**

Основная литература

1. Квалификация преступлений против личности [Электронный ресурс] : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.В. Быков [и др.]. — Электрон. текстовые данные. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 487 с. — 978-5-238-02610-7. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/34465.html>
2. Макаров С.Д. Изменение квалификации преступлений и обвинения в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] : научно-практическое пособие / С.Д. Макаров. — Электрон. текстовые данные. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 215 с. — 978-5-238-01723-5. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/71092.html>
3. Джинджолия Р.С. Унификация оценочных признаков при квалификации преступлений против личности [Электронный ресурс] : монография / Р.С. Джинджолия. — Электрон. текстовые данные. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 272 с. — 5-238-00751-5. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/71126.html>
4. Кауфман М.А. Теория квалификации преступлений [Электронный ресурс] : учебное пособие / М.А. Кауфман. — Электрон. текстовые данные. — М. : Российский государственный университет правосудия, 2017. — 80 с. — 978-5-93916-615-7. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/74186.html>

Дополнительная литература

5. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования [Электронный ресурс]/ Кадников Н.Г.— Электрон. текстовые данные.— М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,

Юриспруденция, 2013.— 297 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/23015>.— ЭБС «IPRbooks»;

6. Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья. Закон и правоприменительная практика [Электронный ресурс]: учебно-практическое пособие/ Борзенков Г.Н.— Электрон. текстовые данные.— М.: Зерцало-М, 2013.— 256 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/4532>.— ЭБС «IPRbooks»

7. Кузьмин В.А. Уголовное право России [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Кузьмин В.А.— Электрон. текстовые данные.— Саратов: Корпорация «Диполь», Ай Пи Эр Медиа, 2013.— 336 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/16479>.— ЭБС «IPRbooks»

8. Крылова Н.Е. Преступления в сфере экономической деятельности [Электронный ресурс]: программа, лекции спецкурса, материалы судебной практики. Учебное пособие/ Крылова Н.Е., Леонтьев Б.М.— Электрон. текстовые данные.— М.: Зерцало-М, 2012.— 264 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/8138>.— ЭБС «IPRbooks»;

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (с посл. изм. и доп.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

3. Уголовный кодекс Российской Федерации (с посл. изм. и доп.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

4. О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 апреля 2001 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

5. О практике применения законодательства об ответственности за экологическиеправонарушения: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 5 ноября 1998г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

6. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 17 января 1997 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

7. О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности заналоговые преступления: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 64 от 28 декабря2006 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

8. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных,изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака:Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 26 апреля 2007 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

9. О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимуюоборону от общественно опасных посягательств: Постановление Пленума ВерховногоСуда СССР от 16 августа 1984 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

10. О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

11. О судебной практике по делам о вымогательстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 4 мая 1990 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

12. О судебной практике по делам о контрабанде: Постановление Пленума ВерховногоСуда РФ № 6 от 27 мая 2008 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

13. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»

14. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 27 декабря 2007 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»

15. О судебной практике по делам о нарушении правил охраны труда и безопасности горных, строительных и иных работ: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 апреля 1991 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»

16. О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем: Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»

17. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 23 от 18 ноября 2004 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»

18. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»

19. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса РФ: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 15.06.2004 г // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»

20. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и

ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 15 июня 2006 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»

Справочно-библиографическая литература

1. Нариньяни А. Популярный юридический справочник [Электронный ресурс] / А. Нариньяни, А. Довлатова. — Электрон. текстовые данные. — М. : РИПОЛ классик, Энтраст Трейдинг, 2015. — 288 с. — 978-5-386-07972-7. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/70905.html>

2. Шibaев Д.В. Справочно-правовые системы КонсультантПлюс. Практическое руководство для юриста [Электронный ресурс] : учебно-методическое пособие / Д.В. Шibaев. — Электрон. текстовые данные. — Саратов: Вузовское образование, 2016. — 138 с. — 2227-8397. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/57261.html>

Периодические издания

1. Актуальные проблемы российского права [Электронный ресурс]: журнал :— Электрон. текстовые данные.— Москва.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2012-2016.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/63304.html>.— ЭБС «IPRbooks».

2. Бюллетень Верховного суда РФ

7 Перечень ресурсов информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" необходимых для освоения дисциплины

Электронно-библиотечная система обеспечивает возможность индивидуального доступа для каждого обучающегося из любой точки, в которой имеется доступ к сети Интернет:

— ЭБ Либэр - <http://liber.rpa-mjust.ru>

- ЭБС IPRbooks - <http://www.iprbookshop.ru>
- Библиотека диссертаций - <http://www.dslib.net>
- информационно-правовой портал «Гарант» - <http://www.garant.ru/>
- информационно-правовой портал «КонсультантПлюс» - <http://www.consultant.ru/>

Учебное пособие

Научные основы квалификации преступлений
(курс лекций)

Таилова Айша Габировна